

Фрай Уэнсли - экзорцист

Э
Д
М
К
А
Л
Е
-
Д
А
Р
Н
Ж

I Часть. — Битва с собой. 1 глава. — Посвящена семье Уэнсли

I Часть. — Битва с собой. 1 глава. — Посвящена семье Уэнсли.

— Уверуешь ли ты, сын мой, в Святого Духа, что наделил тебя разумом?

— Уверую.

— Клянешься во имя Всевышнего, соблюдать все каноны церкви, нести слово Божье в массы, соблюдать положенные догмы, почитать монархов Английских и взysкивать с поданных положенную десятину.

— Клянусь святой церковью и крестом, отныне возложенным на меня, что буду соблюдать постулаты церкви, нести слово Божье миру, проповедовать только истину христианскую, проводить богослужение каждое воскресенье и изымать положенное.

— Тогда, сын мой, я объявляю тебя рабом Божьим, отныне слово святое несущим. Ты должен четко придерживаться учений Англиканской церкви и не допускать проявлений отступничества в положенном тебе приходе.

С такими назидательными речами, епископ Глостерский провел обряд рукоположения новоиспеченного пастыря Фрая Уэнсли. Молодой человек, получивший образование в Итоне, был выдвинут на дальнейшее обучение на доктора теологии, но в последний момент отказался от заманчивого предложения. Мотивы он четко не мог изъяснить, преобразовывая все в теоретические загадки. Но видимо, всему помешало тяжелое денежное положение его семьи. Отец не мог ссудить достаточную сумму на образование, и сыну — если он уж хочет чего добиться — надобно самому сыскать средства. Приход мог бы обеспечить неплохой доход, если не вести жизнь расточительную, то даже материнского наследства в три тысячи фунтов и годового дохода станет достаточно, чтобы позволить себе дальнейшее образование и развитие. Фрай не был мечтателен, более прагматик, хотя катахезисы соблюдал, не задаваясь вопросами и не углубляясь в размышления. Он выбрал тот путь, который отказался принять его дядя, пустившись в авантюрное плаванье по жизни.

Эта очень печальная страница в истории рода Уэнсли имела определенно пагубный исход — дядя исчез, а два его брата впали в немилость графа Шеффилдского, за что поплатились упущенными возможностями. Фрай рос в условиях ограничений, особенно, свободного мышления. Второго такого авантюриста ни одна приличная семья не потерпит, не говоря уже о семье Уэнсли.

Он не испытывал недостатка в знаниях. Старинная родовая библиотека деловых справочников, хрестоматий и разного рода полезных талмудов, была к его распоряжению. Но все легковесные истории, не несущие в себе полезных исторических повествований либо нравоучительное послесловие, приравнивались к запретной литературе. Отец лично уничтожил добрый десяток книг, вручив своим малым детям псалтырь да историю Великобритании. У Фрая была сестра — премилая вертушка Мария. Пока что ее беззаботный возраст семнадцатилетия не внушал девушке ничего горького и тяжкого, но ведь отец не помышлял вывозить дочь в свет. Младший брат старика Уэнсли избрал стезю преподавания, он достиг определенных высот, был назначен помощником декана, но выше прыгнуть просто не мог. Преподавательская коллегия ограничивалась полномочиями, а в столице его кандидатуру не рассматривали на должность декана, бумаги на получение

титула лежали в пыльном архиве. А всему виной был Эдвард Уэнсли — средний брат и темная лошадка. Самое печальное для Фрая, оказалось то, что он был похож на дядю — тот же красивый ясный взор больших синих глаз, прямой нос, мягко очерченный овал лица, прелестные ямочки на подбородке — ангельское создание в человеческом облике. Одним словом — он был красив, образован, рассудителен и умен. Поэтому старшие представители рода Уэнсли, ограничили его во всем: взрастили в мягкой натуре недоверчивость и сомнительность. Он был неуверен во всем, что касалось его. Сказал отец, что Фрай — прирожденный священник, и молодой человек пошел по этому направлению, не задумываясь, какая профессия наиболее благодатна для его натуры.

— А что, священник — дело непыльное: упитанный холуй, живущий себе в удовольствие, да еще и достойный человек, — рассуждал его отец. — Хитрый народ, ничем не рискующий. Только если не заниматься миссионерством. Миссионерство нынче не модно, это раньше пасторы отправлялись в новый свет на золотые рудники и там обогащались за счет тупого народа; а в пыльный и гнойный край, полный заразы, умный человек не сунется.

Подобными нравоучениями отец наставлял своего отпрыска. Тот послушно кивал, в принципе, жизнь священника для тихого, молодого человека — неуверенного в себе — подходила по мировоззрению. Он мог писать и проповедовать о спокойной, сытой жизни, не обуреваемой всякими проступками. Фермер должен заботиться о преувеличении достатка, приросте поголовья скота, выгодно арендовать пригодные пашни. Его работники чтить работодателя и его имущество, быть исполнительными, богобоязкими, не воровать. А их наниматель не обманывать и платить в срок. Богатые прихожане должны заботиться об искуплении грехов: заниматься благотворительностью, не злоупотреблять крепкими напитками, не усердствовать с рукоприкладством. Их жены быть прилежными супругами, даже в помыслах не изменять мужу, почаще исповедоваться, вносить пожертвования. А больных и страждущих надобно исповедать словом, ведь слово священное порой излечивает и облегчает боль — легкая смерть бывает благодеянием. Эти умозаключения молодой человек уяснил для себя в шестнадцать лет и в скорости пошел учиться на клирика. Хотя в университете он не находил должного просветительства: его сокурсники частенько нарушали каноны их будущего предназначения, ввязывались в сомнительные дела. Но Фрай избегал тлетворного общества и не обзавелся друзьями, исключая разве что нескольких корреспондентов, но до того занудных и дотошных, что делиться с такими людьми великою правдою не возникало желания.

Но сегодня его отрочество закончилось. Благодушие подсказывало, что он вполне справиться с поставленным жизненным кредо. В отцовский дом вернется разве для того, чтобы собрать свои вещи, тем более, что ему пообещали приход. А значит, не придется исполнять обязанности младшего священника, то есть, мальчишки при старшем наставнике. Это казалось невероятной новостью, сам епископ походатайствовал заранее, заботясь о дальнейшем благополучии скромного выпускника. Его ясный взор осветила искорка надежды, когда он узнал, что ему подыскали приличное место, не где-нибудь в глуши, а в маленьком городке.

— Благодарю вас, — ответил новоиспеченный пастор, — буду признателен.

Он откланялся его преосвященству, благоговей пред великим человеком, благодетелем детей церкви. Но как только дверь за Фраем закрылась и молодой пастор легкой, возвышенной (а может и окрыленной) походкой прошествовал в конец коридора, друг

епископа, случайно приехавший в гости и слышавший разговор о приходе, заметил:

— А ведь вы, ваше преосвященство, не обмолвились, что приход за пять лет сменило семь священников. Не надобно ли, в таких случаях, предупреждать о странностях подобных мест?

— Что вы, милейший друг, — удивился епископ Глостерский. — Если уж быть предельно честными со всеми агнцами, они подымут бунт. Я же предлагаю ему место священнослужителя, и его отцу не придется и пальцем пошевелить в обустройстве сына. Да где еще Уэнсли разрешат или предоставят такое заманчивое место? Семьсот фунтов в год — небывалый доход.

— Ну а что вы скажете, милорд, по поводу слухов, что частенько доносятся из тех краев? Городок Дарквудс только на карте обозначен, как захолустный городишко, вот только долина черных роцей на самом деле такую не является. Еще лет двадцать назад там произошли скандальные пропажи достопочтенных господ, а самоубийства и вовсе в обиходе.

— Я не верю до конца, что все упомянутое — правда. Не спорю, последний священник сошел с ума, а его помощник загадочным образом скончался: его обезображенное тело выбросило рекою на западных равнинах. Но ведь это может быть и человеческих рук дело.

— Этот паренек тоже недолго продержится. Уж больно слабая натура, да еще весь такой испуганный да замкнутый.

— Выпьем за его удачу, милейший друг, — более фривольно ответил епископ, доставая первосортный портвейн из тайных уголков рабочего стола.

Господа поговорили и забыли, предоставив молодому пастору самому во всем разобраться. А сам упомянутый священник, тем временем, нанял кеб, чтобы добраться до станции омнибусов, пересел в вышеупомянутый транспорт и уже назавтра добрался до родных краев. Железную дорогу даже в проекте не расчертили из-за скалистой местности, но добирался молодой человек комфортно.

Его встречала обеспокоенная сестра и невозмутимый отец. Фрай придерживался семейных уз, и как бы было не тяжело сейчас покидать все знакомое, новая жизнь открывала новые горизонты.

— Как прошел разговор с епископом? — поинтересовался старик. — Получилось выудить себе местечко?

— Епископ Глостерский посвятил меня в сан и предложил только что освободившийся приход в небольшом городке, семьсот фунтов в год, представляете!

— О! — издала восклицание сестра, но тут же стыдливо опустила голову, девушке не полагается бурно выражать свои эмоции.

— Значит, помнят еще великую славу рода Уэнсли, — возгордился старик. — Скоро сам граф заговорит о нас почтительней. А сейчас это нужно отметить. Мария прикажи сегодня подать штропшот 18** года, да холодные закуски. На ужин пусть миссис Лэнси поджарит гуся. Я знаю, что это для воскресного обеда, но мой сын принял сан — великое благодеяние для семьи — и возможно в воскресенье он произнесет свою первую проповедь. Так что гуся подавайте уже сегодня.

— Нет, батюшка, в это воскресенье я еще проповедовать не буду. Но как только я обустроюсь, не буду медлить со своим назначением.

— Все равно, гуся мы съедим сегодня, — гордо молвил старик Уэнсли.

Мария четко выполнила указания отца. Хотя с миссис Лэнси пришлось повоевать: упрямая кухарка нарекала на недостающие руки; и что давайте перебьем всю птицу уже

сейчас, а на следующей неделе начинаются приготовления к майскому празднованию в округе, а у них только горох из еды останется. Что ж, Марии не в новинку было помогать сварливой кухарке, особенно, когда дело казалось незапланированных пиршеств. Сегодня девушке пришлось самолично ошипывать гуся, а днем ранее готовить десерты, а там поди и еще чего стряпать. Прислуга, при таком попустительстве, эксплуатирует хозяев. Миссис Уэнсли отошла в мир иной уж пять лет как. Молодую девицу на пару лет сдали в пансион для образованных барышень, но к ее пятнадцатилетию отец вызвал ее вести домашние дела. В суматохе, милое создание все же успело черкнуть письмо тете Розерри, чтобы они по возможности приехали увидиться с Фраем перед его отъездом. Тетя Розерри (жена младшего брата Уэнсли — заместителя декана) поддерживала отпрысков Уэнсли-старшего. Бездетная чета, не обремененная наследниками, принялась опекать осиротевших племянников. Правда, дядя не мог влиять на Фрая, а вот его супруга прекрасно ладила с племянницей. Мы забыли упомянуть, что Фрай не приходился отцу старшим сыном, его брат Стивен наследовал имение отца, а младшему улыбнулась судьба получить приход и зажечь вольной жизнью. Отец даже не пожалел уже сейчас разделить материнское наследство между двумя младшими детьми, только почему-то дочери в приданное досталось всего полторы тысячи фунтов; а брату — в двое больше.

Стивену тоже сообщили о приезде брата, он сам отсутствовал несколько дней, исполняя роль управляющего делами отца. Собственно, по характеру и повадкам, старший сын был копией родителя, поэтому, если Фрая отец осекал, то старшему предоставил свободу; да и что ужимать, если Стивен был человеком дела, особенно в нем проявлялась хозяйственность и ответственность. Большим умом не отличался, в демагогию не впадал, искать приключения не брался, зато старался сделать имение более прибыльным. Отец гордился наследником, но нынче он уже гордился двумя сыновьями — первым за сходство с собой и деловитость, вторым — за небывалую удачу в получении прибыльного прихода.

Мария сдержанно радовалась за брата, она любила Фрая больше, потому что он один относился к ней очень хорошо, а теперь он уезжает, и сестра останется жить с двумя абсолютно чуждыми ей людьми. Ее старую няню уволили, пообещав найти новую компаньонку, и вот вчера она познакомилась с женщиной, которую при ней приставили. Мария была утонченной натурой, а вот миссис Ридс — женщиной грубой и резкой. Нянюшка Элен привила своей воспитаннице хорошие манеры, руководствуясь интуицией: воспитала в податливом ребенке добросердечного человека. Но что могла дать девушке грубая женщина? Видимо, мистер Уэнсли поскупился на хорошую, образованную компаньонку, наняв простачку задешево. И она теперь не будет видеть своего брата Фрая и окончательно замкнется в том пространном мирке, что вытесали для нее ее родные.

Но сегодняшним вечером, во время смакования нежным гусем и разбавленным штропшотом, что его готовили только представители рода Уэнсли — из красного сорта винограда с добавлением жгучих специй и сладких ягод — она искренне радовалась за дальнейшее благоустройство брата. Печаль девушка оставила на завтра, когда карета увезет родного человека в дальний край, тогда она zalьется жгучими слезами. Фрай решил не медлить с отъездом. Вещей у него имелось не так много, чтобы упаковывать их несколько дней, а вожделенный приход уже сейчас нуждается в пасторе, как стадо овец в пастухе. Стивен тоже радовался за брата, на свой собственный лад: похлопал по плечу, коротко отрезал, что обязательно погостит, даже если ему предложат койку в чулане. А если будет чулан и комнатка, то возьмет сестру. Мария аж расцвела от таких слов — увидиться с

братом, погостить у брата. Фрай уверял, что пока не интересовался совершенно, каким будет его новый дом, но если его родные захотят приехать, он найдет для них местечко.

— Если дом маленький, — ответил отец, — сделаешь пристройку. Если же большой — заколоти лишние окна, налоги нынче разоряют состоятельные семьи, из-за таких вот мелочей. Слуг держи в узде, а вообще, не плохо бы обзавестись разумной женой, чтоб держала служанок в кулаке.

— Отец, я еще не уверен, что хочу жениться. Моя избранница — не сиюминутное увлечение, ибо с такой женщиной я не смогу жить потом. Она должна выдержать испытание временем.

— Тогда, ты останешься холостяком, — хихикнул брат. — Девуцы нынче нетерпеливые, вон Энн-Бетси, посчитала в прошлом сезоне себя влюбленной в меня, но стоило мне не ответить пылкой заинтересованностью тогда — в этом сезоне, я узнаю, что она уже помолвлена с другим.

— Не все девушки такие ветреные, — решила вставить слово сестра, — бывают особы порывистые, корыстные и неблагонадежные, но я знакома с дюжиной прилежных, тихих и верных будущих спутниц своих избранников. Правда, они не блистают в обществе.

— Откуда тебе такое может быть известно? — удивился отец.

— Она переписывается много, — заметил Стивен.

— Ах, вот почему у нас такой расход бумаги, чернил, перьев и свеч, в придачу. Я-то думал, что это Стивен ведет деловую корреспонденцию, а вот ты можешь сократить свои письма до одного в месяц.

Мария совсем сникла, это было единственное ее увлечение — она взращивала в себе беллетристический стиль написания, ее художественные очерки природы и явлений общественности корреспондентки подавали заметками в местной газете, и девушка этим гордилась, но что такое одно коротенькое письмо в месяц для пылкой и чуткой натуры?

Не успели господа закончить пиршество, как слуга сообщил, что приехал помощник декана со своей женой.

— Это я сообщила нарочным, — заметила робко Мария, опасаясь вспыльчивости отца, — хотела порадовать тетю.

— Ну, это можно, — хмыкнул Уэнсли-старший, — давно не видывал старину Роджера, да и Розерри не часто нас навещает, думал, уже возгордились...

Роджер Уэнсли, брат Джона Уэнсли и опального отступника Эдварда Уэнсли, вошел в гостиную, когда господ еще там не было. Все семейство собралось чуть позже. Тете Розерри оставили в собеседницах Марию, а мужчины удалились обсуждать дела без посторонних ушей. Фраю выпал карт-бланш — многие разговоры велись о его удачном посвящении, да еще уютное местечко в придачу. Тем временем, Розерри и Мария беседовали. Племянница поверяла тете самую сокровенную печаль — предстоящую разлуку с братом и ограничение отца на письма. Миссис Уэнсли, женщина возвышенных мировоззрений, тоже не оценила новую компаньонку, называя ее простолюдинкой.

— Как же ограничена моя жизнь, — тяжело вздыхала Мария, — я уже жду, что когда-то Фрай позовет меня в гости, иных развлечений я не имею.

— Это плохо, что отец не вывозит тебя в свет, — заметила тетя Розерри. — Попрошу Роджера поговорить с ним, но он же такой упрямец. А Фрай наш молодец, дай Бог ему удачи на предстоящем поприще, из него получится прекрасный проповедник и блюститель истины.

— Тетушка, если б мне было позволено погостить у тебя, но я даже боюсь озвучить такую смелую дерзость. Отец не отпустит меня, на мне лежит управление домашними делами.

— Ах, милая, ты нуждаешься в нормальном женском обществе. А вот запрет на письма — просто чудовищно, ну ничего, я постараюсь раздобыть тебе все необходимое, такой талант зарывать в землю не стоит, — племянница горячо поблагодарила свою тетю, хоть в этом ей была отрада.

Но тихие женские вздохи тонули в мужском хохоте и веселье. Представители семьи Уэнсли, кроме того, кто не имел права носить это славное имя, не часто собирались вместе. Но теперь в полную наслаждались обществом друг друга. Фрай рад был сообщить дяде, что не прочь продолжить дальнейшее образование на магистрата теологии. Помощник декана сразу же похвалил племянника, посоветовал пару нормальных хрестоматий в сиим предмете и толкового учителя, а Уэнсли-старший и Стивен завели разговор о ферме Маклая, который хотел поторговаться за три акра пастбищ. Видите ли, они все заболочены, значит, цену обязаны скинуть втрое, но наследник имения Уэнсли отстаивал свою точку зрения, и поступаться не хотел; отец рьяно поддерживал отпрыска — невиданная наглость, так это удешевление его имущества.

— Такие сочные травы, а летом вообще не найдешь такого райского уголка, да за такие смешные деньги, а ему видите ли местность топкая, — жаловался сын отцу.

Семейство Роджера Уэнсли пригласили погостить еще недельку, а вот Фрай отправлялся в путь уже назавтра. Молодой человек позавтракал со всеми напоследок, общаясь с каждым с особенным радушием, его взор излучал надежду, хотя будущность вызвала сомнения и страхи. Но для родных он хотел казаться веселым и беззаботным. Особенно его заботило мнение Марии, ее так мало ценили нынче, но ведь в преданности сестры он не сомневался. Отец суров — загнать ее в четыре стены и не выпускать в общество вовсе, лишая даже крохотной надежды устроить свое личное счастье. Да и погостить у тети ей тоже не разрешалось, видите ли, от этого у девушек портиться репутация. Пригласить ее погостить у себя, было интересной идеей, жаль, что сейчас он едет в неведомое место и не знает, как сложится его дальнейшее существование.

2 Глава. Страшной ночи посвящена

2 Глава. Страшной ночи посвящена

Поначалу карету трясло, и лошади шли практически шагом, но стоило лишь спуститься с узкой, горной тропинки, как шаг ускорился, а сердце забилось в предвкушении. Он едет вступать в новые дали, жить жизнью, не расчерченной законами отца. Тропинка спустилась в низину, где пушистыми лапами, обволок все белесый туман. Пела одинокая птица, но песнь ее звучала ужасающе, будто предупреждение ступающим путникам на новую тропу. Фрай не прислушивался ни к птичьему крику, ни к нетерпеливой лошади, недовольно фыркающей на каждом шагу, будто все окружающее раздражало благородное животное, пока что сердце его билось из других причин.

Городок в действительности был заурядным, только одна промышленная фабрика, но хорошо развито кустарное ткацкое производство, да изготовление гончарных изделий. Три улочки, сходящиеся в круговороте в центральную площадь, на которой серой глыбой возвышалась вековая церковь, да приходской дом; была тут еще городская ратуша, но она стояла напротив церкви и меркла в ее величии. Деревянное, квадратных размеров, однокомнатное помещение, где собирались представители местного управления и решали дела горожан. Возле церкви пристроен был приходской дом, из того же камня, как продолжение величественного храма. Все ставни второго этажа были наглухо заколочены, видимо эта часть здания простаивала за ненадобностью, хотя по количеству окон, первый этаж вполне удовлетворял требования бывших хозяев. Крышу недавно меняли, да и печная труба выглядела новенькой, это уже радовало, значит, дом не должен оказаться таким старинным и ветхим, что в нем потолок будет лететь трухой. Вечерний закат багряным маревом пробивался сквозь густой туман, весеннее солнце не могло предьявить права природе, но пыталось. Ночью обязательно хлынет дождь, без этого, увековеченная во многих романах хрупкая и сердобольная, как девичье сердце, природа туманного и дождливого Альбиона, не представлялась на материке. Значит, мешкать с распаковкой вещей не стоит, да и вообще, требуется торопливый перенос имущества, хотя его не так уж много, чтобы не подавать соблазны людям неимущим и бездомным. У дверей пасторского дома, Фрай встретил привратник, что приглядывал за местным храмом, в отсутствие должностного лица. И хотя на вид привратнику было не больше сорока, преподобному Уэнсли показалось, что перед ним совершеннейший старик. Поскольку тот еле ходил, прятал в широких рукавах скрюченные пальцы и не смел взглянуть молодому человеку открыто в лицо. Внутри здание отталкивало так же, как и снаружи. Будто здесь двадцать лет никто не жил.

— А как давно дом опустел? — поинтересовался Уэнсли, рассматривая проржавевшую каминную решетку и пыльный пол в предполагаемой гостиной.

— Два месяца назад, — невозмутимо ответил привратник Хопкинс, заноса последний чемодан. Фамилию он сказал неохотно, будто ему все равно было, как к нему обращаются, но Фраю не откажешь в упорстве, когда этого требовали приличия. Странноватый тип или усталость организма достигла апогея и недоверчивость проснулась ко всем обитателям земным и насущным.

— Странно, — выговорил Фрай, — такое чувство, что здесь не жили больше года. Видимо, предыдущий владелец вел слишком аскетический образ жизни: не принимал посетителей и обходился малым в жилье? Видимо, солидный возраст сослужил недобрую

службу, приковав человека в четырех стенах, — про себя размышлял Уэнсли.

— Преподобному Джеферсону было чуть больше вашего. Он вел здоровый, активный образ жизни и любил общество, — ожидая дальнейших указаний, или когда надоедливый молодой священник его отпустит нехотя ответил Хопкинс.

— Тогда, почему дом настолько запущен? — Фрай не мог удержаться от жеста рукой.

— Потому что, господа тут не задерживались.

Уэнсли взглянул на собеседника с толикой недоверия, но тот смотрел безразлично в пол, никак не выказывая своих эмоций, будто ему все равно. Наконец прислужника отпустили, но пригласили назавтра еще помочь. Но нашего пастора все равно мучил вопрос, почему прибыльный провинциальный приход, где обитала немногочисленная паства, не привлекал преподобных отцов, что они предпочитали отсюда съезжать. Хотя могли присутствовать очаги опасных болезней, но его собеседник отрицательно покачал головой на подобное предположение, да и похороны в последний раз проходили тут давненько. Молодой пастор, как здравомыслящий человек, счел, что у него есть предостаточно времени, чтобы начать разбираться во всем, но свои начинания он продолжит завтра, а после полтора дня в пути следует немного передохнуть. Жилые-то комнаты в доме имеются. Наутро он наймет работниц, чтобы вывели и выдраили его пасторский домик, присмотрит кухарку и экономку из местных женщин, а в церковь закажет парочку маляров да кровельщиков, ибо опасался, что раз жилое здание в запустение, что уж говорить о храме Божьем.

Действительно, одна комната в доме казалась не такой запущенной. Здесь чудесным образом находились все необходимые принадлежности: чистое постельное белье, острые цирюльные приспособления, новые рубашки, фарфоровый умывальник и таз. На полках стояли книги, постель была аккуратно заправлена, будто ожидала возвращения хозяина. Прикроватный столик со свечей и кувшином для питья, пара стеклянных стаканов, ночной горшок и все прочее. Был и рабочий стол у окна, на котором лежали стопка чистой бумаги, закупоренные чернила и пара наточенных перьев. Комната будто специально для него приготовлена, вот только воды для умывания не было, некому ею запастись. А еще в камине заложены сухие дрова для растопки и кочерга стоит, только тонкий слой пыли намекал, что помещение подготовлено уже давно и некому этим воспользоваться.

Преподобный Уэнсли оценил знак гостеприимства и разжег огонь в камине, правда за водой ему придется отправиться, без этого никак. Колонку он видел неподалеку пасторского дома, подъезжая к крыльцу, всего пару шагов ступить. Она примыкала к жилому дому, но сделана была так, что отсекалась от выброса предполагаемых нечистот, которые сбрасывались в сточную яму, что выводила зловонные воды за пределы городка. Поздним вечером выходить на опустевшую площадь стало даже слегка страшновато, но преподобный Уэнсли порицал себя за минутное замешательство — луна проступает сквозь облака, освещая бледным светом территорию, незнакомца он явно заметит издалека, да и пустынная тишина ему на руку. Дождя сегодня не предполагалось, туман отступил, ветер гнал облака прочь. Набрав необходимое количество воды, молодой человек быстренько постарался зайти внутрь и запереться, теперь у него все есть, чтобы привести себя перед сном в порядок и отдохнуть с дороги. Ужинать молодому человеку довелось сухим провиантом, что так заботливо упаковала его сестра — вяленый балык, да присоленный бекон, варенные яйца и бутылка домашней наливки, краюха мягкого испеченного хлеба. Мария будто бы знала, как выручит сейчас сей нехитрый провиант ее брата. Он вознес благочестивую молитву, поблагодарив Всевышнего за то, что удачно добрался до нового жилища и наскоро перекусил

хлебом насущным, ибо уже с ног ввалится от усталости. Наливка из домашних фруктов и ягод приятным теплом разлилась по телу, которое он наскоро обмыл и передел в чистые одежды — рубаху и нательные домашние штаны из полотна. Постель манила в свои объятия и Фрай не смог ей дольше противиться. Как только уставшее тело удобно уместилось и расслабилось, молодого человека сразу сморило.

Поначалу, сновидения не тревожили разум пастора, лишь приятная пустота. Но в скором времени он забылся, но чуткое ухо слышало слегка уловимый шум, что пронесся над ним, будто шуршали крылья. Он открыл глаза или это сонное воображение нарисовало ему такую картину — у его изголовья с левой стороны сидела сова с красивым серебристо-серым отливом и ярко-рыжим загривком, ее глаза светились изумрудным светочем, а удлиненные зрачки внимательно рассматривали гостя. С другой стороны тоже послышался звук, и пастор повернул голову — с права его с любопытством рассматривала серая летучая мышь, выставив напоказ свои маленькие, заостренные клыки, будто улыбаясь. Фрай улыбнулся ей в ответ и снова закрыл глаза — забавное сновидение. Но тут его что-то коснулось — рука, несущая приятную прохладу, легонько очертила овал лица. Он снова открыл глаза, все та же сова, вот только она протянула крыло, которое плавно переросло в человеческую руку. И тут Уэнсли будто бы проснулся от приятной дремоты, потер руками глаза, но не увидел, ни красивой совы, ни ее спутницы — летучей мыши.

Молодой человек поудобней сбил подушку и уместился дремать дальше, вот только следующие звуки его явно насторожили — за дверью скрипели разошедшиеся деревянные половицы, кто-то к нему подбирался. Дверная ручка начала проворачиваться и на игру воображения это уже не смахивало. Угасающий огонь в камине давал слабый свет, а свечу молодой человек зажечь не успевал. На прикроватной тумбочке, к которой интуитивно потянулась рука Фрая, ничего опасней талмуда со святым писанием да перочинного ножа не обнаружилось. А меж тем дверная ручка поддавалась напору.

Уэнсли конечно предполагал, что в любом городе имеются воры, которые обчищают обычных жителей по ночам, но ему не верилось, что встреча с ними состоится сию же минуту, когда он только прибыл на новое место, да еще когда один и беззащитен. Правда, то, что увидел наш герой потом, ни шло ни в какое сравнение с уличными жуликами, а главное испугало на порядок сильнее. Хотя поначалу он недоумевал, ведь в дверях нарисовалась фигура привратника Хопкинса. Луна как раз заглянула в окно пасторского домика и млечным свечением озарила белый силуэт церковного помощника. Уэнсли сел на кровати, сжимая в руках нож и книгу. Возможно, столь поздний визит имел под собой какое-то неотлагательно-срочное обстоятельство.

— Хопкинс, что-то произошло? — вполне спокойно спросил священник, всматриваясь в непривычно бледное лицо привратника.

— Кровь... — ответил тот и в голосе проскочили металлические нотки, но разве разыгравшееся воображение не искажает слуховые и зрительные образы. Подчас мы можем уловить что-то ужасное, что на самом деле таким не является.

— Что? Кто-то ранен или умер? — еще раз задал вопрос Уэнсли.

Но Хопкинс тоже выразился вполне спокойно, даже немного торжественно и протянуто:

— Кровь, свежая кровь... вкусная свежая кровь, — и двинулся на священника.

Уэнсли испугался и подскочил с кровати, его здравый смысл буквально отказал ему, — тот человек сошел с ума. Меж тем, белый, как снег, Хопкинс оскалил зубы, и это были

нечеловечьи зубы, а клыки опасного животного, предназначенные, чтобы разрывать плоть:

— Погодите, мистер Хопкинс, — отскочил к камину Уэнсли. — Давайте объяснимся.

— Вкусная, теплая кровь, — шептало нечто в человеческом облике, плавно опускаясь на четвереньки, чтобы уподобится на зверя. Поистине, это был не человек!

У Фрая до сих пор в руках была только Библия и ножик, но разве можно отбиваться от ненормального таким оружием?

— Сгинь! — воскликнул он. — Прочь, нечистый!

Ответом ему послужил смех отнюдь не веселый, а жуткий; человекоподобный зверь даже остановился, чтобы воссоздать всю силу этого жуткого звука. Крамольный смех — если обозначить его чем-то жутко-запретным, не поддающимся пониманию для обычного человека. Но нечто не могло долго продолжать издавать такие звуки, оно снова взглянуло на Фрая и продолжило свое шествие.

Фрай приготовился распрощаться с жизнью, вслух произнося молитвы Всевышнему, Деве Марии и всем святым, которых помнил, прося пощадить его и уберечь, особенно душу. Но перехватив у очага еще горячую кочергу, которая зашипела в его руке, попытался отмахиваться ею от монстра. Шаг, удар, прыжок, выпад вперед и книга полетела в чудовище. Тот не успел увернуться от увесистого фолианта и взвыл, будто получил кирпичом. Но это ни сколько причинило ему боль, сколько рассердило. В руках оставалась одна единственная кочерга, что обожгла его ладонь, но боль физическая отступала перед паническим страхом, что возымел верх над молодым человеком. Кочерга была необычной, с очень заостренным наконечником, будто предназначалась для широко использования, нежели обыденное перемешивание угля в камине.

Прыжок на Фрая, оскал зубов, замах металлическим оружием, мгновенье и атака отбита. Человекоподобный монстр отлетел и снова принял наступающую позу, оскалил сердито зубы, намереваясь все-таки вцепиться в живую плоть. Фрай отбежал в противоположный угол, бросил еще что-то, но промахнулся, а его противник довольно оскалился. Священник схватил туалетный столик и поставил преграду, нападающий перецепился, преодолевая преграждение, рыкнул и пополз, уподобляясь червяку, поистине непривычное зрелище видеть, как человеческое тело ползет. И взгляд, этот стеклянный пространственный взгляд, будто смотрит на тебя мертвец. Рациональный Фрай хватался за крупички здравого убеждения: но не может же быть в самом деле это мертвецом? Но одно он точно знал — есть Бог, и есть Дьявол, так вот — это происки Дьявола. Он послал на землю нечто из пекла что приняло человеческий облик и нынче хочет проверить, сильна ли вера служителя церкви. В остальном, он никак не мог объяснить происходящее, но как бороться с адским выродком, прикажите? Бросая в тварь все, что попадалось ему под руку, он начинал отчаиваться, а бесовское отродье сокращало расстояние. Нечто не останавливали тяжелые вещи, оно извивалось подобно змее, его глубокие увечья не заливала кровь, просто зияли дыры на мертвецком теле.

Луна устала заглядывать в окно, пологие тучи все чаще прятали небесный светоч, и в краткие мгновенья тьмы, Фрай испытывал неподдельный ужас, когда не мог видеть хотя бы очертания нападающего. А тот становился осторожней, замирал, прислушивался, выжидал. Его жертву было слышно по биению живого и трепетного сердца, учащенному дыханию и молитвам. Человекоподобная тварь не могла подобраться вплотную, ей не нравились святыя изречения, а Уэнсли уже по какому кругу, часто сбиваясь, в голос обращался ко Всевышнему. Хорошо, что молодому священнику образование давалось легко, и он много зазубривал из

Нового и Ветхого завета, и ныне все сказанное из святого писания, действовало, как незримый щит и не нравилось адскому посланнику. Оно не могло приблизиться, когда до него долетали изречения святого отца, чтобы как следует напасть, приходилось действовать рывками, когда голос надрывался и на мгновенье смолкал. В последний момент, Уэнсли сорвал с себя нательный крестик и постарался перекрестить демоническую тварь, действовал пастырь наугад, возможно сознание или подсознание подбросило картину Джотто об изгнании бесов, что видел на уроках теологии в университете. Там, молодой монах Джованни преклонившись перед одром умирающего, читал святые молитвы. В момент написания картины на его устах застыли слова: «Изойди, нечистый, из глубин души человеческой раба божьего Себастьяна, дай покой страждущему, освободи дух человеческий и возьми во власть животное неразумное, ибо не крещено оно.». Потом ритуальное животное забивали, чаще на такие ритуалы приводили свиней, и сжигали, развеяв потом пепел по ветру.

Фрай тяжело выдохнул, а если ему провести обряд экзорцизма, правда Англиканская церковь не практиковала пресловутую науку, но в конкретный миг безысходности и сейчас, отступление от доктрин может спасти ему жизнь. Смахнув крупные капли пота со лба, облизывая сухим языком пересохшие губы, Уэнсли начал повторять вымышленные постулаты изгнания бесов, пытаясь даже спеть псалмы «Верую в Бога и требую нечистый, изойди из раба божьего Хопкинса, оставь душу страждущего...».

Нечисть на время замерла, прислушиваясь к ритуальному бреду святого отца, поначалу она слушала, потом завывала, как гиена, но в следующий миг, глаза наполнились адским жаром, вспыхнули двумя огнями в темноте и вой стал напоминать надрывистый хрип и дым повалил из ноздрей. Теперь адский посланник разозлился не на шутку. Перестав выискивать способ выпить кровь жертвы, просто захотел убить преподобного Уэнсли, потому что тот зацепил нечто грандиозное: струну, которая удерживала его в этом теле, и теперь струна рвалась и бес должен был покинуть тело. Уэнсли одной рукой держал впереди себя нательный крест, другой — пытался нащупать дверную ручку. Удача! Вожденный предмет послушно закрутился в его руке, рывок, вылет, хлопок и демоническая сущность по ту сторону двери. Уэнсли едва сдерживает монстра, что рвется к нему. Драматизма сцене добавляет крошечная тьма, священник читает молитвы, ответом ему служит разъяренный рык бесовской силы. Сцена в театральной пьесе приукрашена была бы органной музыкой, стуком по железу и завыванием дворовой собаки. Из-под двери клубящимися бы сочился дым и вспыхивал красный свет. Но в этот момент рядом не плясали переодетые и воображаемые черти, а то, что рвалось к Фраю, не произносило грозных речей, оно определенно гадко выло. Пастор терял надежду, взывал к небесной помощи. Если бы разверзлись небеса в тот самый момент, он бы не удивился, а только обрадовался — и строй величественных ангелов трубил в небесные трубы, выступив из тьмы — не обомлел бы от подобного благодеяния, а лишь возблагодарил за помощь. Но ночную пелену не разрывал чудодейственный искристый свет, не пели псалмы. Все, что было здесь — это жуткое нечто, разъяренное и увеличивающее силы. Старые створки уже не выдерживали напора того, что их рвало. Мгновенье, и сам Фрай отлетел в сторону, дверь швырнуло об стенку в нескольких шагах от него. Во тьме снова загорелись красные огоньки, из пасти вырвался рык. Пастор не мог увидеть, как обезображено лицо привратника, но нарисовал в голове достаточно убедительный образ. Чудовище двинулось мерным шагом, путь жертве отсечен, куда ей деваться, а Фрай тоже постарался подняться на ноги и в последний раз заговорить с

чудовищем:

— Мистер Хопкинс, если ваша душа захвачена бесом, умоляю, не поддавайтесь. А ты, нечистый — изойди из тела страждущего, ибо на то воля Божья...

Его нога за что-то зацепилась, это кочерга, да-да, а ведь он ее бросил еще в той комнате. Быстро подняв с пола нужный предмет, пастор опять взмолился к Богу:

— «К тебе, Боже, милостивый обращаюсь, раб твой покорный, если телу суждено умереть в сей час, позаботься о душе, ибо верую в Тебя и преклоняюсь пред твоим величием».

Тварь приблизилась вплотную, облизала клыки змеиным языком, попыталась когтистыми руками вцепиться пастору в шею. И вот Фрай, схваченный за горло, безвольно повис в воздухе на уровне морды нечисти, а тот, вкушая каждую минуту страха, сценически растопырив пасть пошире, с адским хохотом вознамерился размозжить пастора, как желе. И тут Фрай вспомнил про кочергу, будто это ритуальный нож, другой мысли в его голове просто не было

— Изойди, нечистый... — хрипел он, и тяжелый металлический предмет вонзился в нечисть сбоку. Бесовское отродье на миг потерялось, всматриваясь в железяку, торчащую в боку, потом отбросило Фрая так, что тот перелетел почти весь коридор, и попыталось эту самую кочергу из себя вытащить. Не получалось. Оно заревело, подобно раненому зверю, аж уши заложило, и ветер погнал пыль на пастора. Тот поднялся, опираясь об стену, все тело болело, шея ныла, левое запястье тоже. Фрай отступал назад, опираясь, убежать он не мог из боязни и от бессилия, язык ему не повиновался, в горле пересохло, жажда мучила, будто он в пустыне побывал. Да и тьма не позволяла ничего увидеть, кроме страшных огоньков в другом конце коридора. Нечисть снова схватилась за кочергу, как-то сильно она вошла в нее. Уэнсли подивился своей силе, подступающую слабость он разорвал словами, которые лились через ватный рот:

— Изойди дух нечистый, из раба божьего Хопкинса, ибо его тело тебе не принадлежит. Вернись в пекло, ибо только там твое место. — Эти слова звучали шепотом, сипло, а потом сморенный пастор присел, а в другой стороне коридора наступила тишина.

3 Глава. Рассказывает о посетителях

3 Глава. Рассказывает о посетителях

Солнце не могло озарить темный коридор через узенькое окошко первого этажа, в холле и предполагаемой гостиной так же стоял полумрак. Неподалеку послышался звон колоколов, что находились близ ратуши. Отбивали девять раз. Это были своеобразные часы, звонить начинали с шести утра и до девяти вечера каждый день в любую погоду. Этим занимался особый человек, живущий поблизости и постоянно сверяющий время. Площадь потихоньку наполнялась людьми, как актерами на сцене. Пока что они суетились, создавая атмосферу городской жизни: разговаривали, делились новостями. Главной новостью было прибытие нового священника в пасторский домик, вот только его приезд видели пару запоздалых зевак, а больше никто. Да и где остановился на ночлег святой отец, неужели в приходском доме — невероятно!?

— Может и вовсе не приезжал, — говорила одна дородная, просто одетая женщина с румяными щеками, другой. Это были две кумушки, вышедшие на промысел. — Видит Бог, здесь такие вещи происходят.

— Да, только Харли его видел, карету и поклажу...

— Старый пьянчуга, как всегда, ползет домой в сумерках. А кто ж встречал святого отца?

— Да Бог его знает, я в такое время не выхожу...

В нескольких шагах от товарок, что так бесцеремонно, уперев руки в бока, громко разговаривали, шли и беседовали пожилые дамы:

— Ох, проклятое тут место, Анна. Мой благоверный присматривается снять дом в соседнем городке. Я же его упрашиваю свозить меня к морю, низинный туман плохо действует на мои легкие...

— Ох, миссис Баркли, коли б мой супруг мог тоже отсюда уехать...

Неподалеку от них разговаривали господа, жаловались на повышение цены на табак, проклятых спекулянтов, удушливые налоги и на владельца таверны, что так подло повысил цены на пиво и что благородный напиток больше смахивает на пойло для скота. Тот джентльмен, что был одет посолидней, да и возрастом опережал собеседника, обреченно заметил:

— Поговаривают, к нам приехал новый священник?

— Почитай, каждый год приезжают, да никто не задерживается: кто съехал, кто разума лишился, а кто и грех на душу взял.

— Да Грег, что-то нехорошее живет в нашем краю, мы ведь и сами боимся по ночам выходить, да соль у порогов сыпем, а святые отцы, они ведь больно образованные, в приметы не верят...

— Да, мистер Стоксон, жутко ученые, вот и страдают...

Но, какая же площадь без торговцев едой, а те рады стараться, да свой съестной товар покупателям предлагать, да еще и зычно зазывать. А вот и кофейная лавочка подъехала, вернее тележка оббитая деревом, уложенная разными тряпками, чтобы дольше тепло сохранять. Две товарки сразу достали то, с чем сюда явились: яблоки моченные, да пирожки с ливером; благородные дамы пошли выпить кофе, господа и дальше жалуясь на несносных торговцев пошли покупать табак, а шустрый мальчишка-газетчик громко провозглашал

самые свежие на свете новости:

— В городе появился новый священник, таинственно приехав ночью, покупайте «Утренний вестник Дарквудса»; ужасные новости — пропал Свилфордский всадник!

На этот возглас мальчишки откликнулся тот, кто обитал в приходском доме. Фрай открыл глаза, вокруг него еще стоял полумрак, свет лился только через пыльное окошко. Молодой священник боялся пошевелиться, боялся взглянуть в глаза ужаса минувшей ночи. Но ему так или иначе придется выйти на улицу, не сидеть же здесь в ожидании новых призраков. Но любопытство возобладало в молодом человеке — хоть бы глазком взглянуть на тело привратника Хопкинса. В том, что тот мертв, пастор уже не сомневался, а иначе сейчас бы предстал на суд Божий. Джентльмен осторожно поднялся и пошел по коридору, проснулись боль в теле и невероятная жажда, сумрак мешал оглядеться дальше своего носа, страх боролся с любопытством, как сражаются два отважных рыцаря — один в белых латах, другой — чернее воронова крыла. Он подошел ближе, как ему показалось, на то место, где вчера у него произошла драка с нечистью. Вот валяются щепки от разбитой двери и его кочерга, значится, тварь сумела вытащить из себя оружие, вот только нет следов отступления, лежит грудка пепла на ковровой дорожке и все, кстати, откуда она взялась? Постепенно комната залилась дневным светом, все в ней напоминало о борьбе: вещи разбросаны, мебель опрокинута, книги плавают в луже. Фрай с ужасом осматривал свое жилище, его эмоциональное состояние не позволяло сейчас стать таким как прежде. Кроме того, горло драла непередаваемая жажда, и какое же счастье увидеть целым графин с водой, который чудом уцелел. Он бросился к нему и прижался, будто не пил уже целую вечность, его внешний вид, чего таится, отпугивал приличных людей, да и манеры подрастерялись.

— Что же тут такое было? — задался он вопросом. Реальность происходящего противоречила его взглядам о жизни и вечности, сознание не принимало всей той чертовщины, что творилась накануне. Это ж надо такое — обычный человек, приветствующий его в дневные часы, нападает на вас, будто хищный зверь. И это не помутнение рассудка — все происходящее реальность, такая же, как и боль ушибленного запястья. Но время для долгих рассуждений о бытии резко отняли, кто-то постучался в дверь.

Поначалу, Уэнсли решил никому ничего не открывать, как знать о планах нечисти, она ведь и в дневные часы может напасть, но если так — он скоро сойдет с ума никому никогда не доверяя, сомнения в душе закрались в потайные уголки, но храбрость решила взять верх. Меж тем, пока в душе пастора соперничали противоположные чувства, стук повторился, в этот раз настойчивее. Фрай поднялся и пошел открывать, не отдавая отчета себе, в каком виде предстанет перед посетителем. Дверь широко открылась и на пороге показалась первая посетительница — рыжая девица в светлом наряде и соломенной шляпке. Стоило удивляться только ее неподходящей одежде — слишком легко одета для прохладного весеннего утра, даже накинутый плащ показался тонюсеньким. Ее красивые, зеленые глаза прищурились, стоило только взглянуть на священника. Фрай осознал, наконец, в каком наряде предстал перед дамой, он ведь даже не накинул халат, так и стоял в рубаше и нательных подштанниках, да еще и растрепанный, будто провел ночь в каком-то сарае.

— Здравствуйте, — молвил пастор, когда уже было поздно смущаться.

— О-у, здравствуйте, вы наш новый священник?

— Да, мисс...

— Мисс Фрейлин, можете меня так называть.

— Просто мисс Фрейлин? Это ваша фамилия?

— Нет, имя.

— Такое странное имя, а фамилия какая?

— Святая простота, — улыбнулась девушка. — Но это все, чем я располагаю.

Фрай недоверчиво хмыкнул, ох уж этот городок и горожане, может не поздно написать епископу о переводе, только тогда самому придется искать приход, подключать отца, дело может потерпеть неудачу.

— Да, новый приход найти нынче сложно, — заметила дама.

Уэнсли смерил девушку изучающим взглядом, откуда она взяла такие умозаключения, будто мысли прочла, ибо он не произносил ничего вслух. Мисс Фрейлин, слегка стрельнув понимающим взглядом, прошла в гостиную, ну не будет же она стоять у дверей, пока джентльмен разложит все по полкам в своей голове. У сего джентльмена, между прочим, сейчас именно плясали кузнечики вместо мыслей, только зажглась заря наступившего дня, а жизнь подкидывает следующую загадку. Вот и желудок проснулся, предательски подал о себе знать, после таких приключений, силы нужно пополнить.

— Невеселая ночка? — заметила дама. — Вам досталось прилично, но ваш подвиг вдохновляет и вселяет надежду...

Если она не прекратит говорить загадками, ему придется ее выставить, хотя это серьезнейшее нарушение правил этикета, но определенно дама сейчас загоняет джентльмена в тупик. Извечная проблема мужчин — опасаться умных женщин.

— Я понимаю, вы растеряны, все еще пытаетесь объяснить с собой. Но скажу вам честно, как человек, что преклоняется перед самоотверженным мужеством — такое постичь не каждому дано. А то, что вы увидели, а главное — сделали, свидетельствует о том, что наш край давно на вас ожидал — героя чистого сердцем и душой.

Девушка замолчала, она и так высказалась довольно горячо, теперь же пришлось унимать все порывы души. Но Фрай только смотрел, для него это был определенно какой-то бред, откуда ей — незнакомке — все это известно, не могла же она это подглядеть в окно.

— Да, я смотрела на вас с чердачного окна, ближе боялась...

Вот теперь не помешал бы стул, да еще пару глотков воды, унять волнение, эта девица не просто так зашла в гости, она прямо пытается уничтожить крохи восстановления равновесия мыслей в его голове, да еще и мысли читает. Фрай отошел от непрошенной гостии на несколько шагов, чтобы лучше ее рассмотреть, да она и не противилась такой вольности, наоборот, загадочно улыбнулась в ответ, деликатно и кокетливо опустив густые ресницы.

— Кто вы такая, мисс? — поинтересовался Уэнсли, когда его воображение сдалось на милость победителя.

— Мисс Фрейлин, — повторила девица.

— Нет, я не имя ваше спрашиваю, а кто вы на самом деле?

— Вот как, вас интересует, что я из себя представляю?

Фрай развел руками, намекая, что его интересует абсолютно все.

— Предсказательница прошлого, — ответила девица, изучая помещение, — вам бы тут не помешала помощь в обустройстве.

— Предсказательница прошлого?! — удивился Уэнсли, не обращая внимания на замечание дамы.

— Да, а что? Вполне себе серьезная должность.

— Я думал, предсказывают только будущее, знаете, сидят шарлатанки в темных

задрапированных комнатах и колдуют над шарами...

— Тише вы, — возмутилась дама, — не гневите высшие силы. Конечно, есть предсказатели будущего, но это сильные ведуны, они ведь могут вплетать в судьбу различные нити фатума, надобно ли вам с этим связываться?

— Да я вообще не знаю, с чем уже сумел связаться?

— В первую очередь, вы связались с этим городком. Вас же предупредили, что местность необычная.

— Нет, меня никто ни о чем не предупреждал.

— Странно, сколько священников здесь перебивало, и никто ничего не сказал?

— Нет! — даже сам себе удивился молодой человек, а ведь он был в полном неведении. Неужели епископу известно было о дурной славе этого края, но он не счел нужным предупреждать новых пасторов с чем им придется столкнуться. Поэтому с легкой руки предложил прибыльный приход первому попавшемуся простофилю без надежных связей. И дело удачи не в уважаемой родословной, просто так совпали обстоятельства.

— Ну что, теперь вы перестанете искать рациональное зерно, там, где его нет?

— Я не перестану размышлять о происходящем, ибо такова моя натура. Сейчас я расцениваю свои возможности, и поверьте, такого со мной никогда не случилось.

— Потому что вы ограничили свой мир четырьмя неприступными стенами — столько сомнений, неуверенности, взвешиваний. Как можно жить с таким грузом в душе?

— Ну, это вас не касается. Я есть тот, кем являюсь. И если вы умеете заглядывать в душу, прошу вас, перестаньте подобное делать — это очень нетактично.

— Но вы же рассматривали меня, изучали.

— Но я делал это общедоступным способом, вы тоже можете меня рассматривать, но я не врываюсь в ваши думы. И как вы представляете мою реакцию на ваш внезапный приход — должен же я составить о вас первое впечатление. Да и ваши загадочные недомолвки, ваше заявление, что вы являетесь свидетелем моей ночной схватки с нечистым...

— Я не вламывалась к вам в дверь, постучалась, вы открылись.

— А что, мне по вашему суждению теперь запрещено принимать посетителей?

— Нет, в дневное время суток вы в безопасности и можете принимать гостей, но по вечерам желательно запирайте ставни понадежней. Мало ли кого в такое время суток принесет нечистый, о, кстати, к вам сейчас гость...

В дверь снова постучались, Фрай удивленно взглянул в лицо девицы и пошел открывать. Теперь в дверях стоял мужчина, одетый в шерстяной костюм по погоде, без лишнего лоска, что свидетельствовало о его незначительном социальном статусе.

— Здравствуйте, вы, наверное, наш новый священник? А вот я решил к вам заглянуть, жаль не встретил вас вчера, только ж вы без весточки приехали, да и епископ ничего не написал...

— Кто вы? — первым делом поинтересовался Фрай, сказано было довольно грубо, но в целях предосторожности воспитание отходило на второй план.

— Я привратник, приглядываю за церковью и пасторским домом, правда, не живу тут на постоянной основе, как большинство, но бываю каждый день.

— Привратник? А где же делся мистер Хопкинс, он ведь тоже привратник?

— Дык, помер Хопкинс, еще семь лет назад. А я — Грег Хэнкинс, занимаю эту должность после его смерти.

Фрай выдохнул, унял немного разыгравшийся страх и повернулся в ту сторону, где в

последний раз стояла его посетительница, только ее и след простыл:

— Где она? — ошарашено, прошелся по комнате Уэнсли.

— Кто, сэр? — поинтересовался у него Грег Хэнкинс.

— Дама, что была здесь?

— Дама? Я никого не видел.

Да, мир действительно изменился, то давно умершие помощники у дома встречаются, причем, они материальны и выглядят живо, то девушки в воздухе растворяются, будто их вовсе не было, чего прикажите ожидать этой ночью?

— Сэр, я вижу, вам нужна помощь в обустройстве? Могу посоветовать добросовестных работниц, мигом дом вычистят, если надобно что починить — так я знаю хорошего столяра.

— Мне нужна помощь, — честно ответил Фрай. — Всех зовите — и убраться, и починить. Хочу сегодня же оказаться в нормальном доме.

— Хорошо, сэр. Сейчас я мигом.

Уэнсли остался один, только оглядываясь в поисках пропавшей дамы, может она в соседнюю комнату вошла? Так не было ее нигде. Тут на пути попало маленькое зеркальце, наконец, молодой человек решил, что все же стоит привести себя в надлежащий порядок, иначе он опасается слыть неряшливым и некультурным джентльменом, что не соответствовало его натуре. Да и прибудет много народу, надобно выглядеть подобающе хозяину, чтобы раздавать указания. Он снова вошел в многострадальную комнату, сгреб одежду, кое-как привел себя в порядок и тут же к нему постучались. В этот раз на пороге стояло пять дородных женщин, которые представились служанками из местной гостиницы и были присланы от имени Грэга Хэнкинса. Потом пришел столяр с помощником. Работа в доме закипела — женщины наводили чистоту, мужчины починили дверь и поломанную мебель, прибили намертво скрипучие половицы и ступеньки, поставили на входные двери надежные петли. И никто особо не удивлялся бардаку, не задавал лишние вопросы, все шептались, но в основном, изучая нового пастора, будто все знают, что тут происходит и все молчат.

Грег Хэнкинс появился спустя несколько часов, пригласил пастора на городское собрание в субботу, пообещал, что церковь завтра приведут в надлежащий вид, и пусть о средствах пастор не волнуется, все за счет общины.

— Может, перекусите сегодня вечером у нас? Жена отлично готовит, а жильцы нашего дома очень дружелюбные. А потом мы вас гуртом проводим.

— Благодарю, от ужина не откажусь, а домой и сам могу дойти, если это недалеко.

— Что вы, в пяти минутах от церкви живу, но мы вас сопроводим, таков обычай.

Все местные обычаи, что водились у жителей этой местности, начинали понемногу пастора пугать. Но стоит немного познакомиться с местными обитателями, потому что впредь ему придется со всеми общаться, а уделять внимание пастве — главнейшая обязанность священника. Собирались на шесть, в Дарквудсе всегда ужинают рано, потому что работу заканчивают в полшестого, так принято: свечи дорогие, керосиновых ламп маловато, а на улицах не установлены газовые фонари, а ходить по ночам неосвещенными улицами почитай согласятся только самые отчаявшиеся — такие страшные события происходят вокруг. Так что, преподобный отец пусть не удивляется, если его сопровождают несколько человек с факелами. Они, знаете, сами бы рады показать, что их городок не остановился в развитии, но необходимые нововведения доходят до этого края с запозданием, поскольку приезжих мало, никто и надолго не задерживаются, особенно конструкторы.

4 Глава. В которой рассказывается о местных легендах и жителях Дарквудса

4 Глава. В которой рассказывается о местных легендах и жителях Дарквудса.

Вечерком, в назначенное время, приглашенное общество собралось за столом. Преподобному Уэнсли выделили почетное место возле хозяев. И хотя ужин предполагался в тесном кругу — как возможно думал Фрай — народу собралось много. Да так, что пришлось ставить дополнительный стол, отчего в крохотной столовой стало очень тесно. Шестеро мужчин с их супругами и взрослыми отпрысками, не считая хозяев и Уэнсли. И это только квартирные жильцы многоэтажного дома на Булок-стрит. Всем интересно взглянуть на нового священника и всех пришлось приглашать. Молодые девицы выездного возраста, коих тут было пятеро, сочли Фрая Уэнсли красавцем, а их мамы согласились с тем утверждением, что молодой человек не лишен привлекательности.

Своими изысканными манерами, Фрай покорило женское общество, а хорошим воспитанием и образованностью заимел уважение у мужского. Хозяйка дома, как и ее муж, были людьми простыми, немного суеверными, по-деревенски наивными и набожными. Когда разговор зашел о потустороннем, каких только баек о нечистом не услышал Фрай сегодня. И все вели беседу мило, будто сидел за столом сам Оберон с его магическим рожком, трубил в него и забавлял публику. Многие рассказы казались Уэнсли просто сказками, помилуй Бог, леди Мэри — дартмутский призрак проезжала однажды мимо их краев. Время было за полночь, и ее карета, громыхая человеческими костями, остановилась у дальнего дома, там жила вдова миссис Виллибж, она только недавно отпела своего благоверного. Вот леди ее позвала на свидание с любимым. Говорят, вдова надела свое самое нарядное платье, села в карету, та с тех пор ее никто не видел. Для надежности, конечно, утроили похороны, только вот гроб был пуст и неясно теперь вернется ли покойница за своими вещами. Тут старшие дамы заохали, у каждой ведь была кое-какая вещица вдовы. Ну а мужчины посмаковали эту историю, про мистера Виллибжа тоже всякие слухи ходили, он ведь в замок нанялся в качестве садовника, а потом пришло его жене похоронное письмо, мол — почувствовал себя не хорошо, умер, похоронили на замковом кладбище, отпели в замковой молельне, можете не приезжать, дабы не тратиться. И говорят леди Мэри именно туда бедную женщину и повезла. Больше она не появлялась, потому что: «... уж лучше топать сотню миль, или бежать бегом. Чем, встретив этот экипаж, увидеть леди в нем...». Все согласились, что история уж очень поучительная, особенно для непослушной молодежи. Фрай мог бы списать все на местный фольклор, вот только вчерашняя пережитая им ночь, доказывала, что любая из этих сказок может оказаться вполне реальной, во всяком случае, он никого не высмеивал за столом и не опровергал сказанное. И все же ему удалось под конец разговора обобщить все сказанное в одно русло — местность здесь всегда славилась своей приверженностью к потустороннему, с самых ранних веков, густые рощи были священными местами поклонения кельтских друидов. Тогда ублажали самых разных богов, и даже священные деревья, такие как тис, которых в данной местности произрастает не мало. Даже в наши дни, фермеры оставляют на деревьях корзины с урожаем, для задабривания местных духов. Дарквудс стараются объезжать стороной жители других городов, потому что ныне тут действительно творится сплошная чертовщина.

А все началось с давнишней, печальной и загадочной истории местного вельможи. Род виконта Беррингтона (старшего и непутевого внука графа***) очень старинный, повидал достаточно феодальных стычек, реформаций, королевских противостояний, но в большинстве не утратил своих владений и значимости. Сэр Льюис Гретсби, виконт Беррингтон, поговаривают, был обладателем красивой внешности, но несчастливой звезды. Во времена Войны роз он влюбился в замужнюю даму, учинил с ней побег в родовой замок. Вот только муж этой дамы с таким исходом дела мириться не собирался, он решил восстановить утраченную репутацию и пошел войной на похитителя. Он проклял род Беррингтона, что отныне все отпрыски знатного рода будут страдать психическими расстройствами, а сам замок станет вместилищем нечисти, которая будет выходить на охоту по ночам. Так и случилось, все потомки знатного рода страдали неизлечимыми галлюцинациями и подолгу не жили в родовом гнезде. От того замок пришел в упадок, и только поддерживался штатом слуг, которые тоже не могли выносить всей той ереси. Вот и бедняга, мистер Виллибж, устроился на солидное место, да скончался от разрыва сердца — так считали его знакомые. В последнее время местность особенно претерпевает от набегов бесовских сил, по ночам никто не шатается без толку, только отчаянные безумцы могут выйти в полночь на улицу и прогуляться.

Во время этого рассказа, все собравшиеся за столом молчали, каждый думал и присовокуплял какие-то свои наблюдения по случаю, но тишину не нарушали, пока рассказчик не потянулся за стаканом, чтобы утолить жажду. Да и после этого как-то вести пустяковые беседы не хотелось, вкушали яства, практически, молча. Фрай не мог в полной мере последовать их примеру, его распирало от любопытства, как ребенка от продолжения сказки. Но почему церковь — как оплот в борьбе с мракобесием, находится в таком запустении?

— Видите ли, святой отец, в этом и кроется ужасная наша бытность, — ответил ему Грэг Хэнкинс, — только старый отец Вейт организовал сопротивление от нечистого, сколько душ он спас, да жилищ очистил. Да это зверье так просто не отступает, они начали нападать на самого отца, видит Бог, сколько слуг нечистого он на тот свет отправил, вот только не уберегли мы его, однажды нашли мертвым у себя — ужасное зрелище.

Фрай выдохнул, будто под ногами разверзлась пропасть, суеверия суевериями, а чертовщина реальная, и единственное, что ее сдерживает — вера. Да только нечисть теперь взялась священников изводить, чтоб эту самую веру отнять, видимо его стычка с нечистым первая, но не последняя. А еще эта странная дамочка, может и о ней что-то расскажут:

— Скажите, дорогой Грэг, известна ли вам личность по имени или фамилии мисс Фрейлин?

Все собравшееся общество переглянулось между собой, девицы, конечно, только кокетливо стрельнули глазками, никакая мисс их не интересовала, их головки были заняты пастором Уэнсли, а вот старшее поколение — кто развел руками, кто опустил глаза. Фрай не мог понять, почему они поступают именно так, может, не знают, то ли не все договаривают и умалчивают правду, но ему так и не ответили на вопрос.

Но тему быстро сменили, жильцы наперебой стали расспрашивать, когда преподобный примется к своим обязанностям, они ведь с нетерпением ждут возобновления воскресной службы, благодатного пения псалмов и напутственного слова. А еще многие не прочь исповедаться, замолить грешки. Уэнсли пообещал, что если он привет церковные дела в порядок, то в следующее воскресенье постарается примерить рясу. Наверное, к этому

воскресенью он просто не успеет, нынче четверг, а нужно еще столько всего сделать.

— Завтра мы все отправимся ремонтировать церковь, — заверил его привратник, он заведовал пожертвованиями и вел церковные счета. — Святой храм нуждается в кое-каких обновлениях, и к воскресенью мы не успеем, но на следующей неделе Паркинсон и Дрю обязательно все починят.

После сытного поглощения различных блюд, наступил обязательный час — мужские посиделки господ с кофе и кое-чем погорячее, дамы вышли в гостиную. И хотя от этого крошечность жилища Хэнкинсов не увеличилась, но дышать стало сравнительно легче, во всяком случае, никто не поджимал плечи преподобному Уэнсли. Мужское общество не спешило присоединяться к дамам, что им там делать, только слушать причитания благоверных, зато сейчас они могли без стыда, приправив разговор крепкими словечками, рассказать о своих потерях в следствии плохой репутации местности. Мол, стоило только упомянуть название Дарквудс, и начинались какие-то извинения и недомолвки, год так пятьдесят назад сюда было проще приехать, люди не пропадали так часто, бывало, собьется путник, да в чащах потеряется, но нынче, лишь солнце коснется горизонта, все стараются уже прятаться в своих жилищах. Потом господа начали выспрашивать какие меры святой отец попытается принять против нечисти. Фрай честно признался, что ему не приходилось в полной мере сталкиваться с подобным, но верою, святой водой и молитвами можно упрочнить рубеж между людьми и нечистью. Ему бы не помешало изучить записи преподобного Вейта, если таковы имеются, на что Грэг уверил, что какие-либо записи хранятся в церковном убежище в полной сохранности, сам он там ничего не трогал, но присматривал, чтобы все было на местах. А потом попробовать организовать сопротивление, правда, как это сделать, Фрай еще не придумал. Его честный взгляд синих глаз смог убедит господ. Вот с дамами пришлось труднее, тут не последнюю роль играли симпатии молодежи и их матрон. Первые совершенно бесцеремонно кокетничали с Уэнсли, расспрашивали, нет ли у него невесты или тайной любви?

Святой отец никак не хотел затрагивать его личные дела, но разве можно утаиться от пронизательного женского разума? Это стало самой интересной темой на устах у дам. Если б не спасительное предупреждающее покашливание некоторых отцов и супругов, Фраю не удалось бы так легко отделаться, его бы осадили со всех имеющихся фронтов. Но молодежь Дарквудса обладала храбростью и бесстрашием, которое рождается вопреки всем опасениям старшего поколения, потому что, чем больше пугаешь детей байками, тем меньше они в них верят, а если продолжают верить, то не из блеющей боязни, а как данность. Фраю не удалось полностью уйти от неприятной ему темы:

— Мистер Уэнсли (чей-то нервный смешок), ой извините, преподобный отец, скажите, неужели ваше сердце не занято? — Кэтрин была весьма настырной особой, яркой красавицей Дарквудса, которая не имела возможности выйти в свет. Ее отец не имел достаточно средств, чтобы вывозить дочь, да и приданное полагалось очень мизерное, она была не столь интересна для молодых людей, но ведь всякая девушка мечтает выйти замуж за галантного человека с собственным состоянием:

— Нет, мисс Уорвик, мое сердце не занято (еле сдерживаемый облегченный вздох нескольких девиц) мимолетными увлечениями, в моем сердце живет Всевышний, — на него покосились любопытствующие взгляды.

— Но ведь любовь тоже относится к заповедям Божьим, — не унималось прелестное создание. — «Возлюби ближнего своего» — кажется, так говорится в Библии. А если быть

таким черствым чурбаном всю жизнь, разве это не грехопадение?

Поистине, такому уму нужно применение гораздо шире, нежели, однотоное прозябание в глуши. Уэнсли с удивлением посмотрел в огромные карие глаза, что так настырно искали его внимания, да и расположения, пожалуй.

— Вы говорите совершенно противоречивые вещи, мисс Уорвик. Возлюбить ближнего — не обязательно обозначает любовь, это милосердие и сострадание. Тем более, что в Библии сказано о любви к родителям, ибо тогда на нас падет благословение. А сердце мое пусть будет открыто для всех...

— Но любовь так же дарит сострадание и милосердие. Прелестнейшее из чувств.

— Любовь может быть эгоистичной, не несущей в себе ничего доброго.

— Вы черствосердечны, мистер Уэнсли, я верю в добрую и яркую любовь, благословение Божье. Скажите, а правда, что вам обещано семьсот фунтов годового дохода?

— Да, с моими сто двадцатью, я буду иметь свыше восемьсот фунтов, а с моими-то запросами сумма приличная.

— Восемьсот двадцать фунтов, да это же можно сколотить небольшое состояние, если разумно тратить деньги, и если спутница жизни не будет особой расточительной.

— Ну, женщинам тяжелее, их траты выше. К примеру, взять мою сестру — у молодой особы много подруг, она ведет активную переписку, отец заметил, что бумагу и чернила приходится постоянно покупать. Или недавно, мне пришлось сделать существенную покупку лент, тесемочек, разноцветных перьев, семь ярдов легкого батиста, ниток, иголок и прочего. Для дамы эти мелочи просто необходимы, ведь каждая девушка обязана быть респектабельной, придерживаться моды и вызывать восхищение. Мне же не надобно столько мелочей, моя жилетка достаточно прочна, чтобы прослужить еще добрый десяток лет, если я не увлекусь чревоугодием, да и ткань моего костюма выбрана из расчетов переносить многие невзгоды. При аккуратном обращении с одеждой, я смогу существенно снизить траты. Свои прогулки я постараюсь совершать пешим ходом, мне не потребуется лошадь, а значит, не будет трат на содержание конюшни. Мужчине легче обходиться малым...

— О, вы прекрасный брат, — лукаво заметила мисс Уорвик, чьи глаза обворожительно блеснули от этих речей. — Так заботится о нуждах сестры, уделять внимание тем мелочам, без которых мы не смыслим свой гардероб, но большинство мужчин просто этого не замечают, — она укоризненно взглянула на отца и брата, которые беседовали в кругу мужчин, не утруждая себя, занимать интересными беседами дам.

— Я не скажу, что в полной мере достоин таких похвал, просто я забочусь о Марии, ей нелегко приходится, отец и брат мало замечают и не внимают тихому шепоту, а она просто стесняется просить настырней.

Наверное, чрезвычайно не вежливо заглядывать заранее в девичьи думы и сердечные симпатии, но мисс Уорвик посчитала себя влюбленной в преподобного отца Уэнсли. Его красота, доброта и восемьсот двадцать фунтов в год возымели позитивные отклики у многих дам, и кроме Кэтрин Уорвик: Сесилия Весли, Энн Весли, Дороти Весли и Хана Стоксон посчитали себя девицами с преданными сердцами преподобному пастору.

Если бы Уэнсли позаботился в отношении мнения о себе, и мог каким-то образом заглянуть в мысли общества, такие перспективы женских симпатий спугнули бы его. Но его думы витали на ратном поприще борьбы с нечистыми силами, он не планировал жениться и мысли об этом не допускал. Говорил исключительно из братского чувства ответственности, разве не поддерживал он Марию, конечно же, все сказанное было чистейшей правдой.

Сердце его действительно было свободно от мимолетных отношений еще с юности, когда он подчинялся диктату долга, а с дамами вел себя галантно, но в остальном, безразлично. Он ставил в высшей степени расположить к себе, но не допустить ближе положенного.

Матроны давно подметили настроение их юных чад; миссис Уорвик не прочь бы выдать двадцати трех летнюю дочь замуж, жениху уже двадцать пять, он достиг возраста, в котором принято жениться, а еще его доход, манеры и социальное положение, все говорило в его пользу. Единственное, что червяком сомнения грызло ее совесть — борьба с нечистью, за непродолжительное время произошло столько несчастий со священнослужителями. Это просто непозволительно упускать из виду, молодежи эти факты безынтересны, но старшее поколение тем и мудро, что присматривается и прислушивается ко всему. Если же действовать сплоченно, от беды можно уберечься, но за безопасность будущей миссис Уэнсли стоит побеспокоиться. Такими умозаключениями сердобольная миссис Уорвик не упустит поделиться с супругом, да и кумушкам своим поведаст причину треволнений, даже не догадываясь, что кумушки озабочены тем же вопросом.

А пока что, все прекрасно отужинали, к чести миссис Хэнкинс, познакомились с новым священником, прониклись симпатией к приезжему человеку и обзавелись надеждой. В восемь вечера, мужчины посчитали, что еще целый час смогут занять гостя развлечениями. И хотя преподобный Уэнсли уверял, что игрок из него некудышний, карточные столы все же разложили, кофе принесли не подносах и усадили преподобного отца играть в пиковую даму. Энн Весли уверяла, будь тут небольшой клавесин, она бы сыграла собравшемуся обществу, потому что она не зря училась в пансионате, а вот сестры ее прекрасно пели — девицы Весли тяжело вздохнули, а вот Кэтрин Уорвик и Хана Стоксон предпочли наблюдать за игрой преподобного и пытаться ему помочь. Их соперничество, которое они маскировали под саркастическими комплиментами друг другу, было заметно всем, но вместо того, чтобы остановиться, юные девы нисколько не ощущали укоров со стороны. Преподобному Уэнсли пришлось продолжать игру, поскольку, иначе его ожидало общение с дамами, которые его буквально обсели. Кэтрин не унималась, ее не удовлетворило то, как Фрай относился к делам сердечным, она бы не прочь затронуть деликатную тему заново, при чем, где-нибудь без посторонних ушей, если бы не Хана, которая так же помышляла занять его разговорами.

— Скажите, мистер Уэнсли, вы много путешествовали?

— Отнюдь, я отношусь к того рода людям, которые считаются домоседами.

— Замечательно! — воскликнула Хана. — Я так же не люблю дальние выезды. Что толку проводить ужасные часы в переполненной карете, если можно спокойно посидеть на уютной тафте и полюбоваться живописными гравюрами, вдыхая аромат свежесрезанных цветов с собственного садика. У нас такой имеется на заднем дворе, он отделен небольшой оградкой.

Кэтрин поморщилась и вступила в разговор:

— Хана, сдается мне, ты прошлым летом говорила одному морскому лейтенанту, что наоборот, обожаешь путешествовать.

Хана сверкнула недобрый взглядом на свою соперницу, впрочем, та ответила ей взаимностью. Между девушками постепенно просыпалась вражда, но Фрай показался себе слишком утомленным, чтобы продолжать выслушивать их перепалку, и развлекать беседой хоть кого-то ему не стало сил. Он вежливо встал и начал откланиваться, тогда вся мужская часть общества засобиралась вместе с ним, ибо по предварительному уговору, они должны были его сопроводить до дверей пастората. Уэнсли теперь эта затея показалась очень даже

резонной — ночные прогулки ему никогда не нравились, особенно в одиночку. Одиноким прохожим в полутемных проулках оказался бы беззащитной мишенью, даже для обычного грабителя. Дамы раздосадовано вздохнули, для них это обозначало окончание вечера, но получили такие уничтожительные взгляды от их родителей, что разом сникли.

В разговорах с мужчинами, Фрай приободрился, для него поведение дам, граничащих с наглостью, не осталось незамеченным, но он никак не хотел быть трофеем в «битве кур». Тем более, что мужчины не болтали ерунду, а заговорили о важных вещах — починке церкви, городском собрании, сельскохозяйственных работах и преобразовании непригодных пастбищ. Служанку святой отец не успел нанять, но ему пообещали прислать назавтра несколько прилежных кандидаток. Но сегодня ему порекомендовали хорошенько запереть все засовы и если чего кричать в окно, тут спят чутко. Как только он распрощался с новой паствой и засунул понадежней дверной засов, к нему обратился чей-то негромкий, женский голос. Фрай вздрогнул:

— Ну наконец-то, эти вечерние посиделки могли вполне затянуться еще на несколько часов... — в холле стояло кресло, свет от камелька неярко освещал чью-то хрупкую фигуру, и только отблеск пламени от рыжих волос показал, что перед ним сидит та же утренняя гостья. Наверное, она все это время была в доме, и как ее не заметило столько народу?

— Вы? — внезапная встреча с неожиданным визитером закончилась очень трагически, и вот снова ситуация повторяется.

— Я, как видите. Только не торопитесь меня выставлять за дверь, вашей крови я не желаю, всего лишь поговорить.

Фрай дрожащей рукой пригласил даму в его новый кабинет, где, кстати, уже были зажжены свечи, видимо дама действительно была в доме и ждала его хозяина. Если эта дамочка не желает ему зла, куда приятней провести несколько часов перед сном в беседе, нежели изучать полутемные, неприветливые углы комнаты, изводясь от тревоги. Хотя, о Боже, это же халатное нарушение правил приличия — он холостой, она незамужняя мисс. А если эта дамочка собралась скомпрометировать Уэнсли в корыстных целях?

— Да не беспокойтесь вы, понапрасну, я не жажду уничтожения вашей репутации, и никакой выгоды тоже не помышляю получить. Только поговорить.

— Хорошо, хорошо. Слушаю вас, мисс, — затараторил Фрай, унимая поток своих мыслей, пристыженный его откровенным разоблачением. И как ему сохранить мысли в неприкосновенности, особенно от рыжей барышни?

— Вы даже не представляете, в какую историю влипли, — сказала дама, с едва заметной усмешкой, будто Фрай забавлял ее. — То, что было вчера, всего лишь предупреждение. На вас напал не упокоенный дух старого привратника, он должен был вас испугать и немного покусать, но не убивать. А вы дали ему отпор, и дали понять, что вы истово крепкий человек, а теперь приготовьтесь — предупреждений больше не будет.

— И что мне теперь прикажите делать? — не удержался от едкого сарказма, Фрай. — Съехать отсюда? — Будто он оказался еще и виноват в том, что сумел своей непоколебимой верой уничтожить то чудище, что, видите ли, пришло его только припугнуть. И сдается ему, оно бы не удовлетворилось несколькими укусами, покалечило и изуродовало свою жертву. А Фрай, хоть и не был нарциссом, но считал, что уважаемый человек не должен выглядеть уродцем, ведь это отталкивает людей.

— Конечно же нет, вы нам нужны, даже не представляете как, просто теперь вам придется делать ритуалы изгнания быстрее и эффективней.

— И как же мне подобному научиться? Я ведь просто священник.

— Может, вы просто хотите таким казаться, но на самом деле вы все знаете. Я же здесь, исключительно, как ваш друг. Хочу помочь вам приоткрыть вам все тайны изгнания бесов.

Девушка будто оправдывалась сейчас за утреннее поведение, ведь и вправду, от помощи молодой человек бы не отказался. Какими еще испытаниями его будут испытывать и лучше быть подготовленным. Но на всякий случай предосторожность возобладала, над слепым доверием:

— Кто вы такая?

— Я же говорила вам — предсказательница прошлого — мисс Фрейлин, но вы мне не поверили, более того, начали выяснять обо мне. Но на первый раз, я вас прощаю, ибо не среди нас безгрешных. Но учтите, во второй раз ваше любопытство сослужит вам печальную службу. А теперь начнем обучение...

5 Глава. Загадочные летописи преподобного Вейта

Изящные, полированные, медные часики не гулко отбили полночь, их звук эхом прошелся по спящим комнатам, встретился с потрескиванием поленьев и тихим шорохом свечи. Но хозяин не обратил внимания на скромный намек, призывающий усталое тело к отдыху. Он бы даже не обратил внимания, будь это огромные башенные колокола из часовни святого Иакова, только рукописи сейчас занимали его. На столе были разбросаны различные исписанные листы, некоторые сшиты на подобии рабочей тетради. Пожелтевшая бумага и немного обесцвеченные чернила указывали, что письма написаны достаточно лет тому назад. Какие-то диковинные рисунки, изображенные неумелой рукой начинающего художника, показывали рогатое существо с мордой лошади с заплетенным загривком в виде косы. Это животное определенно обозначало нечистого, вышедшего на охоту, ибо в руках оно имело палку, на которой выгравированы определенные римские даты, отделенные точками. И большое светило в виде пятиконечной звезды с полумесяцем в середине, и римские аббревиатуры. На заднем плане стояла толпа людей, с восхищением наблюдавшая за появлением рогатого, с вознесенными к нему руками. Следующий листок обозначал цифры, все латинские, для правильного их определения, также разделенные точками. Были и записи, но в основном рецепты отваров из трав, воска, меда, высушенных насекомых, коры деревьев и прочего природного материала. Но таких записей было только четверть, остальное — рисунки и цифры. От этих рябеющих цифр, закружилась голова и напухли глаза, Фрай прикоснулся к переносице, словно, исследуя пульсирующую жилку боли. Все это время, за его сосредоточенным видом, следили огромные зеленые очи прелестной незнакомки, что расположилась напротив. Она филигранно сложила красивые руки, кокетливо потирая нежную кожу запястья, что выглядывала меж рукавом и кружевной перчаткой. На губах сияла слегка уловимая довольная улыбка, будто девушка наблюдала за интересным представлением, либо интересующим ее объектом. Объект наблюдения в это время, испытывал ожесточенную борьбу со своим разумом, что отказывался вразумить истину в загадочных письменах. Разум победил — Фрай остался ни с чем.

— Я этого не понимаю, — грустно констатировал молодой джентльмен, отстраняя от себя рукописи. — Чертовщина и не более. Если бы оно хоть чуточку сопровождалось уточнениями, мой разум мог бы охватить половину писаний, но увы, подробного разъяснения, да любого разъяснения тут нет.

— Видимо, преподобный Вейт, вел свои исследования на несколько неординарный способ, — выговорила Фрейлин, спокойно всматриваясь в карикатуру на ожесточенную борьбу двух удивительных существ — одно было схоже с огромным псом с большими корявыми рогами, другое — обычный олень со светочем над головой. — Чтобы враги не расшифровали его открытия.

— Да и последователи тоже. Нужно быть либо гением, либо — безумцем, чтобы найти во всем этом крупицу истины.

— Я не могу дать тебе ответ, увы, мне отведена роль скромного соглядатая, зодчего посторонних подвигов, — разочаровано выговорила Фрейлин, всматриваясь во мрак кабинета.

Фрай так же отвлекся, он печально взглянул на часы, потом подошел к окну.

Теоретически ему хотелось спать, но стоило закрыть глаза, забыться на мгновение и липкий страх прошлой ночи подползал к сознанию с огромными огненными глазами. Молочный туман застелил долину, отдавая серебристым свечением от блика луны. И будто черные тени кружили в его объятиях. Уэнсли вздрогнул, отвел взгляд — как заставить себя перебороть страх и снова начать жить обычной жизнью, без ужасов и боязни ложиться спать. Видимо, его гостя прочувствовала внутренний монолог и весело проговорила:

— Ой, я уже изрядно задержалась, испытывая ваше гостеприимство.

Фрай молча повернулся к ней, действительно, столь поздняя встреча могла нарушить все нормы морали, но как быть теперь — дама должна быть доставлена домой, конечно, он ее сопровождает, но не даст ли это появлению кривотолков в отношении этих двух людей? Фрейлин улыбнулась, она обладала даром читать мысли, но даже не имея такого дара — она бы прочла все по его лицу. Дама кокетливо подошла к пастору, дружелюбно протянула руку и молвила:

— Отдыхайте, дорогой друг, сегодня вас не побеспокоят никакие тени, — и тут же обернулась совой. Да-да, той самой птицей, которую он наблюдал в дремоте своей: красивого серебристо-серого отлива, с изумрудными глазами и рыжим загривком. Уэнсли стоял неподвижно, лишь приоткрыв рот от удивления и невысказанной фразы. Кажется, мир тайн и загадок водоворотом взял молодого человека в мощные объятия, и уж не вырваться из этого плена, пока он не раскроет все его тайны. Скажи ему кто-то пару лет назад, что в мире существует материальная чертовщина, а люди умеют перевоплощаться в разных существ, а еще — поприще священника бывает опасней похода на войну, он бы высмеял такого человека, даже если это был очень уважаемый джентльмен. Нынче он является тем самым полубезумцем, что без обиняков поведает вам такие невероятные истории, да еще и потрясет перед собой летописями другого полубезумца, как доказательство правоты. Сова прищурила изумрудные глаза, наклонила голову набок, почти вывернув ее, снова прочтя все мысли пастора, потом взлетела, тут же испарившись чудной дымкой в воздухе. А Уэнсли выдохнул, будто никогда прежде не дышал, вернув назад это благо. Пришлось ложиться отдыхать, иначе он опасался тронуться разумом, заполненным до избытка картинками, иероглифами, письменами. Действительно, этой ночью ему не мерещились чудовища, он просто впал в забытие.

Утро только предъявляло свои права, серыми красками наступая на тьму, когда молодой человек проснулся. Он не чувствовал никакого страха, жизнь казалась вполне обычной, той, которую он оставил в доме отца, но в его новой жизни, разбросанные по столу бумаги, как будто намекали, что к прежнему возврата нет. Но ведь днем он будет вести вполне обычное существование: ему нужно заглянуть в церковь, и даже не ради объективного взгляда на запущенность здания. Нет. Ему нужно воззвать к Богу, спросить у Всевышнего, стоит ли связываться с силами неведомого мира? Ибо истина сокрыта в молитве, а Фрай нынче уверовал, как истинный фанатик. Но прежде, чем снова столкнуться с обычным миром, он взглянет на бумаги, времени еще полно, площадь спит, а одиноко шататься небезопасно. Еще бы не помешало нанять, наконец, прислугу, ибо все делать самому очень неудобно, да и завтрак приготовить некому, камин разжечь. Придется позавтракать в какой-нибудь местной харчевне, припасов с дороги вовсе не осталось.

Когда пробило восемь, молодой человек был готов к тому, чтобы без опаски выйти на улицу и прогуляться вдоль красочных вывесок. Но стоило ему собраться с окончательным решением, как в дверь постучались. На пороге стояла девушка, одетая в обычное шерстяное

платье, белый передник, потертый плащ и неказистую шляпку, в руках она держала метлу, что как бы намекало на ее принадлежность к рабочему классу. Ее обувь была из грубой воловой кожи.

— Здравствуйте, меня зовут Нэнси. Я прибыла с рекомендательными письмами от миссис Хэнкинс на место вашей служанки.

— Вот как, — удивился, обрадовавшись, молодой человек. — Я возьму для ознакомления ваши рекомендации, но коль вас посоветовала миссис Хэнкинс, думаю, я буду полагаться на ее суждения.

— Только вот, я бы хотела быть вашей приходящей работницей. Буду работать с шести до шести, или с шести до восьми вечера, но на ночь оставаться не буду, — девушка залилась румянцем, видимо смущаясь от того, что будет прислуживать холостому мужчине. Провинциалки были не только истово набожными, они были еще непреклонно добропорядочными женщинами. Будь в доме у пастора его жена, девушка согласилась бы работать круглый день за большую плату, не опасаясь, что ее совратят, а так — она не понесет бремени бесчестия ни за какие деньги.

Но сказать по честному, Фрай был только рад этому, и не потому, что он холостяк, нет, просто его новое хобби не приемлет посторонних глаз, да и так тогда тайно встречаться с Фрейлин? Стороны быстро договорились на выгодных условиях. С шести до шести молодого пастора вполне устраивало, потому что, он не признавал поздние ужины. Девушка должна была приступить к обязанностям завтра, потому как сегодня в ее услугах еще не нуждались, но одно поручение она получила от нового хозяина уже сейчас — сдать некоторые вещи в прачечную, такова в городе имелась. Получив положенные к уплате деньги и еще пару медяков поощрительных, довольная служанка пошла выполнять поручение, а Фрай уже изнемогал от голода и пошел искать недорогое, но приемлемое местечко. Площадь уже ожила, картина совсем не изменилась, все действующие лица были там, где им надлежит быть — театр суеты не сменил декораций, а вот Фрай ворвался, в общую картину, ничуть не нарушив идиллию. Маленький городок, где жители вели тихую провинциальную жизнь, относительно тихую, и знали друг друга, располагал к себе — тебе кланяется обычный люд, приветливо приподнимают шляпы солидные джентльмены, с которыми ты никак не знаком, а ты отвечаешь кивком и улыбкой, робко принаравливаясь к местным обычаям. Фрай вел себя именно так, и никто не упрекнул его в отсутствии воспитания, ибо его честная улыбка располагала людей, если б не его природная скромность и неуверенность, этот джентльмен давно бы осознал, какое притягательное влияние имеет на людей, а для дам — этот Аполлон суший сердцеед. Успев отойти на небольшое расстояние от дома, как его нагнал мистер Стоксон вместе с дочерью на своей двуколке. Эти двое как раз направлялись справиться о здоровье нового пастора, как бы случайно прихватив небольшой презент. Эта затея вполне принадлежит Хане, ибо она уболтала отца проведать преподобного Уэнсли. Презент состоял из съестной провизии — походного завтрака — как его любили называть военные, а мистер Стоксон в прошлом был военным, нынче занимал должность мирового судьи и уполномоченного мера Дарквудса и Прэнтона — соседнего городка. Мистер Стоксон был расположен к общению с людьми, поэтому охотно составил компанию дочери, и пусть они направились в столь ранний час в гости, это никого не смущало, в провинции все приветствуют в любое время.

— Мистер Уэнсли, а мы к вам пожаловали, — зычно отозвался мистер Стоксон.

Его дочь тут же добавила:

— Мы узнали, что вы еще не обзавелись прислугой и думали, что будет вполне уместно привезти вам завтрак, он, конечно, не столь изыскан и состоит из холодных блюд, но я думаю, вы радо примете от нас такое скромное подаяние.

— Благодарю вас, — ответил мистер Уэнсли. — Я всегда рад принять гостей в своем доме. Вы правы, к моему упущению, я не обзавелся прислугой прежде, и только сегодня заключил договор с новой служанкой, но она придет только завтра, а кухарки у меня пока нет. И я очень радо с вами позавтракаю, ибо не эстет в пище и могу обходиться самыми простыми блюдами.

Хана только это и хотела услышать. Она искренне заверила, что поспособствует преподобному Уэнсли в обзаведении такой нужной прислугой, как кухарка. Кухарка в доме нужна не меньше входной двери, да надежного замка в кладовой. А еще лучше, чтоб это была особа проверенная, кажется, ее матушка может написать нужным людям и на завтра в пасторате будет кухарка и даже посудомойка, она тоже важна. Все эти домыслы молодая леди высказывала пастору, идя с ним под руку до его дома, она спрыгнула с двуколки, чтобы охотно составить молодому джентльмену компанию, пока ее отец проехал вперед и ожидал молодежь у крыльца. Теперь все соседи видели ее подле пастора, уж Кэтрин за ней ни за что не угнаться. И пусть она была не настолько ослепительной красавицей, невысокого роста и слегка курносая, что придавало ее личику, некоторую детскую непосредственность, да еще и смешные конопушки, но в остальном, ее расчетливости и дальновидности позавидовали бы самые битые авантюристки.

Пока что пастор пребывал в неведении, относительно коварного плана женской половины семейства Стоксонов, разработанной накануне, после ужина. Он списал все на провинциальное добродушие и так же открыто принял гостей в своем доме, мистер Стоксон так же не был посвящен в тайное сообщество — списал все на доброту своего чада. Дама без стеснительности потребовала показать ей кухню, и почти приказательным тоном велела господам занять места в гостиной. Господа, чтоб не терять зря время, откупорили бутылку хереса, которую прихватил мистер Стоксон из собственных запасов, для улучшения аппетита, да принялись обсуждать дела. Завтрак принесли очень быстро, разложив все на приготовленные заранее блюда. Тут было жаркое из баранины, нарезанное ломтиками, сливочный сыр, паштет, домашнее сливочное масло в масленке, белый хлеб, сладкая сдоба, варенье и немного молока к чаю. Чай принесли тоже. Мисс Стоксон справлялась со всем молниеносно, показывая хозяйскую жилку с самой лучшей стороны, будто это она сама готовила все эти блюда, а не ее кухарка, да еще дала подробную инструкцию, как все уместней подать. Фрай с большим аппетитом вкушал блюда, не скупился на похвалу, от чего девушка зарделась, как спелое яблоко. Но делал это наш пастор из вежливости, без тайных умыслов, как благодарил бы свою сестру. Мистер Стоксон еще был далек от мысли выдать в скором времени дочь замуж, поэтому продолжил прерванную беседу о его должности. Он несомненно был влиятельным человеком, снимал отдельный особняк, но соседствовал с Хэнкинсами, и поэтому был любезно приглашен на соседский званый ужин. Должность мирового судьи обязывала его знать обо всем в городе, для наведения порядка у него в подчинении было аж три дружинника и один зажигатель факелов — смелый малый, и немного отчаянный. Мисс Стоксон слегка рассердилась на отца, ибо он нагло прервал зарождающийся интерес между двумя людьми, но вслух не могла высказать свое негодование, пришлось сидеть и исполнять роль прилежной хозяйки и тайно дуться на родителя. А ее родитель тем временем, уже углубился в воспоминания о темных временах,

когда и сам он был еще молод, и когда в городе стали происходить действительно ужасные вещи. Тогда же преподобный Вейт и начал войну против нечисти, и многие горожане в ней участвовали. Тогда духи распоясались так, что утаскивали людей среди дня, особенно приезжих. А в местных мужиков вселялись и те начинали беситься, будто звери. Он сам был тому свидетелем, потом все затихло, видимо отец Вейт провел какой-то сильный ритуал или молебен, но все прекратилось, показалось, что нечисть изгнана. Но в один прекрасный день, отца Вейта нашли мертвым в церкви, ужасное зрелище. Сам он не видел этого, но свидетели говорили, что тело просто было вывернуто наизнанку. Потом, именно священнослужители стали главной целью нечистого — один сразу уехал, только лишь переночевав; другой пробыл дольше, но свихнулся; третий сгинул бесследно, четвертый и пятый последовали за ним; шестой умер от разрыва сердца, а седьмой — сотворил страшный грех, бросившись с обрыва. Их помощники тоже кончали плохо, хоть и были из местных жителей. А вот недавно пропал Свилфордский всадник — и это всколыхнуло общественность в другом городе, а мэр прислал гневное письмо во всем разобраться, и выяснить, что случилось с беднягой. А что ему на откуп предоставить, не отправлять же отчет, что в окрестностях снова лютует нечисть. К слову, поиски он производил тщательные, только его люди даже следов борьбы не нашли и лошади, не могут же люди пропадать бесследно.

— Это нужно прекратить, нечисть должна знать свое место, — констатировал мистер Стоксон. — Ишь, как распоясалась снова.

Уэнсли улыбнулся, хотя улыбкой обреченной и невеселой. Судьба его предшественников и в самом деле была незавидна, да и сам он мог оказаться восьмой жертвой обстоятельств, но чудом прошел испытание. Он бы рад помочь в расследовании, но пока не знает как.

— Что в моих силах, я сделаю. Но и вы поймите, мне нечего пока предоставить, во всем нужно разобраться.

— Мы в вас верим, вы похожи не преподобного Вейта силою духа и характером. Только внешностью смазливей и годами помладше.

Он задорно взглянул на дочь, от чего та снова залилась румянцем, будто эта похвала предназначалась ей. Ох, как же будут завидовать ей подруги, как только узнают о таких подвигах сегодня утром. Теперь уж она будет первой претенденткой, а никак не Кэтрин Уорвик. Пусть она и очаровывает красотой, но куда важнее внимательность и хозяйственность, особенно, что касается преподобного отца. Хотя есть еще и остальные желающие. Незамужних девиц, заслуживающих достойного и обеспеченного мужа много, а вот избранников — единицы. После вчерашнего ужина симпатичный и обходительный пастор у всех на слуху.

Мужчины побеседовали и расстались ко всеобщему удовольствию. Мисс Стоксон убрала посуду и вымыла ее, самостоятельно, что свидетельствовало о серьезности ее намерений показать с лучшей стороны качества хорошей жены. Уэнсли расстался с гостями в лучшем расположении духа. Теперь ему надобно посетить церковь, возле которой уже толпились четыре рабочих и привратник, ожидая согласия пастора. Работа закипела — мужчины оценили состояние всей мебели и принялись за работу, потом пришли те же поденщицы и вымели все, протерли, начистили. Церковь пришла в надлежащий вид, правда еще требовались кое-какие плотничьи доработки, но к следующему воскресенью, она будет готова, и тогда молодой пастор облачится в белую ризу и будет говорить о Боге, и петь о Боге; и будут ему внимать миряне, коих теперь он охраняет и словом, и делом. Не будь этот

край населен мракобесием, Уэнсли нашел бы в нем самый лучший свой дом — тихую, надежную гавань. Но об этом говорить рано. Молясь Всевышнему, он будто бы копил в себе силы и набирался уверенности, но прежде всего, он раздумывал обо всем случившемся ранее. Он ведь недавно видел беса в глаза, и знает, чем можно его победить. Молитва действует, как щит, но нужно оружие, которым можно обороняться. И все содержится в летописях, стоит только немного посмотреть на них с другой стороны.

К загадочным рукописям, он вернулся немедля, в душе закралась бездна сомнений и лишь вялый росток догадки. Что именно вкладывал в изображения преподобный отец Вейт? Как именно расставлял приоритеты? Или это простые зарисовки безумца? Но по всеобщему согласию, безумец переломил ход войны, заставил бесов отступить. Не будь его и край давно превратился в огромное кладбище, мертвый город.

Вот только рисунок с лошадиной мордой и рогами. Его восхваляют люди, а может, так они его призвали? Молодой пастор задумался, а ведь и правда — беса призвали. Кто? Тайное братство? Когда? Ведь есть римские цифры и цифры обозначают дату.

Он пришел в этот мир, судя по римскому исчислению — 21 декабря 1464 года. Хм, а ведь это может совпадать с рассказанной легендой о побеге виконта и замужней дамы. Переломный ход войны алой и белой розы, страна в хаосе, нравы тоже. А вдруг и вправду, демона призвали и сделали это с определенной целью. Ревнивый муж не пожелал падения своей репутации неверной женой. Устроить нападение на замок? А если замок неприступен? Он пошел легким путем — призвал карателя. Какая-то часть головоломки уже складывалась, во всяком случае, преподобный отец Вейт указал причастность к легенде. А ведь стоит еще побеседовать с местным обществом о легендах Дарквудса, самый верный источник — народный фольклор. Теперь каждая мелочь может помочь, если не окажется судьбоносной.

Наступил вечер, суэта в церкви и недолгие размышления пастора заняли целый день. Он даже чуть не позабыл, что согласился отужинать у Стоксонов — поистине благосклонное окружение. Кажется, кухарку тоже можно нанимать на неполный день, если его так часто будут приглашать ужинать в округе.

А начать следует с замка виконта, там, по мнению многих, и сосредоточен оплот нечисти. Значится, сегодня за ужином он расспросит мистера Стоксона, известно ли ему что-то из местных легенд об особенностях замка. Фрай уже оделся к предстоящему ужину, но снова взял рисунок, будто новый виток осознания пришел к нему. Если откинуть центральную фигуру — чудовище с лошадиной мордой и сосредоточиться на заднем плане. Людей изображено много, лишь пятеро из них имеют внятные очертания лица, глаз, губ, одежды, их руки подняты вверх, восхваляя черта. Остальные персонажи имеют лишь очертания присутствия, а еще шлемы. Да-да, шлемы — это означает, что были пять господ, остальные — стража, почетный караул. Первая догадка была верна — рассерженный муж призвал нечистого на землю. Цель — взять замок противника и вернуть неверную жену. Хм, а что случилось потом? Ведь кто-то начал рассказывать продолжение истории, да только мисс Уорвик отвлекла его ненужными беседами. Кажется, Фрай на нее разозлился, ему ведь тогда казалось правильным осадить девицу, но манеры и воспитание не позволило этого сделать.

Но для себя, Уэнсли сделал пометку, он обозначил листок под номером один, с которого нужно начинать расследование. Но подробности нужны, без них никак не добраться до истины. Пастор сложил рукописи Вейта в папку и положил в стол, а с собой

взял небольшой блокнот и грифельный карандаш, чтобы не просто все услышать, а и делать пометки. Кому как не мировому судье не знать историю города, Фрай довольный своими догадками, покинул комнату и отправился к Стоксонам.

6 Глава. Повествует о страшном сне прошлого

6 Глава. Повествует о страшном сне прошлого

Стоксон не был столь радушным хозяином, решив обойтись небольшим кружком приглашенных гостей. Кроме преподобного Уэнсли, здесь присутствовали близкие знакомые мирового судьи — семейство Батлеров: мистер, миссис и двое их взрослых сыновей — Джордж и Эндрю. К сожалению, друзья мистера Стоксона не были приглашены в дом Хэнкинсов, потому как вращались в разных кругах. Но они тоже были наслышаны о новом священнике и не упустили шанса с ним познакомиться. Это были необычные люди — мистер Батлер работал деловым представителем одного уважаемого джентльмена, который имел громкое имя, но не хотел афишировать это. А еще эти люди были приезжими: мистер Батлер только недавно поселился со своей супругой в округе, сняв отдельный особняк, да еще и преобразив его за свой счет. До того, по их рассказам, они много разъезжали по стране, все это было связано с занятием мистера Батлера, но к этому месту душа у него прикипела и они остановились здесь. Фрай удивился и усомнился в рассказе загадочного человека, что заставило джентльмена с хорошим доходом выбрать для жизни такую глушь, неужто, столица оказалась им не по карману, но тогда, как объяснить снятые коттеджи в Риме и Неаполе, а также длительное проживание в Бирмингеме? Но, Стоксон сразу предупредил о чужаковости этого семейства, хотя самому мировому судье льстило, что в городке проживает зажиточная семья и он водит с ними знакомство. А Фрай оказался полезным именно потому, что тоже был приезжим, ну а еще пастором, слухи о котором успели дойти до всех местных семейств, а поскольку развлечений в округе мало, вот и захотелось скучающим богачам посмотреть на необычайного священника. Хотя он пока что был самым заурядным.

Поначалу Фрай лелеял надежду всерьез выпросить у Стоксона все о местных легендах, но общение с Батлерами оказалось таковым, что они незнакомы со всеми подробностями мракобесия, а мистеру Стоксону не хотелось в их глазах слыть суеверным простаком, верящим во всякую чушь. Поэтому он сухо отвечал на расспросы Уэнсли, сводя все, то к деревенской песенке, то к шутке. И даже преимущества от столь выгодного знакомства померкли в глазах Фрая, потому что эти люди ему определенно мешали. Будь он единственным гостем или в том обществе, которое собралось вчера, беседа велась бы на более существенные и интересные темы, а сейчас говорили в основном о столичных новинках: мистер Батлер недавно ездил в Лондон, на выставку, и приехал со свежими новостями и рассуждениями нужен ли Англии технический прогресс. Мистер Стоксон внимал важному гостю, напрочь позабыв о втором приглашенном. Мисс Хана так же не претворяла коварный план в жизнь, потому как, чуточку отвлеклась на двух молодых джентльменов, которые из-за отсутствия других дам, общались только с ней. Мисс Стоксон нашла их лучшими собеседниками, которые могли напустить пыли в глаза и расточать галантность, и совсем забыла про Фрая. Тот, впрочем, не был расстроен столь откровенным пренебрежением, он не пришел сюда завоевывать расположение мисс Стоксон, он был исключительно из личных интересов. Но его план плодотворно и информативно провести этот вечер с треском провалился, казалось, лучше б он остался дома, отужинав сухарями и чаем, но продолжил бы разгадывать рукописи, а не отвлекаться на пустые разговоры.

Мисс Стоксон тем временем, уже мысленно поздравляла себя, как ловко она обошла

Кэтрин Уорвик, да округа просто взорвется от новости, с какими чудными людьми она свела знакомство, и накануне угощала преподобного завтраком, а он превозносил ее. А потом был приглашен на ужин, а тут можно немного и приукрасить действительность, сказав, что приревновал ее, когда она общалась с Батлерами и от того сидел понурый целый вечер. Правду то им все равно никто не скажет — на самом деле Фрай сидел предельно злой. Но тем не менее, ему таки пришлось вступить в разговор с мистером Батлером:

— Скажите, преподобный Уэнсли, как вы планируете разбираться со всей той чертовщиной, что творится в округе? Стоит заметить, жуткие легенды Дарквудса столь прочно обосновались в головах жителей других городов, даже целого графства, что мне стоило огромного труда, заключить две последние сделки.

— Все дело в вере, — сухо ответил Фрай, будто по мановению пальца, он может изгнать нечисть, — и в осторожности. Если мракобесие не покидает эти края, стоит обезопаситься.

Мистер Батлер сидел с несколько разочарованным видом, видимо, он не это хотел услышать:

— Ба, мистер Уэнсли, я думал вы тот защитный щит Бога, который нас укроет и от всего спасет, во всяком случае, так говорят в округе.

— Боюсь вас разочаровать, мистер Батлер, но на второй день в роли священника и жителя Дарквудса, я еще не могу бахвалиться никакими победами. Спасение вижу только в упрочнении веры в умах людей. Мой предшественник добился немалых побед, но проиграл в какой-то момент. Чего же вы ждете от меня?

Мистер Батлер улыбнулся, но с тяжело скрываемым сожалением. Их знакомство началось неплохо, но под конец окончательно испортилось, Фрай больше не вступал с ним в беседу, да и темы затрагиваемые Батлером касались политики, сотрудничества с Ост-Индийской компанией и прочими несущественными мелочами. В девять часов он сел в личный экипаж мистера Батлера (хоть какая-то приятная компенсация за упущенный вечер) и прибыл к себе домой, путешествие было очень стремительным, потому как, кучер гнал лошадей из опаски остаться дольше положенного. Ведь еще нужно было отвезти самого хозяина, распрячь лошадей и завести их в конюшни, предварительно бросив сена. Фрай не испытывал радости, он был раздосадован и ко сну отошел, обуреваемый тревогой.

Впрочем, ночь расставила все по местам. Нет, призраки нечисти не мучили преподобного, как и красивая головка мисс Фрейлин. Хотя, желание увидеть новую знакомую было велико, все же звать ее от скуки, выглядело некрасиво. Уэнсли еще раз взглянул на бумаги и решился хорошенько отдохнуть. Дрем пришел сразу, только вот безмолвная тишина, накрывающая спокойствием, будто детским одеяльцем и улюлюкивающая подопечного, отошла в сторону, уступая место тревожным сновидениям.

Фрай стоял в темном, огромном помещении, заполненном толпой людей. Это были странные люди, одетые на старый лад. Представьте себе, огромное помещение, выложенное из грубо обтесанных камней, потолком которому служили неровно уложенные бревна, залитые смолой для прочности. В каждом углу коптил факел, от чего стены покрылись сажей, будто краской, а также стоял белесый смог. И в этом душном помещении собралось много людей, облаченные в странные железные нагрудники и шлемы, у каждого висели короткие мечи, позади мушкеты, а в руках древки длинных копий. Под нагрудной кольчугой — холщевая рубашка из грубого сукна, шерстяные короткие штаны и добротные кожаные сапоги, измазанные грязью и пылью. Это определенно были воины, потому что несли службу в этом помещении. Фрай так же был среди них, его железная кольчуга, скрепленная

кожаными ремнями, доставляла ему большое неудобство, потому что она была очень тяжелой, а еще — шумной, он не мог повернуться, не издав лязгающий звук. На голове был прикреплен шлем, такой же лязгающий, но спасающий во время военного похода. На руках были перчатки из грубо выделанной кожи, немного потертые от времени, но надежные. Движения Фрая вызвали недовольный интерес у некоторых его сотоварищей, он повернулся к нему, заговорили, в нос ударил мощный запах перегара, от которого Уэнсли чуть не стошнило. А еще их лица были перепачканы пылью и потом, от чего те казались чумазыми, видимо, они давно несли службу в этом душном помещении. Сама одежда провонялась лошадьми и немытым телом, и все источало такие неприятные запахи, Фрай уже еле сдерживался, его буквально выворачивало, стоило вдохнуть поглубже. Даже сам воздух наполнился едким дымчатым запахом, огни горели буквально везде. Но кто-то спереди грозно цыкнул, и все стражники прекратили любой шум, Фрай хотел осмотреться, но из-за столпотворения не было видно, что творилось в центре. А ведь там действительно что-то происходило: кто-то негромко говорил, потом несколько человек за ним повторяли, и что-то омерзительное было в этом голосе, будто человек вкладывал в каждое изречение искру ненависти на целый мир, его голос присвистывал, шипел. Говорящий был в некотором подобии гипноза, и все, что от него требовалось правильно произносить речь. Скрипел механизм, будто вращались жернова, но от того вращения пол трясся и открывалось отверстие внизу. И так повторялось длительное время — кто-то говорил, круги вращались, в центре зажглись дополнительные чаши, где пламя почти касалось деревянного потолка, пытаясь лизнуть сухие бревна. Атмосфера накалялась, многие стражники пили из своих походных фляг, пот лился ручьем, мешая смотреть, на лоб паклями налипли взмокшие волоски, все его тело буквально накалилось. Тем временем, говоривший человек взшел на каменный помост и упал на колени, протягивая руки к одной из чаш, будто вызывая из ее пламенных недр некое существо, потом он проделал этот же ритуал возле другой чаши. Фрай полностью осушил свою флягу, но испытывал ужасное чувство жажды, он готов был просто упасть, даже земля затряслась под ногами. И не только у него.

Раздалось землетрясение, и стражники попятились назад. Господа, что были в центре отошли, чтобы не упасть в воронку, образовавшуюся в глиняном полу, и уходящую глубоко под землю. Чаши полетели вниз, сброшенные неведомой силой, в то время глашатай превозносил речь, и он тоже не удержался на помосте и слетел в яму: его не гулкие крики недолго отражались эхом, все смолкло — крики умирающего и землетрясение, но пришла новая напасть — из недр показалась рука, больше похожая на лапу, с огромными когтями и короткой редкой шерсткой, что покрывала все тело. Рука напряглась, когти вонзились в камень и постепенно показали рога. Уже не было нужды сомневаться — чудовище проснулось, вызванное ритуалом. Мощное тело и безобразная голова с лошадиной челюстью и внушительными клыками, вытянулась до грудины, потом показалась вторая лапа, так же вцепилась намертво в каменный помост, чудовище полностью выползло из недр. Уэнсли увидел монстра из первой картинки. Неужели его воображении настолько воспалилось, что воссоздало изображение в реальный сон, при чем во всех мыслимых подробностях. Уэнсли ощущал, что тело ему чуждо, но все переживания выливались как собственные, словом, он боялся так же, как и тот человек, что присутствовал материально. Плотная шкура чудовища, полностью была покрыта короткой шерсткой, от чего имела пепельный цвет, ноги были без когтей, но огромные ступни, как показалось Фраю, да и на каждой ноге всего по два, но несоразмерно больших пальца. Чудовище поднялось в полный рост, оскалило нешуточные

кльки, из ноздрей пустило пар, словно в помещении для него было прохладно. Ведь это же адский посланник, в аду намного жарче, там всегда пылает вечное пламя. Фраю вспомнились работы Геродота и его описание древнегреческой религии, так вот, это чудовище легко можно было сравнить с минотавром, который жил в лабиринте и производил на людей такой же цепкий ужас. И только герои-полубоги смогли бы сразиться с таким.

Но если обычные стражники испытывали оцепеняющий страх, мешающий им здраво смыслить, то вельможи, коих тут было пятеро, вовсе не боялись появившегося монстра. Один из них, одетый в дорогой камзол из бархата и длинный плащ, подбитый мехом, а также вельветовую шляпу с пером сокола вышел вперед и преклонил перед адским минотавром одно колено, впрочем, он отважился заговорить с ним:

— Благодарю тебя, великий Брахта, что откликнулся на наш призыв. Мы просили о помощи, чтобы победить злого противника, наглого прелюбодеятеля...

Вельможа не успел договорить, ибо был отброшен в сторону, тем чудовищем, которое призвал на помощь. Уэнсли аж дыхание перехватило от реальности происходящего, он слышал, как бедолага неудачно приземлился, стукнувшись головой в каменный выступ, как застонал, и как брызнула кровь из раздробленной кисти. Тот монстр был настолько реален, что даже ощущался едкий запах гари, источаемый им. Стражники и вовсе прислонились к стене, до смерти напуганные происходящим. Фраю становилось тяжело дышать, какой-то рослый детина впереди буквально прижал его к каменным сводам.

— Где я? — низким рычащим голосом молвило чудовище, хищно разглядывающее млеющих от страха смертных. А ведь люди начинали поддаваться панике, тряслись и чуть ли не теряли сознание.

— У дарквудской рощи, — проговорил второй из вельмож, склонив в почтении колено.

— Проклятые рощи черных лесов, — злорадно прошипело чудовище, не скрывая своего торжества. — Где кровавый алтарь?

— Под сводами замка Дарквуд, мы пытались его захватить, но оборона не сломлена. Они в осаде много дней, но держатся.

— Они ничто против меня, показывайте дорогу.

Тот вельможа, что вел с чудовищем беседу, прошел вперед, раболепно кланяясь адскому господину, к нему же и обратилось чудовище:

— Мне нужна армия...

— Наши люди в полном вашем распоряжении...

— Мне нужна моя армия, — раздражено проговорил адский привратник, будто смысл его слов не был изначально понятен.

Вельможа удивленно посмотрел на стоящего перед ним монстра, он даже выпрямился впервые за все время. Но тот лишь хищно оскалил зубы и беззастенчиво схватил богача, приподняв над землей. Удивленный и перепуганный вельможа беспомощно болтался в воздухе, когда его мучитель вгрызся в свое запястье, вырывая кусок плоти, чтобы жидкость его вен полилась ручьем. Как только тягучая черная масса появилась из раны, он насильно открыл рот вельможе и прислонил ко рту свою кровоточащую рану:

— Пей, смертный! — приказал он.

Тот безропотно повиновался, выражение его раскосых глаз, еще больше испугало толпу. Затем чудовище откинуло вельможу, но с тем начали происходить видоизменения: поначалу он затрясся в судорогах, будто отпил чашу с ядом, при этом он кричал, если б его

выворачивали наизнанку, от приступов невероятной боли. Он так неестественно выгибался, что хрустели кости. Из человеческих рук показались когти, он прорезались из пальцев, от чего те лопались. Глаза налились кровью, изо рта пошла кровавая пена, снова приступ боли и кожа лица лопнула, оттуда проступила уже синяя морда, клыки увеличились, кости трещали и перерождались, ломались и заново срастались в подобии животного скелета. Пока происходили все эти метаморфозы, чудовище продолжало вербовать добровольцев:

— Еще кто? — прорычал адский минотавр, подходя вплотную к съежившимся стражникам. Никто их присутствующих не рискнул бы на такое, наблюдая за ужасом перевоплощения вельможи, который уже рычал и хрипел, будто и не был никогда человеком, превращаясь в адского пса, с горящими красным, выпученными глазами. Сам минотавр тем временем недовольно оскалил клыки, будто ему не нравилась эта жалкая перепуганная стадная толпа, он схватил первого попавшегося стражника, как раз того детину, что вжал Фрая в стенку. Здоровенный стражник заорал, подобно испуганному ребенку, и тогда же в его глотку засунули противную кровавую жижу. Он сопротивлялся, но чудовище его сжало так, что тот не мог пошевелиться. Его превращения были ничуть не лучше предыдущих: те же стоны и агония человека, тот же хищный оскал разъяренного животного. Но Фрай недолго наблюдал за картиной перевоплощения, следующим на очереди оказался он. Когтистая, мощная рука, выхватила его из толпы и приподняла над землей, он барахтался, как пойманный зверь, пытаясь вырваться. Но его будто нацепили на железо, когти можно впились в кожу, чтобы жертва не сорвалась. Он кричал от страха и боли, и видел горящие глаза хищника, что испытывал наслаждение от мук жертвы, как вампир, питающийся не только кровью, но и эмоциями. Он был так близко к чудовищу, что ощущал его пламенное дыхание, к его губам почти прикасается кровотокающая рука монстра, из раны течет густая, черная жижа, что отдает едким запахом смолы. Поистине адская раскаленная смола, что течет в жилах существ и теперь ему предстоит агонистическое перевоплощение в монстра и все это он ощутит, так ясно, как сейчас ощущает боль от впившихся когтей. Последние секунды отделяют его от мучений еще больших, но вдруг монстр на что-то отвлекается, где-то послышался шум, от треска двери, и толпа повалила прочь из этого места. Минотавр зарычал, его перевоплощенные монстры послушно зарычали в унисон с хозяином, одним взглядом он дал им команду загнать толпу обратно. Адский пес уже практически завершил перевоплощение, а второго еще выворачивало в человеческой коже, поэтому псина ринулся наружу, оттуда донеслись вопли, будто зверь не загонял их, а волок, назад. Минотавр отвлекся окончательно, отбросил Фрая, приготовившегося к смерти, даже язык отказал ему. Он шмякнулся на пол, неподалеку, возле перевоплощающегося монстра, в последний раз человеческие глаза, наполненные бесконечностью, взглянули на него, человек еще сопротивлялся, но растущий монстр, готов был из него выкарабкаться, как змея, скинув старую шкуру. Так и случилось, кожа лопнула, и нечто пепельное посмотрело своими тлеющими угольками и безразличием на происходящее. К тому времени минотавр покинул это помещение, и его преданный монстр последовал за ним, уже и криков не слышно было, видимо они либо мертвы, либо разбежались. В душном помещении, наполненном молочным смогом, смертью и болью остались двое — Фрай в теле стражника и покалеченный вельможа, что получил смертельные раны. Уэнсли решил подползти к умирающему и попытаться его расспросить, тот взглянул на него как-то обреченно, отхаркиваясь кровавой слюной:

— Скажите, кого вы вызвали? — заговорил Уэнсли, как только совладал с собой.

— Стражника врат ада — Брахту, — справляясь с внутренним кашлем, ответил вельможа. — Но я оказался не прав, чудовище не подчиняется вызвавшему его.

— А зачем вы его призвали?

— Чтобы победить нахала Гретсби, забрать жену... — он снова зашелся грудным кашлем, у него по всей вероятности были тяжелые внутренние повреждения.

— Вы граф... — вельможа взглянул на Фрая, но мгновеньем позже его глаза остекленели и он принял неестественную позу, откинувшись назад.

Фрай закрыл ему глаза, это все, чем он смог облегчить переход усопшему. Нужно отсюда выбираться, стены и потолки уже давили на сознание. Буйное воображение развернуло поистине масштабную панораму, со всеми реалиями происходящего. Когда Фрай выбрался из здания, он всмотрелся в него и увидел, что это укрепленный подвал, возвышающийся над землей небольшим холмиком. Здесь было полно народу, вернее полно трупов, беспощадно растерзанных монстрами. Зрелище поистине неопишное — оторванные ноги, перегрызенные глотки, выпученные глаза, как будто из специально выдавили, наступив на голову, и лужи крови, что пропитали сырую землю. Запах крови стоял удушливый, из чащи уже сверкали глаза лесных хищников, которые боялись только присутствия нечисти, даже звери не хотели по собственной воле встречаться с Брахтой и его приспешниками. Фрай ковылял своими ногами, пытаясь поскорее уйти из этого места, впереди угрюмо возвышался замок, серыми сводами, отгородившись от леса. Стены были залиты смолой, проломлены метательными орудиями, видимо здание пережило человеческую осаду, а теперь для него настал час пострашнее. Впереди раздался гулкий звук, разрушающейся стены. Трещали каменные своды, гремели цепи, ругались люди, ходила ходором земля. Фрай вышел на открытую поляну, которую специально оставляли без насаждений, чтобы увеличить обзор. Он не боялся, ему не угрожала меткая стрела лучника, никто не обращал внимания на одинокого путника, все были заняты, сдерживая напор нечистого и его армии. Оборону прорвали, проход был открыт, один монстр погребен заживо под каменными глыбами, а вместе с ним добрый десяток стражников, но живые позавидовали мертвым, внутри начался полный балаган, человеческие крики вперемешку с громким рычанием, возгласы о пощаде, осажденные боролись с врагом в стократ превосходящим их силой. Фрай шел вперед, нисколько не опасаясь неминуемой гибели, будто кто-то подталкивал его досмотреть представление до конца. Он миновал каменный мост, дымящийся от смолы, миновал обваленные камни и погребенных людей, это было страшно, когда кровь сочилась ручьем из-под тяжелых глыб и слышались стоны умирающих. Он видел растерзанные тела обычных граждан — женщин и детей, стариков и калек, пытающихся спастись бегством, борьба продолжалась уже в самом замке, периодически из окон добровольно выпрыгивали люди, но не многие могли похвастаться удачным исходом. И вдруг он заметил фигуру, облаченную в белые одежды, это была женщина, она взошла на подоконник большого башенного окошка, куда обычно не долетали стрелы. И вот теперь она с ужасом смотрела на смертельное побоище, кто-то окликнул ее, но не чтобы она вернулась в комнатку, нет, ее предупредили о скорой гибели. Девушка вздохнула, Фрай инстинктивно ощутил, как сражается ее нерешительность, но вдруг она испуганно оглянулась назад и тут же прыгнула вниз. Это было красивое зрелище, ее легкое белое платье развивалось по ветру, и все закончилось. Она упала, разбившись насмерть, и не позволив врагу учинить над ней мучительную расправу, это была миледи, но всего на миг Фраю почудилось, что черты ее лица до боли знакомы ему, лишь на миг, до той самой

минуты, пока он не ощутил пламенное дыхание в спину. Он даже не хотел оборачиваться, адский пес стоял рядом, готовый впиться в глотку. Миг и он видел лишь клыки перед глазами. Темнота.

Преподобный Уэнсли буквально соскочил с кровати, весь мокрый, продрогший от ужаса, в отчаянии пытающийся разорвать на себе одежду, будто это были клыки адского монстра, кажется, он охрип, ибо кричал во сне. Но никого рядом не было, лишь тлели угли в камине. Но он ощутил чье-то присутствие, и с ужасом рванул к двери, перецепился, упал, и наконец, увидел сову, что преспокойно сидела у изголовья кровати. Видимо, его приятельница присматривала за ним или нет?

— Ты, ты... предсказательница прошлого, — сипло выговорил Фрай, немного опомнившись от испуга.

Сова понятливо сощурила глаза, давая безмолвный ответ на все вопросы:

— Так вот, почему преподобный Вейт рисовал эти карикатуры, он видел сновидения, видел происходящее. А ты подбрасывала все эти сновидения нам в мозг. А цифры были датами, все сходиться. Осталось лишь сложить все в кучу, но ты ведь знаешь ответы.

Сова отрицательно покачала головой, а Фрай в полуобезумевшем состоянии, налил стакан воды и выпил его, схватил записи и принялся их разлаживать, что-то записывать. Неожиданно над его головой шелохнулась тень, молодой человек отскочил от стола, вглядываясь в темноту, но это была летучая мышь, та самая. Она довольно оскалила мелкие белые зубки, будто улыбаясь...

7 Глава. Посвящена маленькому приключению

7 Глава. Посвящена маленькому приключению.

Воскресная месса проходила миролюбиво и спокойно, практически все жители Дарквудса собрались сегодня послушать проповедь нового пастора, спеть псалмы. Народу прибыло столько, что они стояли даже в проходе, мешая причетнику собирать пожертвования или вносить крест, но Фрай запретил кого-либо выгонять, будь-то даже последние нищие — кто пожелал прийти в храм, пусть остается, пока сам не уйдет. Фрай красиво пел, не то, чтобы он придавал этому какое-то значение, кроме общепринятого, но сегодня его голос лился красивым баритоном. И если б молодой пастор мог взглянуть на себя глазами женского общества, то отметил бы, как красиво уложены его каштановые волосы, как он гладко выбрит и как блестят от пламени свечей его бездонно-синие глаза. А еще он со всеми так любезен, так мягок в обхождении, и не позволяет церковным служителям портить воскресную службу. Дамы благоговели перед красиво облаченным в белую ризу молодым человеком, что так сердечно беседовал со своими прихожанами, он внимал каждому обратившемуся к нему. Он обещал проехаться по всем ближайшим фермам, благословить скот, посмотреть засеянные поля, потому что, если на них взглянет священник, они будут приносить большой урожай, а коровы лучше телится. Дамы просили исповедать их, ибо многие хотели облегчить душу. Тут принято было рукопожатие господ и легкий поклон дамам. Перед входом в храм стояли несколько столов, где бедняки могли поесть в этот особенный день. Уэнсли придумал это только вчера, но его новая кухарка прилежно со всем справилась, ей помогала миссис Бонна — новая экономка пастора. Женщина весьма деятельная, только немного чудаковатая, когда она видела красивых мужчин, всегда им улыбалась, облизывалась и открыто говорила — «Красавчик». За неделю общения с этой яркой личностью, молодой пастор успел приноровиться к ее чудачествам. Да и знакомство у них было необычное, она ведь свалилась ему прям на голову в образе летучей мыши. Когда он ей улыбнулся впервые, Бонна — преданная служанка Фрейлин — почувствовала к молодому человеку расположение, но не могла открыто это высказать. А когда их встреча состоялась повторно, она перевоплотилась в почтенную даму, легонько шлепнула молодого человека за красивую попку, даже не покраснев от стыда и собственной наглости (зато пастор покраснел за двоих сразу), и откровенно флиртowała с Фраем, пока уж не вмешалась ее хозяйка. Тогда же было решено, что она вполне может себе жить в качестве экономки и спокойно днем вращаться среди людей. Вот ее госпоже приходилось оборачиваться птицей в дневные часы и прятаться от посторонних глаз, пока однажды ее не подметила Нэнси, вернее, она подметила красивую сову и начала ее подкармливать, а мистеру Фраю пришлось признать, что он завел необычайную домашнюю птицу. Зато, когда вся прислуга расходилась, молодая девушка без стеснения становилась человеком и разговаривала с пастором. Их расшифровки рукописей Вейта имели успех, Фраю удалось сопоставить цифры и выяснить, что так его предшественник кодировал даты нападения нечисти. Он установил некоторую закономерность, ведь люди пропадали не каждый день, да и вселялись не упокоенные духи тоже в определенное время. Фрай хотел поговорить с Фрейлин о том сне, когда видел падающую даму — была ли то она, или же ему почудилось.

Из задумчивости его вывел знакомый голос, который, чего таиться, раздражал Фрая, ибо он принадлежал мистеру Батлеру. За последнюю неделю преподобный Уэнсли старался

вращаться в обществе, которое не соответствовало кругу общения этого человека: он бывал в гостях у мистера Хэнкинса, обедал еще с несколькими семействами, которые относились к прочной прослойке среднего класса. Мистер Стоксон навещал пастора, но от очередного приглашения на ужин, Фрай отказался, сославшись на его приглашение в другом доме. А ныне невероятно противный человек снова решил заговорить с преподобным:

— Мистер Фрай, вижу, вы поживаете отлично, хотел вас выловить на прошлой неделе, пригласить к себе, но вы оказались таким занятым человеком, что днем вас не застать дома, а вечера все заняты.

— Неделя действительно оказалась насыщена занятиями, — спокойно ответил Фрай. — Ну, и я не мог отказать людям в любезных приглашениях, как их священник, я должен поближе сойтись со своей паствой, знать уклад их жизни.

— Сдается мне, вы в этом отлично преуспели, я только и слышу в округе отголоски о вашей персоне, все считают вас превосходным человеком. Моя супруга тоже благоволит к вам, очень хочет, чтобы вы отужинали у нас на днях, если у вас есть свободный вечер. Не беспокойтесь, все будет чинно и благородно, мы не будем заставлять вас играть в карты или петь нам рулады, но поговорить с образованным человеком, какое это благо для нашей скучной провинциальной жизни.

— Вам не нравится жизнь в Дарквудсе? — поинтересовался Фрай, даже немного обрадовавшись, что мистер Батлер однажды посчитает это место унылым и уедет отсюда восвояси, уж очень не по нраву пришелся ему этот человек.

— Не то, чтобы не нравится, уж очень она спокойная.

— Тогда поезжайте в столицу, на морские курорты, там всегда много людей и много развлечений.

— А еще сплошная суета, нет, идея неплохая, но нынче я не располагаю желанием покидать пределы этого города.

Очень странный человек, если ему не нравится тихая, провинциальная жизнь, зачем тогда так упорно держаться этого места? Фрай не сомневался, что мистер Батлер пренебрежителен ко многим жителям этого городка, которые не обеспечены хорошими доходами — фермеры и промышленники не богатеют баснословно, к городу не проведена железнодорожная ветка. Единственное семейство, с которым он поддерживает общение — Стоксоны за неимением лучших кандидатов. А теперь так упорно этот человек добивается расположения Фрая, конечно же, молодой пастор был осведомлен, что Батлер несколько раз навещал пасторат и спрашивал его, оставлял визитки, преподобный Уэнсли находил утвердительные отговорки, чтобы не встречаться с этим джентльменом, но от нынешнего прямого предложения сложно уклониться. Пожалуй, один вечер можно потратить впустую:

— Я свободен в среду, — ответил Уэнсли.

— Отлично, тогда в пять тридцать вечера за вами заедет карета, — довольно ответил Батлер.

Фрай протянул ему руку в знак согласия и богатый прихожанин довольно пожал ее. Сегодняшний день молодой пастор хотел посвятить дальнейшим расшифровкам дневника Вейта, но можно немного прогуляться окрестностями Дарквудса, раз погода отличная. Некоторые цифры обозначали координаты, где происходило нападение на людей и даже время, поэтому Фрай хотел немного обследовать эти места. Подальше от людских глаз он мог поговорить с Фрейлин, которая томилась в одинокой комнате, где Нэнси устроила для нее удобное гнездышко, совы, естественно. Для их беспрепятственного общения, милая

девушка подарила ему амулет с камешком, на который нужно было нажать, чтобы она знала, что он хочет ее видеть. При этом, дама всегда находила пастора, будто знала куда лететь. И хотя Фрай ко многому начинал привыкать, он еще порой удивлялся всему неестественному, что происходило с ним.

Он вошел в кабинет, спустя несколько часов, выполнив долг священника. Поставил Библию на полку и закрыл книжный шкаф, сова наблюдала за его быстрыми шагами из укромного уголка, догадываясь, что Фрай не спешит засесть за книги. Да, он не торопился заняться обычным делом, достал из укромных уголков рабочего стола большую перчатку, которая доходила ему до локтя. Он недавно приобрел ее в галантерейной лавке, а теперь решил испробовать в деле, взяв на прогулку сову.

— Ну же, мисс, — проговорил пастор, смутившись. — Я думаю, вам будет интересней немного подышать свежим воздухом. Природа сегодня благоволит к людям.

Сова довольно угукнула, смахнула леность, расправила крылья и тяжело спустилась на предназначенное место. Для нее тут было слишком тесно, она не летала уже несколько дней, оставаясь преданным слушателем в вечерние часы. И только пастор собрался покидать свое пристанище, вошла его новая экономка, прищурилась и улыбаясь, она принесла ему легкий лэнч, но Фрай отказался, попросив собрать немного провианта в дорогу, он пообедает на природе. Миссис Бонна не стала ничего отрицать и пошла выполнять поручение, в этом она располагала к себе — ни о чем постороннем не спрашивала, если на то нет надобности и если хозяин не хочет говорить. Да и птица выглядела весьма довольной, примостившись удобней на руке, хотя весила немало, и Уэнсли пока пересадил ее на стол, еще раз проверил рабочий блокнот и грифельный карандаш, и некоторые записи. Он не сомневался, что сегодня они начнут цепочку расследований, над которыми коптел уже несколько вечеров.

Миссис Бонна собрала небольшую корзинку, с расчета на двоих людей. Кухарка удивилась такой прожорливости преподобного, но домоправительница — женщина миролюбивого нрава и талантливая актриса — изобразила такую невинную гримасу и сообщила, что в округе много маленьких детей, а еще животных. И если великодушный священник не будет стеснен в еде, то щедро поделится со всеми. Даже кухарка больше не имела вопросов, сочтя пастора немного чудаковатым хозяином. Миссис Бонна снарядила корзинку разными вкусами, зная, как любит их ее настоящая хозяйка.

— Миссис Бонна, тут хватит на долгие часы прогулки, — улыбнулся Фрай, ощущая тяжесть корзинки.

— А вы не спешите, погода действительно чудесная, — потом она хитро сощурила глазки и не удержалась от своего нахального комплимента. — Красавчики.

Уэнсли хмыкнул, сова довольно заукукала.

Выйдя на проселочную дорогу, Фрай Уэнсли в некоторой степени, исполнил предположения экономки и раздал несколько булочек детишкам, а сова соизволила себя погладить маленьким ручонкам. Немного облегчив свой груз, преподобный направился в лиственную, дубовую чащу, которая слегка отклонялась от дороги. И хотя нечисть могла напасть и днем, но при солнечном свете даже такая мерзость побоялась бы высовываться. Прогулка тихими уголками Дарквудса показалась истинным блаженством. Весна расцвела буйством красок, особенно оттенками от нежно-салатового до зеленого. Солнечный свет мягко струился, пробираясь сквозь молоденькие листочки, те приветливо шелестели, будто к ним в гости наведалься желанный гость. Уйдя подальше от последних зданий, он ссадил сову,

которая перекинулась прелестной девушкой в неизменном светлом наряде и соломенной шляпке. Фрейлин кокетливо оперлась на предложенную руку, и они завели непринужденную беседу. Уэнсли рассказывал о своей первой службе с восхищением, о великодушии его паствы, и о приглашении мистера Батлера, который казался единственным ноющим зубом в здоровой челюсти.

— Этот человек действует на меня, как касторка на малыша. Не могу отделаться от предубеждения с самой нашей первой встречи.

Фрейлин задорно улыбнулась:

— Так вы и встречались всего один вечер, дай ему шанс, возможно, ты больше злишься на непостоянство Стоксона, а этого человека просто ассоциируешь с ним. Поверь мне, он не стал бы так напрашиваться к тебе в знакомцы, если бы не захотел. Такого настырного посетителя я давненько не видывала.

— Вот именно, с чего вдруг ему так тщетно искать моего расположения, у меня нет особых преимуществ. Я не весельчак, с которым приятно коротать время, и не достаточно родовит.

— Подозреваю, что его планы намного дальновидней, но мы не узнаем истины, если ты будешь избегать его общества.

— В среду я приглашен к нему, отужинать в тесном кругу.

— Надеюсь, там не будет дам, — как-то многозначительно отпела Фрейлин.

— Если не считать миссис Батлер, а так у него двое взрослых сыновей. И мне казалось, молодые джентльмены предпочли бы видеть в гостях не угрюмого пастора с назидательными речами, а молодую вертушку.

Прекрасная дева с облегчением вздохнула, она в некотором смысле недолюбливала местных девиц, что пытались сблизиться с Уэнсли. Особенно настырной, а оттого и опасной, ей казалась Кэтрин Уорвик, которая не спешила менять свои симпатии. Даже Хана Стоксон с ее благотворительными завтраками уже не была опасна. Потому что, Фрейлин проследила за ней и выяснила, что она запала на старшего из отпрысков Батлера. Молодые люди уж слишком часто и ненароком пересекались, правда, это было пожеланием молодой барышни, нежели Джорджа Батлера. Но о своих маленьких расследованиях она не говорила Уэнсли, упаси Боже, еще сочтет, что она его приревновала. Хотя истинное чувство недалеко ушло от обычной женской ревности.

Следующий поворот сбил их с лесной тропинки, потому что старый обваленный ствол преграждал дорогу. Фрай внимательно изучил упавшее дерево, ища явные доказательства, что оно не упало просто так, а значит это было происками нечисти. Но явных признаков непредвиденного вмешательства в естественный жизненный цикл растения молодой пастор не заметил, и немного расстроился, значит, они еще не на месте.

— Придется проделать небольшой крюк, — сообщил он своей спутнице, которая несколько встревожилась. Она ощущала что-то несвойственное обычным лесным жителям, но и не отражавшееся мертвецким холодком нечисти — так она ощущала потустороннее. Это было нечто живое, но не совсем обычное.

— Я превращусь птицей, — сообщила она Фраю. — В лесной чаще появилось неведомое мне раннее.

Уэнсли встревожился, значит, он не ошибся в своих догадках, но ведь молодой человек не предполагал повстречаться с потусторонним прямо сейчас. Он из опаски вытянул заготовленный крест и немного святой воды, которые прихватил в последний момент. А еще

у него был маленький молитвенник и пистолет, который он выписал из столицы. Не дешевая вещь, но стоит ли скупиться во имя спасения жизни, тем более, что оружием тут владел каждый худо-бедно состоятельный человек, во избежание неприятностей.

Сова полетела первой на разведку, она подаст знак, если все в порядке. А Фрай остался ожидать, перебирая содержимое своей походной сумки, что он теперь брал повсюду, будь-то даже званый ужин. Многие в округе извиняли его за подобное, они рады были, что молодой человек может защитить или защититься. Минуты умедлили шаг, он периодически смотрел на свои небольшие часики, что были пристегнуты на поясе, но Фрейлин не спешила возвращаться с разведки. Теперь он взволновался не на шутку, может она попала в засаду. Откинув все сомнения, что обуревали его думы, вдохнув побольше воздуха для храбрости, он вошел в заросли молодой лиственницы, которая особо разрослась в этом году. Поначалу он ничего не мог увидеть: мелкие ветки настолько густо сомкнулись, что молодому человеку составляло особого труда пробираться. Фрейлин не сказала, где точно ощутила опасность, просто шмыгнула сюда и исчезла, а эти заросли все не заканчивались. Может она просто застряла и не может выбраться и если позвать ее, она совой откликнется.

— Фрейлин! — позвал он ее, но молодому человеку показалось, будто он окликнул очень тихо, тогда вдохнув поглубже и откашлявшись он крикнул посильней. — Фрейлин!!!

Случилось то, чего молодой человек совершенно не ожидал, что-то сильное дернуло его за ногу, при чем он не смог устоять, и повалился на землю. Его дернули уже за вторую ногу, и это что-то умудрялось так быстро передвигаться, что наш преподобный пастор не успевал его заметить. Он быстро вращал головой, оглядывался на незваного гостя, что повалил его, заставив сесть, Уэнсли не споткнулся, нет, никогда он не был рассеянным. Что-то металось вокруг него, слух улавливал мелкие шорохи, но мельтешение происходило с невероятной скоростью. И тут возник небольшой силуэт и второй подле него, но Уэнсли не мог разобрать, что это такое, какие-то коричневые человечки. А меж тем, эти двое дружно схватили его за ноги и поволокли. Пастор сопротивлялся, но мелкая нечисть была поистине сильной. Свободными руками молодой человек хватался за молодые деревца, но шустрые сообщники умудрялись так быстро переметнуться, разжать пальцы и вернуться к ногам. Фрай начинал паниковать, его куда-то утаскивают, а он бессилён дать отпор, видимо, очень рано пастор посчитал, что уберезет себя.

— Эй, вы! — не выдержал он. — Я окроплю вас святой водой, отпустите меня.

Двое сообщников только хмыкнули, очень даже явно хмыкнули, у них был такой не повзрослевший голосок, будто у уродцев в цирке, когда они давали свои представления. Но, меж тем, его отпустили, правда они перетаскивали свою жертву куда хотели, это была достаточно светлая просека в лесу, где деревья расступились, и не было молодой поросли. Одежда Фрая существенно пострадала от подобного путешествия, но не его внешний вид заботил молодого пастора, а то, где он оказался и с кем. Что-то шевельнулось неподалеку, какая-то птица застряла в силках — это же была его сова, она попала в сети, вот потому и не возвращалась. А еще тут было много шороху, эти мелкие удалыцы очень быстро перемещались.

— Кто вы такие? — спросил Фрай, услышав оханье его совы, что приходила в себя в тесных сетях ловушки.

Шорохи замерли, будто все попрятались, они были нерешительны, их спасала только скорость. Из-за дерева показалась небольшая головка одного удалыца. Фрай опешил увидев крохотных человечков, ростом не выше полтора фута человеческого роста. И это

определенно были крохотные человечки.

— Кто вы такие? — повторил свой вопрос Уэнсли заново.

— Мы Брауни, — ответил самый храбрый из этого народца и, пожалуй, рослый человечек, на голову выше остальных.

— Брауни — домовая нечисть? — не удержался Фрай.

Меж тем, небольшой удалец гордо приосанился, он был немного комичен в этой своей храбрости. Впрочем, одет как обычный горожанин, только одеждою своего размера: небольшие штаны, заправленные в сапоги, рубашку и жилетку, а еще нагрудный платок и шляпу. Гордец деловито поправил одежды, чтобы выглядеть посолидней, воткнул трубку в рот и поближе подошел к Фраю, который сдерживал смехок, будто попал на кукольное представление.

— Меня зовут Криппер Домский, — деловито представился Брауни. — Хоть нас и считают домовою нечистью, но мы живем в замке.

— Ох, простите, — извинился Фрай, чуть не плача от смеха, но сдерживая мимику, впрочем его огромные голубые глаза и так выдавали пляшущие смешинки. Видимо Криппер заметил, с каким взглядом на него смотрит человек, он нахмурился, будто считал это несправедливым упреком его особы.

— Вы смеетесь с нас? — вполне грозно спросил он у Фрая, который уже перестал таиться от смеха, но улыбался улыбкой довольно искренней, располагающей к себе.

Меж тем Криппер Домский подошел в нему в плотную и хмуро уставился на преподобного.

— Ну, хватит, Крип, — послышался еще один тонюсенький голосок, будто принадлежал женщине. И тут же показалась девушка-брауни, что подходила к этой парочке, остальные еще опасливо выглядывали.

— Нинни, не подходи ближе, он может быть опасен.

Она была одета на манер пастушки, ее юбка не прикрывала щиколоток и так же была обута в прочные сапоги. Видимо, длинные юбки не казались маленькому народцу вполне удобными, и они носили женский наряд на старый лад.

— Я не думаю, что он опасный, его бы даже здесь не было, если бы эти обалдуи его не приволокли, — своей крохотной ручонкой она указала на парочку брауни, которые с ухмылками прятались за ближайшим кустом.

Крип не совсем был согласен с предположением его подружки, он недовольно скрестил руки на груди, продолжая хмуро сверлить взглядом Фрая.

— Вы правы, — заговорил Уэнсли с той премилой маленькой особой. — Меня приволокли, а мою сову поймали.

— Она перекидывш, — уточнила Нинни своему собеседнику.

Он непонятливо уставился на девушку-брауни — единственную особу, которая не проявляла к нему такой неприязни. Конечно, невообразимые способности Фрейлин его удивляли, но молодой человек не задумывался, что собой представляет его новая подруга, которая не спешила распространяться о себе. А еще ее Бонна, ведь с французского это переводилось — няня, особа довольно эксцентричная и тоже с невероятными способностями.

— Объясните мне, пожалуйста, — попросил он у девушки-брауни, но тут вмешался недовольный Крип, а еще вдалеке опасливо уткнула сова.

— Не смей с ним разговаривать. Мы не знаем его намерений.

— Крип, не будь таким занудой, — молвила Нинни, улыбаясь Уэнсли, который согласился с ее утверждениями, только, молча. — Он не опасен нам.

Потом она обратилась с Фраю:

— Ваша сова тоже из определенного рода, как вы любите называть, нечисти. Она перекидыш — такие имеют очень мощные магические способности и служат колдунам. Мы схватили ее, думая, что она прилетела проследить за нашим передвижением, и сообщить в замке о нашей пропаже. А вы кажетесь нам обычным человеком... — она недоговорила и смутилась.

— Я таковым и являюсь, меня зовут Фрай Уэнсли — я дарквудский священник, недавно прибывший в эти края. А эта премилая сова помогает мне тут освоиться. Я в некотором роде экзорцист, вернее пока учусь им быть.

Девушка-брауни и вовсе удивилась, так же, как и ее дружок.

— О, мы о вас наслышаны, — шепнула она Фраю. Тот не удержался от улыбки.

— Последователь отца Вейта, — констатировал Крип, меняясь на глазах. — Почему же вы раньше не сказали?

— Потому что вы меня не спрашивали.

— Вам грозит опасность, — молвила Нинни, с опаской посмотрев на сову. — Кровавый алтарь дает о себе знать и тот, кто там, может войти в этот мир, вот мы и бежали.

— Кровавый алтарь, — заинтересовался Фрай. — Расскажите мне про него.

— Нет, мы боимся, — так же таинственно молвила брауни.

— Но мне это поможет. Если мне предстоит столкнуться со страшным злом, я хочу знать его природу.

— Его природа очень ужасна, она родом из недр земли. Она спала многие столетия, копя силы. Ее охраняли призрачные монстры. А теперь, наследники хотят возродить его...

Нинни закрыла рот руками:

— Больше я вам не скажу ничего, очень страшно...

Крип тоже выглядел немного нервным, но он, переборов свое предубеждение, ответил:

— Скоро сюда приедет белый колдун, просите помощи у него.

Они торопливо покинули Фрая, народец засуетился. Поляна зашуршала, брауни готовились уходить. Вот только сову не спешили освобождать, когда звуки чудных созданий исчезли, преподобный Уэнсли поднялся на ноги и сам вызволил Фрейлин из пут, впрочем, она выглядела очень нервной. Обернувшись человеком, она негодуя воскликнула:

— Я никому не служу, кроме тебя! Эти маленькие подлецы меня оболгали! — она нервно повернулась и затопала прочь, за ней последовал и преподобный.

8 Глава. Ритуал изгнания нечисти и его последствия

8 Глава. Ритуал изгнания нечисти и его последствия.

— Но мне приятно было бы узнать все из первых уст, от тебя, — молвил Фрай, когда они возвращались на утерянную ими лесную тропку. Он постарался вернуть своему внешнему облику приличный вид, вот только сюртук немного разорвался сбоку, когда его волокли эти шустрые умельцы.

Его знакомая молча шагала, не вступая в разговор, что-то печалило ее, но она не хотела об этом рассказывать. Зеленные глаза предательски заблестели от наворачивающихся слез, но тайну своей души Фрейлин не откроет ему сейчас:

— Ты обо всем узнаешь в свое время, — отстранено произнесла девица, не подымая головы, чтобы он не прочел все по ее глазам.

Уэнсли не был рад такому разговору, молодой человек доверял новой знакомой, выкладывая ей свою жизнь, как на ладони, она же предпочитала умалчивать. А если между друзьями нет взаимопонимания и доверия, такова дружба обречена. Он тяжело вздохнул и поплелся вслед за ней.

Фрай нашел свои вещи там, где оставил их. После утомительного блуждания лесом, молодой джентльмен предложил немного перекусить, чтобы приготовленные яства не пропадали зря. Фрейлин постепенно остыла после недавнего происшествия, уступила на уговоры своего знакомого и они принялись трапезничать, избрав раскидистый дуб на лугу, который отыскали на берегу небольшой местной речушки:

— Ее воды наполняют замковый ров, хотя сейчас он больше напоминает небольшое искусственное озеро, но раньше... — неожиданно молвила Фрейлин, когда никто даже не вспоминал о встрече с брауни. Фрай молча жевал, не решаясь тут же вступить в разговор, он отчетливо вспоминал тот страшный сон, в котором путешествовал чащами Дарквудских лесов, и это было не самое приятное из воспоминаний. Каковы же были воспоминания его новой знакомой, потому что молодой человек до сих пор пребывал в сомнениях — он видел миледи, ее лицо казалось ему знакомым. Силился уловить сходство с Фрейлин и доказать свою правоту, но она тоже молчала.

Миссис Бонна постаралась на славу, наложив столько холодных мясных закусок, разнообразной выпечки и даже открытую бутылку легкой наливки, что гуляющая парочка совершенно не собиралась возвращаться к обеду. Фрай поудобней устроился у дубового ствола и открыл свой блокнот, сверяя записи. В него он внес встречу с брауни и упоминание о Кровавом алтаре, кажется, где-то подобное однажды слышал. Девица сидела с другой стороны дерева, отдыхая. Они предпочли не мешать друг другу, у каждого было о чем подумать. Больше всего преподобного Уэнсли заинтересовал белый колдун, что скоро прибудет в эти края. Интересно бы о нем узнать, хотя слухи в округе всегда славились скоростью, о чем-то странном верные прихожане тут же сообщат. И все-таки, встретить человека, обладающего даром, увидеть происки магии. Теперь преподобный отец напоминал мальчишку, который томился в ожидании прибытия фокусника, он знал, что тот достанет кролика из шляпы или голубя из рукава, но хотел побыстрее очутиться там и самому вкусить минуточку волшебства.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мисс Фрейлин, — обратился он к своей знакомой.

— Что, мистер Уэнсли? — так же нарочито вежливо ответила ему девица.

— А вы знаете что-то про белого колдуна?

Девушка вышла из своего удобного местечка и посмотрела на Уэнсли:

— Смею вас уверить, вы тоже кое-что о нем знаете.

Ее знакомец удивленно уставился на барышню, которая расплылась в довольной улыбке.

— Я вас не понимаю, — немного обиженно ответил он. — Между нами было бы больше доверия, если б не было стольких недомолвок.

— Но вы знаете его, я вас уверяю. Если бы я не была так уверена в сказанном, я бы не говорила недомолвками.

— Кто он? — Фрай закрыл свой блокнот и выжидающе посмотрел на свою знакомую

Фрейлин предпочла не отвечать на простенький вопрос, снова вернулась на прежнее место. Пастор начинал понемногу злиться, почему в очередной раз его предательски игнорируют. Неужели нужно, чтобы все свалилось на него обухом. Вот приедет — тогда узнаешь, вот придет время — тогда узнаешь. Как после этого безоговорочно доверять словам человека, хотя, теперь Фрай убедился, что его знакомая тоже не человек, она перекидыш. Больше они разговаривать не стали, молча последовали домой. Выйдя на утопанную дорогу, подходящую к городу, молодой человек перекинул корзину так, чтобы не были заметны следы его маленького сегодняшнего приключения, а еще натянул рукавицу, чтобы сова могла путешествовать у него на руке.

Как всегда, местность была немногочлюдна, даже безлюдна, что свидетельствовало о том, что путешественников в этих краях почти не было. Но впереди преподобный отец заметил небольшую тележку, крытую сверху. Видимо, редкие горожане возвращались из соседнего городка. Но тележка остановилась, не ехала дальше, может колесо отвалилось. Фрай решил помочь людям, чем сумеет и ускорил шаг. Но подбираясь ближе, почувствовал внутри себя тревогу. Где же хозяйка тележки, да и сама лошадь где? Бедное животное он заметил неподалеку, привязанное к дереву и очень встревоженное. Оно нервно било копытами не подпуская к себе никого. Пастор встревожился, освободил руки, его сова решила усесться на ближайший сук и предупредить о надвигающейся опасности, героического недавнего исчезновения в чаще, хватило с головой, чтобы не повторять ошибку дважды. Только тогда опасность представляли мелкие брауни, теперь же внутри все похолодело, приспешники страшного монстра неподалеку.

Преподобный отец с опаской оглядел повозку, чтобы удостовериться, что враг не притаился внутри, но здесь было пусто. Кто-то поспешно покинул средство передвижения, но распряг лошадь и привязал ее к дереву. Все показалось преподобному отцу Уэнсли странным и нелогичным. Значится, поначалу опасности не было, но глупо бросать животное на подступах к Дарквудсу. Молодой человек еще раз изучил повозку, потом попытался подойти к лошади, но та упорно не желала приближения Фрая, недовольно фыркала, что-то ее очень испугало. Но сейчас ведь день, солнце постепенно клонится к закату, но ныне миновало три часа, рановато для козней нечистого. Если бы местность не была столь пустынна, преподобный отец чувствовал бы себя гораздо уверенней.

А вдруг это происки брауни? — мелькнула шальная мысль, но зачем им тащить еще кого-то в чашу и распрягать лошадь? Нет, это определенно что-то побольше. Вдруг сова подала голос, она не просто угукала, он чуть ли не кричала. Фрай нервно огляделся, держась на расстоянии от метавшегося животного, которое нервно било копытом, беда близко, вот

только с какой стороны ее ожидать?

Не было слышно завывания волков или чьи-то подозрительных рычаний, но стало подозрительно тихо — птицы не пели, ветер не шелестел, умолкла даже знакомая сова. Фрай дышал, отчетливо ощущая свое дыхание, как будто его заключили в колбу и пространство сужалось, только судорожное ржание лошади напоминало об опасности, бедное животное оказалось в такой же западне. Молодой человек достал револьвер и святую воду, начал вслух произносить молитвы, которые помнил и которые тогда так разозлили нечистого. Он нервно оглядывался по сторонам, ожидал любого подвоха. Вдруг где-то мелькнула тень, у ближайшего дерева. Нет, это были определенно не брауни, нечто было ростом с человека. И нечто решило показаться. Это был человек, видимо владелец повозки, но взгляд у него был звериный и он рычал, подобно собаке:

— Изойди нечистый из раба Божьего, верую во Всевышнего... — но рыкающее человекообразное животное не давало закончить фразу, и подступилось ближе. Нервно заржала лошадь, чуть ли не обрывая веревку, но Фрай не пытался отскочить от нее, иначе его спина будет неприкрыта, а ведь неизвестно был ли этот тип один или еще с кем-то. И жаль, что он не знал имени этого человека, не мог произвести ритуал изгнания правильно. Самым правильным решением было бежать, но ведь эти твари обладают непомерной выносливостью в забегах на дистанции, Уэнсли решил, что его спасет святая вода, он вылил ее на одержимого человека и то существо заревело нечеловеческим воплем.

— Изойди! — кричал Фрай, но нечисть противилась ему, святая вода обожгла, из глаз пошел пар, оно просто взбесилось. Молодой человек бросился прочь, нечисть подскочила на то место, где металась лошадь, животное отбросило своего хозяина на несколько футов в сторону, продолжая неистово метаться. Фрай решил, что лучше обороняться у фургона, раз уж оттуда не выползает еще одно одержимое существо.

Тем временем, чудовище тяжело дышало, постепенно к нему возвращалось зрение, оно метнуло свой воспаленный взгляд по сторонам, разыскивая жертву. Фрай не решился убежать, он занял осадочную позицию в фургоне, но его человеческий запах, на который полагались эти существа, выдал месторасположение. Зверь снова взвыл, поднялся на две ноги и начал наступление, он метнулся в фургон, прорвав толстое полотно из парусины, которым тот был обтянут с трех сторон, но Фрай быстро отскочил в другую сторону и вылез со стороны козел, спрыгнул с фургона и начал его расшатывать, чтобы перевернуть вместе с одержимым человеком. То существо видимо запуталось в содержимом телеги, издало протяжный рев, и покатилося, когда телега перевернулась на бок. Это немного задержало монстра, а Фрай уверенно начал произносить слова изгнания, посыпая вокруг телеги слой соли, чтобы нечистый не выбрался за пределы круга. Он спешил, опасаясь, как бы нечисть не выбралась из своей ловушки ранее положенного срока. Теперь в голосе и движениях преподобного Уэнсли не было того страха, как в первый раз — занятия с Фрейлин благотно шли ему на пользу, постепенно он потерял толику неуверенности, что придало его голосу мужественности. Наконец, круг был завершен и нечисть уже не могла покинуть его пределов, основной сложностью оставалось узнать имя одержимого, без этой маленькой детали экзорцист не мог проделать правильно свой ритуал. Нужно назвать имя, чтобы душа и ее ангел-хранитель проснулись внутри человека, чтобы третий темный, оказался лишним и покинул обитель.

— Назови имя! — приказным тоном, окликнул преподобный Уэнсли.

— А ты заставь меня, — угрожающе прошипело ему существо, нечисть умела говорить,

но предпочитала нападать и убивать.

— Я же все равно тебя изгоню, назови имя этого бедолаги, — ни капельки сомнений, как учила его Фрейлин, с ними нельзя сомневаться, нужно говорить повелительно до последнего, тогда они подчинятся. Она не понаслышке знала, как общаться с одержимыми, еще одна загадочная черточка в характере этой девушки. Но не было времени на пространные размышления, ему нужно было как можно быстрее изгнать нечистого, иначе, душа может и не вернуться в тело.

Тварь шипела, плевалась пеной слюной, ходила на четвереньках, словно примат, металась в очерченном круге, не имея возможности выйти. Экзорцист некоторое время ожидал, но решил поторопить нечисть, вскрыв еще одну бутылочку со священной водой, брызнул в одержимого, когда тот был неподалеку. Тварь разошлась смертельным воем, да так, что уже харкалась кровью. Вода причиняла ожоги, которые проступали красными пятнами, как только нечистый покинет тело, ожоги уйдут, но пока он в человеке — вода будет жечь, подобно кислоте. Нечисть рычала, пыталась стереть следы воды, ворочаясь в земле. Но одежда одержимого промокла и невыносимо жгла. Тогда нечисть начала срывать одежды, рычать, кашлять.

— Назови имя, нечистый! Или будет больнее! — Фрай выставил вперед руку с крестным знаменем и молитвенник, и начал произносить особо сильные молитвы, которые зубрил вечерами, но его ритуалу не хватало человеческого имени, поэтому нечистый не отступал. Он бился о невидимую стену из соли, ревел от произносимых речей, но сопротивлялся. Тварь тяжело дышала, обессилив, она не вкусила крови, значит, была голодна. А жертва попалась клыкастая, сразу обезоружила.

— Тебе нас не победить, — зашипело разгневанное чудище. — Нас много и наш хозяин просыпается.

— Нас больше и на нашей стороне праведное знамя! — уверенно констатировал факты Фрай, уверенный, что если сюда приедет еще с десятков истинных христиан, они дадут отпор той нечисти, что засела в подвалах замка. Ведь сон гласил, что алтарь где-то там.

Нечистый снова заревел, потому что Фрай начинал читать отрывки из Библии о восхождении Иисуса Христа на Голгофу, о его противостоянии дьяволу. Нечисть обессилила вконец, уже не могла метаться как прежде.

— Имя! — почти зарычал Фрай.

— Майкл Марот, — сипло проронил одержимый, но выпучил глаза и зарычал из последних сил.

— Изойди, нечистый, из глубин души раба божьего Майкла Марота, дай покой страждущему, освободи дух человеческий, ибо на то воля Божья.

Нечисть зарычала, неестественно запрокинув голову, что рот его поднялся к нему. И вылезла оттуда полутемная тень, размером с брауни. Это нематериальное существо начало метаться, как в клетке. Ему нужно было новое тело, и тогда экзорцист сможет убить его окончательно. Но видимо солнечные лучи являлись опасными для духа, он начал сам развеиваться, будто высыхая. Но не мог кричать как животное, ибо был бесплотной субстанцией. Фрай наблюдал, как теряются очертания тени, потому что солнце убивает мрак. Будто лопнул мыльный шарик, так же испарился нечистый. А человек остался лежать, с широко открытым ртом. Фрай изучил обстановку, опасаясь входить в круг, но к нему подлетела сова, которую он не мог слышать, и обернулась человеком.

— Все в порядке, я больше не чувствую его присутствия, — заключила девушка, бросая

на Фрая растерянный взгляд.

— Почему я не мог слышать звуки природы, когда напало чудовище?

— Они применяют воздействие на природу, изолируя жертву. Ему нужна помощь, пусть нечистый и покинул тело, но это человек получил опасные увечья, когда его копытами стукнула собственная лошадь.

— Значит, нужно поехать в Дарквудс, — ответил Фрай и начал переворачивать фургон обратно. Тяжеленная махина с трудом поддавалась, перекидывать ее было проще. Когда передвижное устройство стало на четыре колеса, оставалось ведь запрячь лошадь. Та еще металась, но Фрай обошел со стороны, схватил за вожжи бойкое животное и потянул к фургону. Он старался не медлить, так как человек действительно был в опасности, он не приходил в себя, так и лежал, распластавшись. Фрейлин щупала его пульс и сообщала Фраю, жив ли он еще. Теперь нужно было уложить тело на повозку. Тут уж девица помогла своему другу, и парочка тронулась в путешествие. Фрай выглядел очень растрепанным, без шляпы и сюртука. Но сейчас надобно было поспешить к аптекарю, который исполнял в некотором смысле роль местного врача.

Когда Фрай заехал в Дарквудс, все, кто видел его, спешили за фургоном, чтобы узнать о случившемся. Возле лавки аптекаря преподобный пастор остановился и побежал за помощью. Вокруг уже начинала собираться толпа зевак. Но мистер Греддон был человеком понимающим, он ловко приказал празднующимся господам помочь ему перетащить Майкла Мартона в его аптеку. К сожалению, вывод его был не утешителен: больной получил сильные увечья, лошадь слишком порывисто оттолкнула и теперь человек умирает.

— Как это с ним произошло? — поинтересовался лекарь у преподобного отца.

— Он был одержим, — честно ответил Фрай, — он бросился на меня, но угодил под копыта собственной лошади.

— Хотите сказать, нападение нечистого произошло в дневное время?

— Да.

— Вы изгнали его?

— Да, я изгнал нечистого, но человек оказался без сознания и тогда я поспешил к вам.

— Может он хотел вселиться в вас, вы же были поблизости?

— Нет, он вселился раньше, вы думаете, это случилось от того, что я решил прогуляться в дневное время проселочной дорогой?

— Но ведь давно у нас не было одержимых, до вашего приезда... — аптекарь смолк, но Уэнсли негодовал, как можно обвинять его в случившемся, будто это он принес в Дарквудс несчастья. Не иди он той дорогой, нечистый вселился бы в Майкла Марота, а тот бы напал на невинных жертв. Ведь этот человек был фермером, у него наверняка есть семья. И Фрай не виновен, что одержимым он угодил под копыта лошади, это ведь случайность. Но в глазах этого человека он прочел приговор. Преподобный отец вышел на улицу, где все еще стояла толпа зевак, в лицах этих людей он видел страх. Но ведь не он виноват в этом. Разве пропажа Свилфордского всадника произошла по его вине? По всем правилам, он должен был причастить умирающего, но человек умирал тихо, без сознания.

Уэнсли ушел в церковь, ему нужно было переосмыслить сегодняшнее происшествие: он провел удачный ритуал экзорцизма, спас человека от нечистого, вернее его душу, но само тело скоро упокоится, а бессмертный дух отправится в чистилище. И это его первая победа в тяжелой борьбе, но ее восприняли превратно. По пути к нему хотел подойти мистер Стоксон, но Фрай холодно ответил ему, что пока не может говорить о случившемся, он хочет побыть

один, он хочет помолиться. Мировой судья отстал, Грэг Хэнкинс тоже не решился подходить, видя, как перекошено лицо преподобного отца.

Уэнсли остался один, где только причетник иногда суетился, наводя порядки. Молодой пастор закрылся в исповедальне, чтобы никто его не беспокоил, он тяжело положил голову на досчатую стену — неужели он оплошал? Наверное, пастор думал более о своей безопасности, когда подставлял человека, специально находясь подле разъяренной лошади. И снова душу начинали одолевает сомнения, ведь сегодня он поступил правильно, почему на него посмотрели, как на преступника? Быть экзоцистом очень опасно, можно стать жертвой, а не спасителем. Что пошло не так, почему его не отпускает чувство вины, будто сам вогнал кол в сердце бедного Майкла Марота? Молодой человек вспомнил слова нечистого — их много, значит, теперь случаи вселения учащаются, и все равно, в какое время суток это будет происходить. Фрая с головой окутали сомнения, от которых сам пастор не мог отделаться и оправдаться. Вдруг кто-то подсел в кабинку, будто хотел исповедаться, преподобный не мог отказать страждущему. Когда он открыл засов, заметил женскую фигурку:

— Я хочу исповедаться, — заговорил очень знакомый ему голосок, он принадлежал Фрейлин, неужели девушка перекинулась человеком, а как же предосторожность, но Фрай не смел отчитывать свою знакомую.

— Я слушаю вас, мисс.

— У меня накопилось много грехов, отче, — ответила девица, он не мог видеть ее глаз, но не сомневался, какие чувства одолевают девушку. Она продолжала. — Самый первый мой грех заключался в том, что я предала мужа и бежала с любовником в его родовое имение. Я не помню, что толкнуло меня на такое роковое решение — я выходила замуж не по любви, и мой супруг не был мне близок духовно. Но я повстречала человека, которого казалось полюбила, это был виконт Беррингтон. Мы танцевали с ним на нескольких балах, разговорились и поняли, как много общего у нас. Потом он предложил бежать и устроить судебный развод, так я смогу сочетаться с ним законным браком. Но мой супруг был человеком решительным, он пошел войной на виконта. Это бессмысленное кровопролитие шло с месяц, пока граф не отважился на поистине чудовищный поступок — вызвать чудовище из недр, что возьмет замок приступом. И все ради того, чтобы забрать меня обратно. И пусть я не вызывала этого монстра сама, я являюсь первопричиной всех несчастий Дарквудса. Отец Вейт был одинок, не сразу его борьбу восприняли за благо, многие не верили ему, обвиняли. Поэтому, тогда никто не пришел на помощь, когда чудовище расправилось с бедолагой. Я не видела того, но помню, какой учинился переполох из-за этого убийства. И вы, преподобный Уэнсли, будете первопричиной их несчастий, потому что они не видят ваши подвиги. А это и нужно нечисти — выбить из людей веру в вас, заставить сомневаться, тогда вы проиграете, потому что будете одиноки.

— Я подозревал, что ты была той леди, хотел поговорить, но ты молчала.

Фрейлин помолчала несколько минут, потом заговорила:

— Это была я, а знаешь, что случилось со мной потом — меня превратили в сову-разведчицу, чтобы я сообщала им, где лучше выбирать жертв для ритуалов. И я служила этим мерзостям многие годы, пока белый колдун не освободил меня, тогда я начала жить на чердаке церкви, вместе со своей бонной, она пожертвовала своей жизнью, во имя госпожи и ее тоже перевоплотили — пить кровь грызунов и прислуживать мне дальше. Это было отвратительно, но мы были зависимы.

— Кто этот белый колдун?

— Ты его знаешь, Фрай. Но я не могу назвать имени. Придет час, ты сам все поймешь. Он поможет тебе, вы с ним связаны уже давно, я подозреваю, что не зря ты стал таким. Отпускаете ли вы грехи мои, отче?

— Твои грехи непомерны, я отпускаю лишь те грехи, что ты совершила по не знанию. Но не твое самоубийство, такое простить может только Бог.

— Я знаю, — тихо молвила Фрейлин и покинула исповедальню.

Поистине, это принесло облегчение не только ей, Фрай вдруг осознал, что всегда будет первопричиной бед, но он продолжит свою борьбу с нечистью, пусть, хоть плюют ему в спину.

9 Глава. Званный ужин у Батлеров

9 Глава. Званный ужин у Батлеров

Наступил назначенный вечер среды, когда пастор должен был отправиться на званный ужин к Батлерам. Послушавшись совета своей знакомой, молодой Уэнсли решил не настраивать себя против противного ему человека. Потому что, этот человек искал его расположение, а значит, он ему был нужен. В половине шестого к крыльцу пастората подъехал экипаж, запряженный двойкой лошадей. В прошлый раз он возвращался в более скромной карете, интересно, сколько же этот человек имеет выездных карет? Фрай забрался внутрь и утонул в мягком сиденье, такое мог позволить себе ну очень обеспеченный человек, теперь загадочный знакомый мистера Стоксона становился еще таинственней. Уэнсли приготовился к путешествию, карета быстро промчалась улицами Булок-стрит, свернула в незапоминающийся переулок, потом проехала еще одной улицей, пока совсем не выехала за пределы города. Фрай подозревал, что съемный дом Батлеров стоит на окраине, но чтоб в такой глуши. Наконец, они подъехали к трехэтажному особняку, который отчасти прилегал к родовым землям виконта Беррингтона. Здание находилось в отличном состоянии, будто было выстроено совсем недавно. И хотя пастор еще слабо знал историю города, такую мелочь он точно бы не опустил. Хиллидж-форд имел подъездную аллею, где с двух сторон росли молодые ясени, за именем расположился фруктовый сад и оранжерея. Поистине, это место поражало своим величием, именно поэтому род Батлеров и не общался с городскими семьями, они были из разных кругов общества.

У крыльца его встречал дворецкий в ливреях, который лично поторопился открыть дверцу прибывшему гостю, будто это был не бедный приходской священник, а какой-нибудь титулованный господин. Фрая проводили в большой холл, где лакей взял его шляпу и трость. Уэнсли чувствовал себя на приеме какого-то родового графа, а не в доме удачливого торговца. Собственно, сам владелец дома уже заявился встречать гостя. Одет он был в дорогой костюм по последней столичной моде, его супруга блистала в красных шелках, в тюрбане с павлиньим пером и драгоценном колье. Они вежливо поклонились гостю и проводили к накрытому столу. Уэнсли шел и не верил своим глазам: все поражало роскошью и богатством. Двое молодых джентльменов вежливо поклонились священнику. Будто это семейство ожидало приезд священника, как божьей милости.

— Чувствуйте себя непринужденно, мистер Уэнсли, не обращайте внимания на нашу роскошь, мы не кичимся богатством перед своими друзьями.

Они возвели его в ряд друзей, чем собственно молодой пастор удостоился такой великой чести, непохоже было, что у них складывались хорошие отношения ранее.

— Я очень польщен таким радушным приемом, — отозвался несколько смущенный Фрай и хотел добавить — «Каким чудом добился подобной милости?».

— Ах, мистер Фрай, — отозвалась миссис Батлер. — Мы давно хотели вас пригласить, но вы на редкость занятый человек, так что, это для нас большая удача — видеть вас в своем доме.

— Ну что ж, раз уж наше маленькое общество все в сборе, приступим к трапезе, — констатировал мистер Батлер и позвонил в колокольчик.

Несколько слуг внесли подносы, поставили на стол, а хозяйка принялась разливать белый суп, вернувшиеся слуги расставляли другие вкусности. Уэнсли показалось, что для

малого количества гостей, вернее для одного гостя, хозяева устроили настоящее пиршество. Странно, что они не пригласили семейство Стоксонов? Наличие молодой дамы показалось бы для Фрая уместным объяснением подобного праздника. Преподобный Уэнсли взглянул на убранство стола, на вычищенное столовое серебро и тончайшей работы, расписной фарфор. В залитой светом множества ламп столовой, отблески хрусталя создавали поистине волшебное представление. Фрай очутился в ином мире, наполненном духом аристократии и цивилизации. Он боялся сплеховать, показать себя необразованным чурбаном, поэтому не мог, подобно хозяевам, быть расслабленным, чувствовал себя точно «не в своей тарелке».

Мистер Батлер увидел, как стесняется его приглашенный гость и рассмеялся:

— Ба, мистер Уэнсли, мы же не будем устраивать здесь открытый день этикета, просто поужинаем в тесном кругу.

За господином стояли два вышколенных лакея, готовые подлить вина или положить добавки, за хозяйкой тоже. За всеми присутствующими позади стояло по двое слуг, разве мог Фрай чувствовать непринужденность, к подобному нужно еще привыкнуть.

— Я не привычен к такому, — честно признался пастор, чтобы не обидеть хозяев.

— Мы понимаем, вы долгое время вращались в ином кругу, — добросердечно уверила его миссис Батлер. — Но мы тут тоже не вписываемся в местное общество, в столице это все считается в порядке вещей, вот мы и привнесли в сельскую жизнь немного столичного лоска.

— Я слышал, что в Лондоне круг общения всегда обширен, — изъяснился Фрай. — Удивительно, что сегодня я единственный ваш приглашенный гость, я думал, вы очень дружны с семейством Стоксонов.

— Гарри — не плохой собеседник, — уточнил мистер Батлер. — А его милая дочурка тайно лелеет матримониальные надежды, — он искоса взглянул на Джорджа, который только ухмыльнулся от такого предложения. — Но мы не поддерживаем столь тесного общения.

— А вот с вами мы хотим сойтись поближе, — завершила отповедь благоверного его супруга.

Уэнсли с удивлением взглянул на эту парочку, так и крутилось на языке, опустив правила этикета, задать вопрос — «С какой такой милости?».

— Тогда вам действительно тоскливо живется в провинции.

— Это прекрасное место, тихая местность, — заметила миссис Батлер. — И мы твердо решили осесть здесь надолго, наши сыновья порой выезжают на зимние сезоны в столицу, но так же не горят желанием оставаться дольше положенного.

Двое молодых людей одобрительно кивнули. Фрай поражался такому затворничеству, особенно для молодежи: застрять в глухой провинции, имея средства колесить странной и заграницей.

— Мы домоседы, — добавил Джордж, расплываясь в улыбке. Он был симпатичным юношей, похожим на отца. Они располагали к себе людей не только богатством, но и манерами. Хотя мистер Батлер вел себя паразитально развязно в обществе, но это и привлекало многих в нем. Пожалуй, Фрай немного сменил свою неприязнь, если бы они не хотели сойтись с ним на «короткой ноге», не стали бы так навязываться.

— Мы посетили Стоксонов, когда узнали, что к ним на ужин приглашен новый священник, то есть, вы. Хотели так познакомиться, — уточнил мистер Батлер. — Потом хотели пригласить вас уже на личную аудиенцию, но скажу по правде, мне пришлось

изрядно за вами побегать. Если ваша неделя так плотно расписана, боюсь, мне уже сейчас придется уточнять заранее даты, когда вы снова к нам приедете.

Фрай рассмеялся, и не только от слов мистера Батлера, а еще от его рассеянного вида.

— Я меньше занят, чем вам кажется, — переходя на дружественный тон, сообщил преподобный Уэнсли, приятно осознавая важность своей особы. — Просто вам не повезло застать меня в пасторате.

— Но в этот раз я перестрахаюсь, — рассмеявшись от души, ответил Батлер, — знаете, погоня за вами по городу с узкими улочками, то еще развлечение.

— Отец, мы можем быстрее его настигнуть верхом, — вставил свое слово Эндрю, который практически молчал за столом.

— А можно прислать карточку с предварительным приглашением, — заметила миссис Батлер. — Как мы делали это в столице.

— Милая, он практически не уловим, твои карточки так и будут пылиться в его гостиной.

Тут уж рассмеялись все, Уэнсли от осознания того, как все Батлеры, сломя голову, ловят его в малюсеньком городке. Пожалуй, такое попадает на первые страницы новостей в местной газете.

— Не переживайте, я прочту о моих поисках на первой полосе Даркувдс-таймс.

Мистер Батлер чуть не слез со стула от смеха, его сыновья готовы были последовать за ним, только хозяйка дома смеялась в меру своей утонченной воспитанности, прикрывая веером рот.

— Нет, это определено редкая удача, которая свела наше знакомство, — оттирая слезы, произнес Батлер. — Даже в столице я не слышал таких острот. Но мы не только поэтому пригласили вас с нами отужинать, — тут он заговорщицки сощурился. — У меня к вам имеется очень серьезный разговор, который не требует посторонних ушей, поэтому Стоксоны сегодня и не были приглашены, хотя я об этом подумывал, но тогда вся прелесть беседы была бы смазана воркованием Ханы и жалобами мирового судьи.

А вот это уже интересно, хотя Фрай в начале вечера думал, что приглашен скрасить скуку, но есть еще и обратная сторона медали. Так вот, она теперь повернулась к свету.

— Ну, тогда говорите, — прямо ответил преподобный Уэнсли, приготовившись слушать. Хотя затылком он ощущал, что позади его неизменно находится прислуга.

— О, нет, нет, нет, это не самое лучшее помещение для разговоров, — он огляделся вокруг. — В моем кабинете пойдет?

— Ну, это же вы хотите со мной поговорить, хотя мне все равно, раз уж разговор действительно приватный.

— Отец, можно мы тоже будем присутствовать? — поинтересовался Джордж, перекидываясь понятливыми взглядами с Эндрю.

— Вы так и норовите всунуть пытливые носы в это дело.

— Мы уже достаточно взрослые, чтобы иметь право принимать полноправное участие, не думаю, что преподобный Уэнсли намного старше нас. Мне уже восемнадцать, — уточнил Эндрю.

— Я и того старше, мне двадцать два, — вторил ему Джордж.

— А вам сколько, мистер Уэнсли? — поинтересовался Эндрю.

— Двадцать пять, — ответил Фрай, немного удивившись такому повороту разговора.

— Ох, и молодежь сейчас пошла, — уточнил мистер Батлер, обращаясь к своему

собеседнику. — Как вы думаете, преподобный Уэнсли, стоит ли их посвящать в это дело?

Фрай не знал, что ему ответить, на него сразу посмотрели две пары преданных глаз и иронично изогнутая бровь самого хозяина. Он не малейшего понятия не имеет, о чем с ним хотят поговорить, а уже должен быть судьей:

— Я не думаю, что являюсь тем человеком, который расставляет последние точки. Я не посвящен в это дело и не знаю, какова степень его секретности, и можно ли вашим сыновьям быть тому свидетелями.

— И все же? — хмыкнул недовольно Батлер, осознавая, как элегантно его гость выкрутился.

— Я не намного старше их, если дело касается возраста. Все дело в вашем доверии.

— Однако красиво сказано! — удивился Батлер. — Я скинул всю тяжесть решения на вас, но вы не только изящно выкрутились, вы перекинули бремя снова на меня, поставив в тупиковое положение. Теперь, если я скажу сыновьям нет, они подумают, что я им не доверяю. Вам не говорили, что вы чертовски умны и изворотливы, в хорошем смысле слова.

Фрай отрицательно покачал головой.

— И все же, мистер Уэнсли, мне не терпится узнать именно ваше мнение, доверились бы вы молодежи?

— Я сам являюсь молодежью, в вашем понимании. Если вы доверяете мне, значит, вполне можете довериться и вашим сыновьям.

Джордж и Эндрю просияли, кажется, им дал согласие сам преподобный Уэнсли.

— Ну-с, вы слышали, что вам вполне доверяют, — сказал мистер Батлер. — Поэтому бежите в мой кабинет.

Его сыновья рассыпались в благодарностях пастору, будто им даровал милость сам Папа Римский. Они быстро удалились, а гость и хозяин дома пошли мерным и медленным шагом. Миссис Батлер пришлось остаться наедине, впрочем, она не жаловалась на свое одиночество.

— Я рад, что пригласил вас сегодня, вы умный человек, а именно это и ценю в людях. Вы независимый человек, в отличие от многих плебеев, которые говорят только лживую лесть.

— Я не могу так отчетливо выделять себя из толпы, мистер Батлер, многие люди имеют такой же характер, как мой. Большинство джентльменов — достойные люди.

— Разве вы себя считаете человеком из толпы? Я бы такого про вас не сказал, вы уникальная личность и творите уникальные дела.

— Мое поприще посредственно для многих людей — что такое быть священником, ведь эти люди тихо живут в провинции и исполняют свой духовный долг.

— Я не говорю о поприще священника, мистер Уэнсли, я говорю о вашем предназначении в этом месте. Много ли вы знаете священников, которые изгоняют бесов? Я знаю только вас. Не делайте такой удивленный вид, я наслышан о вашем ритуале изгнания нечисти, жаль, что Майкл при смерти, но вы достигли таких высот.

Это напоминание кольнуло Фрая за живую рану, будто над ним только что посмеялись. Он все еще винил себя, что так халатно отнесся к жизни бедолаги, пусть тот был и одержим бесом.

Они вошли в кабинет, где уже расположились двое отпрысков четы Батлеров, ожидая таинственного разговора. Настроение Фрая заметно поубавилось после упоминания о Майкле Мароте, он не был так благодушно настроен, как прежде. Проснулась все та же

неприязнь к мистериу Батлери. Порой его высказывания могли спокойно оскорбить, тогда уж не удивляйтесь, почему некоторые люди старались избегать его общества. Но, Фрай не мог пренебречь просьбой хозяина о приватном разговоре, хотя если он снова коснется судьбы одержимого бедолаги, второго приглашения отужинать в Хиллидж-форде он уже не примет, никогда. Но возможно, этот несносный человек может заявиться к нему в гости, тогда ему придется коротать время с миссис Бонной или в одиночестве. Впрочем, стоит выслушать его, а потом уже принимать решение.

— Итак, мистер Уэнсли, имею к вам очень приватный разговор, — повторился Батлер. — И касается он моего родового поместья Беррингтон-холла.

— Какого родового поместья? — переспросил Фрай.

— Беррингтон-холл — родовое поместье виконта Беррингтона, коим я являюсь после смерти моего драгоценнейшего дядюшки.

— Вы виконт Беррингтон? — удивился преподобный Уэнсли. — Но тогда получается...

— Я сэръ Фортрайд Батлер, виконт Беррингтон.

Пастор замер от произнесенной новости, теперь понятно, почему богач предпочитает жить в такой глуши, тут его родовое поместье. Вот только почему он не поселится в свой замок или там невозможно жить?

— И чем я вам могу помочь, милорд?

— Ну, во-первых, сохранить маленькую тайну о титулованном происхождении, а во-вторых — мне нужно изгнать бесов, которые на многие столетия оккупировали эту местность. Великий род, косвенным наследником которого я являюсь, много веков мается от проклятия и несет это бремя. А вы единственный человек, который этих самых бесов изгоняет.

— Но, я обычный приходской священник.

— Вы — экзорцист, так же, как и преподобный отец Вейт, царство ему небесное. Вы уже изгнали нечистого, у вас это получилось. Так помогите мне достичь в этом хоть каких-то результатов.

— Хорошо, если смотреть на эти вещи с вашей точки зрения. Но ведь то, что живет в подвалах вашего замка намного могущественней простого вселения. И я не уверен, что у меня может получиться сойтись в борьбе с таким вот злом.

— Вы что-то об этом знаете?

— Не много, в основном из рукописей преподобного отца Вейта.

— А это уже интересно, мои шпионы много раз проверяли пасторат, но не находили таких вот рукописей.

— Они были надежно спрятаны. Есть еще легенда, о том, как это чудовище сюда попало. Есть, так называемый, Кровавый Алтарь, что находится в тайном подвале, прямо под замком и стражник адских врат однажды туда попал и, видимо, засел на многие века. Он спит, но скоро проснется. И тени душ, что охраняют его, получают огромную мощь.

— Удивительно, вы столько смогли собрать за две недели, что живете тут, а я безуспешно бьюсь на протяжении долгих лет и мои предки тоже.

— Что толку от моих знаний, если нет оружия, способного изгнать чудовище. Его вызвали специальным ритуалом, и оно превращало обычных людей в монстров, стоило тем отведать его крови. Если оно проснется, нам уже ничего не поможет.

— Ну не скажите, потомки павшего Льюиса Гретсби кое-что разузнали о ритуале призыва монстра. Ведь вызывали его в строго определенном месте, вот только о

местонахождении этого жертовника никто не знает, свидетелей, знаете ли, не осталось. И если загнать чудовище в жертовник назад и провести тот же обряд только наоборот, можно его изгнать в ад насовсем.

— Но только сделать это можно будет, когда чудовище проснется.

— Да, это верно. Я буду знать, когда оно проснется. В замке живет управляющий, с полсотни слуг и стражники. Мне донесут.

— Нужно еще избавиться от охранников Брахты, иначе нам до чудовища не подступиться. Загнать обратно адского стражника не так уж далеко, жертовник находится неподалеку от замка, где-то в лесной чаще. Небольшой холм с потайной дверью, — Фрай так спокойно вспоминал подробности сна, но его собеседник изменился в лице, он не верил своим ушам, настолько осведомлен обычный пастор о том, что его предки не могли выяснить несколько столетий.

— Откуда вам все это известно?!

— Скажем так, не все свидетели тогда погибли. А преподобный Вейт описал этот ритуал в своих летописях. Правда без уточнений, но если вам известны подробности, это упрощает дело.

— Мистер Уэнсли, вы не представляете, насколько сейчас обрадовали меня. Это дело казалось мне вообще не решаемым и вдруг вы утверждаете, что знаете многое. И говорите после этого, что вы не умны? Вы приехали всего ничего и достигли такого взлета.

— Мистер Батлер, ой, милорд. Я не считаю, что мои познания уж очень обширны. Я только изучаю летописи Вейта, кстати, он указал приблизительные координаты жертовника. И если ваши люди хорошо разбираются в географии местности, они смогут его отыскать.

— Я хочу увидеть эти рукописи.

— Они зашифрованы, но если вам так хочется, я их покажу. Только отдать не могу, всего лишь покажу.

— Мне и этого будет достаточно.

Оба отпрыска виконта восторженно слушали разговор пастора и их отца. Сэр Фортрайд рассказал о падении рода Беррингтонов и что наследники виконта не могли жить в родовом поместье, потому что там творилась полная чертовщина — пропадали люди, сходила с ума прислуга. И что там живут только самые надежные, которым приходится бороться с происками нечисти. В последние сто лет было тихо, но лишь на первый взгляд, и когда дядюшка унаследовал поместье, они все наблюдали, как он менялся и становился другим человеком. Слушали страшные истории, которые доносились оттуда. Поэтому, когда состояние перешло с Фортрайду, он не стал жить в поместье, а построил рядом дом и поселился там, так он может вести дела по управлению землей. Ведь состояние Беррингтонов приличное: земли очень урожайные, ценные лесные насаждения и приличное поголовье рогатого скота. Он привел дела в порядок, но само здание и происки нечистого не в состоянии исправить. Поэтому, просит Фрая помочь. Его благодарность будет безгранична.

— Хочу исправить родовые ошибки, мы достаточно расплатились за все.

— Я помогу вам, в меру моих возможностей, но не требуйте от меня невозможного, — пообещал Фрай и на том они расстались.

Правда, молодого человека терзали некоторые сомнения по отношению виконта, стоит ли ему доверять столь ценные рукописи, не является ли он слугою Брахты? И что на это скажет Фрейлин, как отнесется, что ее тайну узнают и другие люди. Стоит с ней поговорить

по душам, она ведь открылась Фраю, теперь он снова и безоговорочно ей доверяет.

10 Глава. Рассказывает о долгожданной встрече

Все те же безупречно начищенные часики отбили полночь, пасторат погрузился в сон, вот только в кабинете Уэнсли все горят еще пару свечей, и топится камин. По комнате разносится приятный аромат чая и выпечки. Столь запоздалое чаепитие и так затянулось, но разговор столь интересный, что собеседники не спешат расставаться:

— Что ты думаешь обо всем этом? — поинтересовался Фрай у Фрейлин, отпив немного ароматного напитка и заедая вкусной выпечкой. — Доверится ли мне виконту?

— Ты должен поступать, как знаешь. Не думаю, что виконт нам враг. Род Беррингтонов действительно долгие столетия ищет способ изгнать стражника врат ада из родового поместья, а тебе понадобится помощь в борьбе с нечистью. И не только с ней, я не говорила тебе, кто меня обратил в сову — это был маг, один из свиты моего мужа. Он пошел за Брахтой. Он уговорил графа провести ритуал призвания демона. И он подпитывается силами источника, что зовется Кровавым алтарем.

— Это облегчает мне душу, сомнения одолевали меня, правильно ли я сделал, что доверился ему?

— Могущественный союзник никогда не помешает. Для ритуала нужно много разных вещей, которые достать нелегко, оттого они очень дорого стоят. А деньги у виконта имеются — это будет вполне взаимовыгодная сделка.

— Значит, мы имеем темного мага, спящего демона, стражников-духов и Кровавый алтарь.

— Когда демон проснется, его армия может умножиться, не забывай, что в пределах Англии и ближайшего континента не мало колдунов, которым нужен мощный силовой виток. Алтарь слишком силен, недаром ему поклонялись еще в дохристианские времена, тут даже хотели построить одну из тех чудес, что называется пирамидой. Кому пришло в голову заложить фундамент подле Кровавого Алтаря, я не знаю, но делали это с определенной целью. Недаром же род виконта пережил многое, но на удивление сохранился — потому что они тоже в своем роде подпитываются от источника...

— Хм, теперь я снова в сомнениях, а вдруг и у виконта есть определенные омерзительные планы.

— У нас нет выбора, потом увидим, кто друг, а кто враг. Хотелось бы, чтобы белый колдун вернулся, он во всем разберется.

— Надеюсь, твой спаситель прибудет в самый нужный момент, и разберется с врагами, — саркастически заметил Фрай, вставая со стола и направляясь в свою комнату. Фрейлин промолчала на этот укол, и тут же превратилась в сову. Она решила немного размяться, ибо давно не летала на длинные дистанции. Ей неприятен был тон, с каким ее друг заговаривал о белом колдуне: он злился от того, что она не могла рассказать о нем открыто, но ведь ей не позволено нарушать данную клятву, особенно своему спасителю. Тот предупредил маленькую сову пока не вмешиваться в ход событий. Ведун прибудет, он нужен, и это прекрасно осознает, но пока есть немного времени, Фрай и сам может постичь истину.

Раннее утро зашелестело листвой и проливным дождем. Дороги становились непролазной, раскисшей грязью. Одинокая карета везла в город Дарквудс двух приезжих.

Лошадь еле волочила ногами, потому что частенько скользила и проваливалась. И как же приятно было в этот день не покидать обители. Фрай хотел проехаться фермами, но отложил прогулку на более сухую погоду. Он разложил записи преподобного отца Вейта — тайную сокровищницу знаний. Это тогда ему многое казалось непостижимым, теперь он неплохо разбирался. Фрейлин со вчерашней ночи не показывалась, видимо заночевала где-то в лесу, укрывшись от дождя. Зато бодрая Бонна внесла ранний завтрак и газету, правда немного промокшую. Женщина чувствовала, что порадовала пастора новостями и оттого ее огромные глаза наполнились умилением, она, как обычно, облизнулась и произнесла «Красавчик» и оставила того в покое. Нэнси убиралась в соседней комнате, незримая девушка и очень спокойная. Она никогда не попадалась на глаза без надобности. Преподобный Уэнсли удобно устроился возле разожженного камина, накинув шерстяной плед на ноги, для лучшего согрева и начал неспешно пролистывать свои записи. Но к нему постучались, это была Нэнси:

— Сэр, вас спрашивают две дамы, — она сделала легкий книксен.

— Поинтересуйся, что им надобно? — не отрываясь от записок, молвил Фрай, неужели кому-то плохо. Он боялся получить весть о смерти Майкла Марота, тот уже несколько дней маялся между жизнью и смертью, недавно приходила его супруга, плакала, расспрашивала, как он стал одержимым. Фраю пришлось долго с ней беседовать, чувствуя всю тяжесть вины, а если теперь безутешная вдова пришла с упреками, это самый печальный опыт, который он когда-либо приобрел.

— Сэр, они приезжие, одна дама назвалась вашей родственницей.

Фрай поднялся со своего места, он не верил до конца в свои догадки. В холле его встретила счастливая улыбка Марии и сдержанный книксен ее компаньонки. Сестра приехала к брату, погостить. Это была неожиданная, но очень желанная встреча. Когда он отправился из отчего дома, ведь был совсем иным человеком: немного замкнутым и вечно сомневающимся. И вот прошло всего немного, он не изменился разительно, но начал смотреть на мир немного иными глазами — морально вырос. А его сестренка все так же пребывала под гнетом отца, все так же покорялась, как же она набралась смелости и приехала в Дарквудс.

— Меня Стивен отправил с наилучшими пожеланиями, сам он не может приехать в ближайшее время, уж очень занят покупкой новых земель, там какие-то проблемы. Но меня снарядил в дорогу, я так счастлива увидеться с тобой и, хотя миновало не много времени, дни шли для меня неделями.

— Привет, Мария, — обрадовался Фрай, но тут же услышал негромкий кашель позади девушки. Это была новая компаньонка, женщина на вид суровая без намека на элегантность. Мария претерпевала от нее даже более, чем от скупого отца, ей не позволялось ничего лишнего, у нее отбирались даже малейшие излишки. Зачем столько кружев, молодой девице не годится щеголять в таких нарядах, нужно поскромнее одеваться. А сама дама на них глазок положила, себе присвоить старалась и так во всем. Бедная девушка терпела, но по ночам плакала. И вот счастье — краткий визит к брату. Вот только погода не задалась, выезжали в сухой день, добрались по бездорожью. И сколько ей пришлось выслушать от спутницы, что вечно эту девицу черти носят, сидела бы себе дома и горя не знала. Но Мария сносила все подобно великомученице, лишь с надеждой встретится с любимым братом.

К ним вышла экономка, улыбнулась и хотела отвесить какой-нибудь вольный комплиментик, но как увидела суровое лицо немолодой дамочки, аж скривилась. В

накрахмаленном чепце, по смешному завязанном, будто она не солидная женщина, а маленький ребенок, которому надели чепчик, она смотрелась слегка комично. И вся была в кружевах, что не понравилось компаньонке, небось, подаст дурной пример молодой госпоже. Они встретились суровыми взглядами, миссис Бонна чуть не оскалила зубки, уподобясь своему перевоплощению, но вспомнила, что она сейчас человек и смотреться это будет как-то по странному. Миссис Ридс презрительно отвела взгляд, ох как не хорошо блеснули глазки у миссис Бонны. Но Мария и Фрай были поглощены беседой о семейных делах, сестра сообщила брату, что отец несколько дней назад простудился и слег с простудой, а старший брат теперь полностью взял все дела на себя, вот и не смог приехать, но отослал ее.

— Я очень рада, что совершила это путешествие, в доме так тоскливо. А тете написать мне не положено. Жаль, что мое пребывание тут кратковременно и завтра мы снова двинемся в путь.

— Тогда воспользуемся отведенными для общения часами.

Он провел Марию в свой кабинет, спальню, кухню и гостиную. И от всего Мария пришла в восторг — обзавестись собственным домом для нее казалось высшей милостью. Потом Фрай вспомнил, что они с дороги верно голодны и попросил накрыть на стол и разместить гостей.

— Ну наконец-то, — буркнула миссис Ридс. — Думала, нас тут до завтра продержат.

Миссис Бонна позвала Нэнси и засуетилась, но свободные комнаты были на втором этаже. Поэтому, женщины отправились срочно наводить порядки наверху, учинив небольшой переполох в размеренной жизни пастората, а кухарка быстро накрывала на стол, она побаивалась домоправительницу из-за ее чудоковатости и без возражений исполняла приказы.

После завтрака, однако, брату с сестрой не дали насладиться уединенной беседой, к крыльцу подъехал экипаж. Пришлось Фраю самому открывать, поскольку его прислуга была занята наверху. Приехал мистер Батлер с Джорджем, засвидетельствовать почтение и очередной раз пригласить на ужин:

— А, дружище, — перешел на свойский ему язык, — я так и думал, что в такую погоду вы не отправитесь в свои путешествия, поэтому я решил заехать и пригласить вас сегодня ко мне на ужин в Хиллидж-форд.

Фрай тем временем принял гостя в гостиной, и тут же ненароком показалась Мария, которая безмятежно обследовала дом. Увидев молодую девицу, мистер Батлер замер и вопросительно взглянул на преподобного отца:

— Ой, извините мою оплошность. Рад представить вам мою сестру Марию.

Девушка сделала робкий книксен и смутилась, как спелое яблочко. Оба джентльмена поклонились даме, и Фрай уловил, как заблестели глаза Джорджа.

— Мария, это мои знакомые — мистер Батлер и мистер Джордж Батлер.

— Очень приятно, — робко ответила девушка.

— Это премилое создание — ваша сестра? — заговорщицки протянул Батлер. — Тогда думаю, нам стоит пригласить и вас, мисс.

Мария не нашлась ответом, ведь завтра ей уезжать, успеет ли она собраться в дорогу, ведь вечер может затянуться, она умоляюще взглянула на брата.

— Я думаю, — ответил Фрай. — Ей будет приятно принять ваше приглашение.

— Мы очень рады будем видеть вас у себя, — молвил Джордж, чуть слышно дрожащим

голосом, что свидетельствовало о его смущении.

— На том и порешили, — усмехнулся Батлер-отец, хлопнул по свойски Фрая по плечу, и уехал.

Девушка забеспокоилась:

— Но ведь мне завтра очень рано выезжать.

— Ты можешь поехать в обед или отправишься послезавтра, я отпишу отцу. Мария, нельзя постоянно сидеть взаперти, нужно иногда выезжать в свет.

— Хорошо, дорогой брат, — Мария и сама была рада остаться подольше, не зря же служанки хлопотали наверху. А вот ее компаньонка неодобрительно ворчала, что старик Уэнсли так надолго их не отпускал. Но кто ее слушал.

День прошел в суете, пока смогли привести комнаты в порядок, нужно одеваться к ужину. Девушка пребывала в сомнениях, нарядных платьев у нее не было, только домашние.

— Если я оденусь как простушка, меня не выставят на смех?

— Я думаю, они простят тебе такое попустительство, общество у нас не слишком требовательное. Ты же не готовилась специально.

В назначенный час за ними заехала карета, Мария надела простенькое белое платьице, украсила его маминой брошью и припрятанными кружевами, с которыми она опасалась расставаться. Ее взгляд, будто у воробушка, пытался всмотреться в самые дали, и так светились глаза. Но, какое же было удивление, когда они подъехали к Хиллидж-форду. Такого огромного дома она в жизни не видела: ее впечатлила величина аллеи и богатство убранства крыльца, но внутренняя обстановка просто произвела неизгладимое впечатление. Она казалась себе просто дикаркой, ступающей по величию античной утонченности и английской прагматичности.

Ее встречала довольная миссис Батлер от того, что за столом будет сидеть еще одна девушка и коротать с нею вечер в гостиной, если мужчины задержаться. Оба молодых наследника встретили мисс очень искренне, особенно Джордж, которому юное создание понравилось еще во время утреннего визита.

Фрай уже выдержал испытание за столом, спокойно воспринимал наличие слуг, а вот его сестра робела при каждом приближении разодетого лакея или же краснела, когда над ней суетились. Она не привыкла к подобному и заглядывала на брата почти умоляющим взглядом. Впрочем, Батлеры были расположены ко всем, кто носил фамилию Уэнсли, а Мария лишь дополняла приятное мнение и Фрае.

— Вы любите стихи, мисс Уэнсли? — поинтересовалась миссис Батлер.

— Я люблю стихи, хотя отец говорит, что это бессмысленная литература.

— О, тогда у нас этой бессмысленной литературы полна библиотека, — задорно подхватил мистер Батлер. — Джордж принесет вам пару томиков, если вы пожелаете.

— Конечно, мои вкусы не столь изысканы, но мне нравится изучать что-то новенькое.

— У нас есть Байрон, — ответил Джордж. — Он мне особо нравится.

Молодая девушка искренне улыбнулась на ответ молодого человека, мечтательно возвела глаза, предвкушая тонкие, но чувственные стихотворения. Это не могли не заметить те, кто за ней следил. Будто робкий ангелочек приехал в роскошное общество, он казался незначительным, но настолько обаятельным в своей естественной красоте, разве можно отказать такому чуду. Старший сын почувствовал опасную симпатию, что возрастала в его груди, такое удивительное создание, очаровательное в своем смущении. Он хотел больше разузнать о ее предпочтениях, она показалась ему еще очень чистой книгой, не исписанной

тяжкими заботами или узостью мышления, он хочет послушать, как она читает.

Мистер Батлер не зря так быстро пригласил преподобного Уэнсли, он хотел побыстрее увидеть загадочные рукописи, Фрай сразу приготовился к этой встрече, взял папку, кроме своих заметок, он не отдаст те кропотливые труды, что по крупицам воссоздавал в часы отдыха и досуга, пусть и виконт поломаёт себе голову. Они готовы были уже уединиться для приватной беседы, впрочем, им сегодня не мешали младшие представители славной династии, они увлеклись новой гостьей и удалились в гостиную вслед за женщинами.

— Ну что, пройдемте в мой кабинет.

Фрай последовал за хозяином дома и разложил все бумаги на столе, тот вглядывался в рисунки с такой сосредоточенностью, сияясь понять их значение, цифры ему тоже не подчинялись, не хотели раскрывать своих тайн.

— Как ты разобрался в этом? — спросил виконт без стеснения.

— Методом логического сопоставления, — пастор указал на рисунок, что пометил под номером один — вот с этого я и начал, и подложил бумагу с датами, а тут нашел сходство.

— Действительно кропотливый труд: на первый взгляд все это напоминает бред старика, выжившего из ума, а он, оказывается, так шифровал послания. Видать, ваша голова куда светлее.

— Но мне нужна будет ваша полнейшая помощь, — утвердительно произнес Фрай. Могу ли я надеяться на ваше содействие, если придется произвести ритуал и купить все необходимое для этого? Могу ли я вам доверять?

— Можешь. Ты сомневаешься во мне? Зря. Я хочу отправить ту зверюку в ад, не меньше твоего, она заняла мои земли и я готов сражаться.

— Но наш противник силен непомерно и станет сильнее еще, если проснется.

— К тому времени мы подготовимся основательно, — кивнул Батлер. — Ты не понимаешь, как много значит для меня возвращение имения под контроль. Это привязка нашего рода, ты даже не представляешь какая.

— Вы связаны с Кровавым алтарем?

Виконт замялся на минутку, будто взвешивая свои слова, потом ответил вполне искренне:

— Только из-за него мы и существуем. Я не могу объяснить тебе, но мой дядюшка говорил, что сила, скрытая в поместье, всегда сопутствовала благополучию нашей семьи, какими бы трудными не были времена. Наш род угасал, но не сдавался, а я должен все закончить, иначе будет беда, я это знаю, это предсказание времен...

— Ого, как все далеко зашло, — не таился Фрай. — Тогда будем сражаться, но прежде нужно убить всю свиту демона, а еще черного мага.

— Говоришь, там есть черный маг, вот ведь знал, что без этих колдунов не обошлось.

— Пока он один, я не знаю, кто это, но этот человек или кто он там, не допустит нас к демону и алтарю.

— Это мы еще посмотрим, — с вызовом проговорил Фортрайд.

Когда господа вошли в гостиную, их ждала идеалистическая сцена. Миссис Батлер возлежала на софе, поодаль сидела молоденькая Мария и читала стихи, а двое джентльменов на диване внимательно ее слушали. При этом чтица столь увлеклась смыслом прочитанного, что не замечала никого вокруг, получая маленькую радость в своем ограниченном мирке. Но как же смотрели на нее двое наследников, тут впору бить на сполох, особенно их отцу. Но Батлер-старший был увлечен другими мыслями, хотя похвалил чтицу за приятность

проведенного вечера. Мария искренне улыбнулась ему, она сегодня жила полнотой жизни, общалась с новыми лицами, вкушала вкус иной жизни, утонченной и лирической.

— Милый, — заговорила миссис Батлер. — Мне сегодня понравилось небольшое пополнение в нашей компании, думаю, наши гости не откажутся и завтра составить нам компанию.

— Преподобный Уэнсли, вы не сочтете за труд и завтра присутствовать на ужине, так же, как и прелестнейшая мисс Уэнсли?

Брат с сестрой переглянулись, Мария испытывала смущение от того, что ей завтра нужно будет уезжать, но Фрай легонько коснулся руки, будто умоляя остаться с ним еще на один вечер.

— Я напишу отцу, что пока не могу тебя отпустить, — шепнул он ей на ушко.

— Но тогда я выеду послезавтра, — произнесла Мария уже вслух.

— Что? — удивилась миссис Батлер. — Я плохо расслышала, мне показалось, я слышала, что вы хотите послезавтра нас покинуть, какая жалость.

Двое молодых людей начали вторить матери, чтобы мисс Уэнсли осталась подольше погостить. Мария не знала, что ей делать, с одной стороны хотелось остаться еще, потому как новое знакомство привело ее в восторг, но что скажет отец, когда отругает нерадивую дочь. Но Фрай напишет отцу пока отложить обратную поездку Марии, он не видел особой надобности присутствия девушки в отчем доме, пусть старик не скупиться и наймет себе экономку. Было решено между сестрой и братом написать подобное письмо.

— Вот только миссис Ридс, она тоже будет негодовать.

— Так пусть катиться обратно сама, — утвердительно заметил Фрай. — Я найду тебе компаньонку. — Они были уже у крыльца пастората.

Мария была ему благодарна в той манере, которая присуща была молодости и честности. Они снова решили поговорить, сестра засела за чтение только что подаренного ей томика из библиотеки мистера Батлера. Брат взялся за бумаги, иногда достаивая Марию добрым словом. Пробило уже одиннадцать, но прелесть вечера не отпускала молодых людей. Фрай пошел удостовериться, надежно ли заперты все ставни, а Мария продолжала тихонько читать в уголку. Неожиданно девушка услышала шорох, будто кто-то пытался открыть окно. Она притаилась, надеясь, что это ей почудилось. Но окно действительно открылось, и красивая серебристая сова гордо прошествовала по подоконнику. Она взлетела и приземлилась на пол в гостиной и тут... о Всевышний... обернулась человеком. Она стала дамой, которая брезгливо пыталась скинуть промокший легкий плащ и шляпку. Мария затаила дыхание от увиденного, такое даже ее фантазия не могла изобразить, да и увиденное было настолько живым, что почувствовало присутствие постороннего и обернулось. Некоторое время две девушки смотрели друг на друга: Мария с опаской, Фрейлин с растерянностью. Она не знала, кто эта девица, не видела ее прежде, и вдруг она по-хозяйски сидит в гостиной и читает в такое позднее время, и смотрит на нее такими глазами. О боги, она ее видела.

Вошел Фрай, две пары девичьих глаз уставились на него, он удивленно уставился на них, поняв, что произошло что-то неладное.

— Кто она такая? — указав на Марию, сердито ответила Фрейлин.

— Моя сестра, приехала сегодня...

— Почему ты меня не предупредил, я же раскрыта...

Фрай испуганно взглянул на взволнованную Марию.

— Что ты видела? — честно спросил он ее.

— Она превратилась из птицы в человека, — честно ответила ему сестра.

— Мария, я многое тебе не сказал, но моя жизнь отныне не такая...

— Ты общаешься с фейри? — вполне серьезно задала ему вопрос Мария.

На нее взглянули с таким неподдельным интересом, наивное дитя, поистине:

— Нет, я общаюсь с силами добра и силами зла. Моя знакомая, — указал он на Фрейлин, — одна из сил добра. Но мне надобно сражаться со злом. Милая Мария, я прошу тебя, ничего не рассказывай отцу.

— Хорошо, я сохраню эту тайну, но я впервые видела такое удивительное зрелище — из птицы в человека, это просто магия.

— Это просто магия, — отозвалась ей в унисон Фрейлин, немного успокоившись.

Их беседу прервало появление еще одной особы — миссис Ридс, которая явно негодовала:

— Мисс Мария, отправляйтесь спать, вы должны придерживаться распорядка, завтра мы выезжаем!

— Нет, Мария пока никуда не едет, — отрицательно покачал головой Уэнсли.

— Нет! Мы завтра едем.

— Едете только вы, миссис Ридс. Я вас освобождаю от обязанности быть компаньонкой Марии, обо всем я напишу отцу и выдам вам отступные.

— Черта с два, — перешла на ругань женщина. — Мистер Уэнсли меня нанимал, он меня и уволит, а ты никто.

Фрай опешил от такой наглости, как эта базарная особа, не следящая за своим языком, может быть спутницей его сестры? Это вопиющее недоразумение стоит исправить:

— Я хозяин в этом доме и брат Марии, я имею право уволить вас за ваше неподобающее поведение...

— Ах ты ж... — и вдруг она обмякла, Фрай увидел, как зажглись белесоватым огнем глаза Фрейлин. Женщина безвольно осела наземь.

— Что с ней?

— Немного волшебства — чары забвения, она не будет помнить последние происшествия.

— А она может забыть, что служит моему отцу и является у меня компаньонкой?

Двое молодых людей снова удивленно уставились на Марию, которая набралась смелости, как для ее робкого существа и начала протест.

— В принципе, сможет.

— Тогда прошу вас, отошлите эту женщину восвояси. Я больше не могу выдерживать ее грубость и узкомыслие, — Мария почти умоляла Фрейлин.

— Ну, это я смогу, — она как-то слегка злорадно покосилась на незадачливую компаньонку.

Утром сия особа покинула пасторат, пребывая в невнятном состоянии, ей вручили деньги и сообщили куда ехать. Троица молодых людей стояла на крыльце: Мария испытывала облегчение, Фрай менялся в лице, испытывая некоторые угрызения совести, а Фрейлин откровенно улыбалась.

— Вот только теперь, мой дорогой брат, придется найти мне компаньонку, только прошу, пусть эта особа будет воспитана и умна, которой я смогу довериться. А еще пусть она будет образована, мне так не хватает хорошей собеседницы.

— Я постараюсь, — незадачливо ответил брат.

— А если эта особа, кроме перечисленных выше качеств, окажется еще немного со знанием магии, сможешь ли ты с ней сойтись?

Мария поняла, что Фрейлин намекает о себе:

— Вы хотите быть моей компаньонкой?

— Очень бы хотелось, тогда я бы не пряталась в облике совы, не пробиралась домой тайным лазом.

— А вы покажете мне чудеса? — почти по-детски спросило юное создание.

— Я умею кое-какие фокусы.

— Тогда я согласна, я вас беру.

Обе девушки довольно взялись за руки, они смеялись друг другу, от чего Фрай чувствовал себя неуютно. Впрочем, женское общество уединилось для дальнейшего знакомства, а молодой пастор пошел в свой кабинет писать письмо отцу.

11 Глава. Посвящена страждущему и сомневающемуся

11 Глава. Посвящена страждущему и сомневающемуся.

Ничего нет страшнее заговорщицкого женского совета. Особенно, если дамы юны и предприимчивы. Кажется, Фраю грозило небольшое неудобство, поскольку дамы раззнакомились, понравились друг другу и пожаловались, что им нечего надеть — у Марии очень поношенные платья, у Фрейлин оно вообще одно. Они решили пойти к Фраю для личной аудиенции:

— Милый брат, — заговорила Мария, как главный переговорщик. — У нас сложились стеснительные обстоятельства — у нас нет достойных платьев. Я не могу выехать в свет, раз уж буду приглашена на вечера у Батлеров в одном и том же, а мисс Фрейлин вообще имеет только один наряд. Поэтому, мы просим выделить нам кое-какую сумму для приобретения материй, ленточек и чтобы нанять швею для пошива платьев.

Фрай предчувствовал, что добром этот разговор не окончится:

— И сколько же вам дать на первое время?

— Думаю пока соверен, но возможно наши траты возрастут. Но ты пойми, какое у нас бедственное положение.

Преподобный отец надеялся на сумму вдвое меньше, но видимо не судьба, пришлось ссудить дамам золотой из его карманных денег. Потом они пошли в местный магазин, благо Фрейлин знала, где находятся подобные заведения и пропали там на полдня. Экономка улыбнулась и облизнула губы, присовокупив — «Будут красотками»; пришлось объяснить прислуге, во избежание слухов, что теперь старую компаньонку заменит новая женщина, она приехала почтовой каретой рано утром, по требованию Фрая. Кухарка и Нэнси пожалели плечами и разошлись, миссис Ридс не вызвала ни у кого симпатий, она ругалась на наемных рабочих за всякую мелочь — то ей не вкусный пирог подали, то не взбили перину как следует. Это была пятница, Фрай ушел исполнять свои обязанности священника, он узнал радостную новость — Майкл Марот пришел в себя и попросил исповедаться, пастор просто воссиял от радости. Это было маленьким предзнаменованием чего-то хорошего. Он шел к ферме, где жил пострадавший, и пусть свинцовые облака скрывали солнце, молодой священник видел мир в радужных цветах. Шелестели молодые вяза, тянулся вверх боярышник, перекрикивались птицы, жужжали пчелы. И путь казался открытым, но не безопасным, снова накатила тревога, кто-то наблюдал за пастором, он чувствовал это жилками своего тела, Уэнсли начал оглядываться по сторонам, неужели кто-то снова на него нападет, силы тьмы не отступают, не хотят дать передышку, испытывают на прочность. А ведь он один, даже слабая помощь Фрейлин была ему в радость. Человеческий взгляд не мог заметить приближение чего-то страшного, что подходило бесшумно, крадучись. В это раз не было бестолкового одержимого, этого наемника прислали, вот только Фрай еще не знал об этом, но только его шестое чувство било тревогу: «Что-то не так — утверждало оно, обернись еще раз, взгляни повнимательнее». Преподобный Уэнсли счел себя немного параноиком, но в свете последних происшествий, оставаться со здоровой головой так же тяжело, как поднимать камни по крутому склону. Он дышал тяжело, ускорил шаг, насколько это было возможно. Но то, что следило за ним тоже немного приускорилось, оно не

торопилось совершить злодеяние — времени достаточно, подход к ферме очень опасен, а именно самую отстраненную тропку выбрал этот человек. Молодой пастор пожалел, что не взял у кого-нибудь повозку, все же так он бы двигался быстрее, а теперь идет гонимый неведомым страхом. Ему бы пригодилась помощь Фрейлин, но дама увлеклась с его сестрой покупками, они вернуться не скоро, а хватятся пропажи еще позже. И все же, Фраю казалось, что сейчас что-то должно произойти, но не лучше бы встретиться с врагом лицом. Он резко затормозил и повернулся, будто знал, что его преследователь идет позади. Засунул руку в походную сумку, которую брал во всякое свое путешествие. Там уже были заготовлены несколько склянок со святой водой, крест, молитвенник и серебряный нож — подарок мистера Батлера. Пистолет он оставил дома, не смог привыкнуть к огнестрелу и постоянно его выкладывал. Пастор не видел, с какой стороны пряталось то неведомое, что шло вслед ему:

— Покажись! — уверенно вымолвил Фрай. — Не будь трусом! — хотя это сомнительное утверждение, нечисть не была столь чувствительна ко всяким человеческим принципам. Она могла себе позволить нападать со спины, а теперь выжидательно затаилась, со злорадным выражением, впрочем, неважно.

Уэнсли стоял несколько минут, которые тянулись и тянулись. Ему казалось, что видимо ошибся, что никого и ничего тут нет. Молодой человек постепенно поворачивался спиной к тому месту, где хотел увидеть противника. Вот тут-то нечисть и зашевелилась. Он в последнюю минут успел отскочить и чуть не потерял дар речи от страха, когда увидел острые клыки, неестественно огромное тело волка или псины, но больше его испугал взгляд — там таилось зло, очень могущественное, которое видел во сне, и оно тут. Это были приспешники дремлющего демона, выпущенные нападать и был день, потому что для них нет преград. Волк оскалится, и медленно начал подходить, если жертва кинется прочь, ему не составит труда догнать и разодрать, но жертва медлит. Фрай не делал резких движений, он осторожно откупоривал бутылочку, большим пальцем, чтобы бросить святую воду в чудовище. Хотя это давало малый шанс на успех, но лучше, чем добровольно сдаться, без права на помилование. Он резко бросил бутылочку, которая не долетела до цели и расплескала ценное содержимое у самых лап волчины. А тот решил покончить с жертвой и одним прыжком бросился на человека. Но тут же был отброшен в сторону чем-то иным, неведомым ему ранее. На него бросился другой волк, такой же нереальный — он был белым. Такие отродья не водились в лесах Англии. Двое магических животных сошлись в драке, они вцепились друг в друга, настолько стремительно происходила их борьба, Уэнсли не мог определить, кто находится в плачевном состоянии, но он не был обычным наблюдателем. Выхватив все содержимое из сумки, метнул в двух сражающихся бутылки со священной водой и начал произносить писания из Библии, выдвинув крест вперед себя. Волки сражались, хотя темный пострадал от прикосновения с водой, видимо, это была нечисть. Они отскочили друг от друга, уже не обращая внимания на человека, каждый стоял с угрожающим оскалом и рычанием. Серый волк с опаленной от святой воды, шерстью огрызался на слова Фрая, они ему не нравились, второй волк спокойно переносил присутствие экзорциста. Это радовало, значит, он на светлой стороне.

— Изойди нечистый, во имя всех святых, — повторял Фрай, хотя понятия не имел, как сражаться с демонической тварью, это не просто вселение, это настоящий посланник, что охраняет алтарь и спящего господина. Но откуда взялся тот второй волк?

Меж тем, звери не прекращали смотреть с вызовом или просто так мерялись

показательной силой. Серый волк не хотел сдаваться, если уж не получится прищучить жертву, то хотя бы спугнуть и гнать в лес. Но его противник преграждал путь к человеку, охранял от посягательств на жертву. Серый снова ринулся в бой, их схватка была подобна двум встретившимся стихиям, каждый старался вцепиться в глотку, но пока удавалось схватиться за ухо. Белый волк вцепился в противника, но тот выворачивался, бил лапой, подпирал телом. Они снова разошлись, понимая, что их силы равны, серый зверь сверкнул опасным огоньком, из ноздрей брызнула кровавая пена, но он отступал. В этот раз противник проиграл и убежал. На тропинке остался белый волк и пастор Уэнсли. Волк неожиданно замотал головой, потом и вовсе приник к земле, будто в глаза ему сыпнули песком, пытаясь лапами убрать надоедливые соринки. Он вовсе не обращал внимание на человека, а тот решил уйти от неприятностей, хотя опасно косился в сторону зверя.

Это столкновение двух необычных животных снова вывело Фрая из равновесия, хотя он направлялся к своему прихожанину, назад пастор обязательно попросит сопроводить его, потому как новая встреча с волком может оказаться последней. Хотя у него появились союзники, ведь белого волка отправили ему в подмогу, но кто, неужели колдун, о котором упоминала Фрейлин? Сегодня ей не уйти от разговора по душам.

В доме фермера было много суеты, миссис Марот ожидала прибытия священника, ее немногочисленное семейство тоже, как и все служащие в этом доме. Она была бледна от пережитых в муке дней, но благодарна, что святой отец откликнулся. Фрай тоже прибывал в нервном перенапряжении, от интенсивной ходьбы его идеально уложенные волосы слегка растрепались, одежда была немного вздернута. Но обыватели фермы сочли это за спешку к одру Марота, ничего не видя предосудительного, дорога была каждая минута.

— Святой отец, — слабым голосом отозвался человек, блуждая взглядом по комнате. — Я хотел бы облегчить душу, ибо знаю, что сотворил что-то плохое, но не осознаю, что именно, — он закашлялся, что свидетельствовало, как тяжело ему даются слова.

— Я слушаю вас, мистер Марот, ибо то, что вы скажете, не будет предосудительно рассмотрено мной, вы знаете тайну исповеди.

— И все же, я не понимал, хотя в памяти багровеют какие-то воспоминания. Помню, как мой фургон занесло, и я отвязал лошадь, чтобы Чил не дергалась, пока я почию колесо. А потом кто-то сзади дышал мне в спину, я обернулся, а оно взглянуло такими страшными глазами, я закричал и провалился в темноту. А потом все как в тумане: будто несусь на Чил, она меня отбрасывает, сражаюсь с кем-то, но я в стеклянной колбе, а тот смотрит на меня и что-то произносит. Мне плохо от этого, все внутренности переворачиваются от боли. У меня спрашивают имя, но внутренний голос не позволяет, говорит за меня с противным шипением. Будто не я вовсе. А потом я очнулся сегодня поутру, моя жена посмотрела на меня уставшими глазами, под которыми пролегли тени. Она сказала мне, что я был одержим бесом, а вы его изгнали, но я попал под копыта Чил и находился в бреду. А теперь прошу искупить свои грехи, потому что чувствую, как час мой близок.

— Дарованною властью Божьей мне, я отпускаю грехи ваши, Майкл Марот, и причащаю.

Он подал умирающему отпить святой воды, тот глотнул пару раз и откинулся на подушки:

— Когда я умру, я хочу, чтоб вы меня отпели. Прошу вас, потому как бес запятнал мою душу, я знаю.

Фрай успокоил фермера, сказал нет в том его вины, что в него вселилось зло.

— Нет, знаю, что есть, в безгрешных оно не вселяется. Выбирает тех, кто учинил недостойные дела.

— В этом мире мы все не безгрешны.

— Нет, в моей душе лежит груз — я убийца, преподобный отец. Собственными руками убил нищего ребенка, когда тот воровал у меня яйца. В таких и вселяются.

Они поговорили еще немного, и Фрай вышел от больного с таким же непомерным грузом, как прежде вошел, хотя убедился, что человек не держит на него зла. Пастор осознал, что на него будут отсылать охотится тех, у кого совесть нечиста или руки в крови. Миссис Марот взглянула на священника уставшим и обреченным взглядом, женщина тоже его ни в чем не винила, просто смотрела так тоскливо. Единственное, что попросил Фрай отвезти его назад и лучше пусть это будут несколько человек. Жена фермера позвала двух рабочих, которые запрягли фургон и взялись сопровождать священника.

Он вошел подавленный и уставший, попросил Нэнси не тревожить его и принести чай в кабинет. Нужно было восстановить внутреннюю уверенность, не хотелось сейчас встречаться даже с Фрейлин и начинать разговор о встрече с волками. Его в первую очередь заботило то известие, что он узнал из признаний фермера, хотя теперь он знает от каких людей ожидать бесовских встреч. Но если б знать какие скелеты в шкафу прячет каждый житель?

Собственно, женщины существа немного настырные и если пастор не пришел отобедать с дамами, они решили пойти и справиться о его самочувствии. Фрейлин сама вошла к нему и села рядышком:

— Что произошло? — вполне миролюбиво спросила она, радостная от прогулок по модным лавкам, в которых женщины обретаю толику счастья. Какое бы происшествие не случилось, но стоит пройтись в магазинчик и настроение улучшается.

— Я ездил к мистеру Мароту, исповедал его. Бедняга плох, он умирает и попросил меня отпустить грехи.

— Поэтому ты чернее тучи?

— Я не могу тебе ответить, ибо такова тайна исповеди, но скажу, что перед посещением фермера со мной по пути случилось странное происшествие.

— На тебя вновь напал одержимый? — не удержавшись от вопроса, задала испуганная Фрейлин.

— Нет. Волк — один из стражников демона, полагаю.

Глаза его помощницы округлились, она принялась осматривать своего друга, правда немного успокоилась, потому как, тот не казался особо пострадавшим.

— Ты его победил?

— Нет, он убежал. Потому что за меня вступились. И это был другой волк, правда, белый. И имею ли я право спросить, не было ли это происками белого колдуна?

— Я не могу тебе ответить на этот вопрос, — ответила взволнованная Фрейлин. — Я не могу нарушать клятвы, но ты в свое время все узнаешь.

— Я могу и не дожить до этого времени.

— Неправда, ты доживешь, я не позволю тебе умереть. Правда и так скоро раскроется. Я рада, что ты остался невредим, встреча с таким существом может навредить и достаточно, если не оказаться фатальной.

— Так много тайн, когда же я смогу тебе безоговорочно доверять? — грустно спросил Фрай, глядя Фрейлин прямо в глаза.

— Ты можешь мне доверять, я не предаю тебя, но пока не имею власти вмешиваться. Все скоро изменится, вот увидишь. Ты и так приобрел себе соратников и их будет больше, ты не одинок.

Фрай снова погрузился в грустные мысли, бережно задумываясь о каждой фразе, оброненной кем-либо из его знакомых. Только одного не мог понять, почему его знакомая так тщательно скрывает личину колдуна, если их встреча неизбежна. Что такого, если она намекнет, как именно тот уже знаком с Фраем. Все это время в жизни молодого человека не было сомнительных знакомств, его переписчики по университету не скрытные люди, в отчем доме и в округе не было необычных людей. Это все равно, что упрекать Марию в принадлежности к высшим силам. Которая, кстати, тоже решила потревожить брата, правда ее не затуманенная головка разными мрачными мыслями, поглощенная лишь сегодняшним посещением модной лавки, не могла постичь от чего ее брат мрачнее ночи:

— Что-то произошло во время исповеди? — вполне искренне спросила она, чтобы развеять ту тяжелую атмосферу, которая окружала Уэнсли.

— Нет, все было обычно, человек открыл мне свою душу, а я ему отпустил грехи.

— Видимо, у него очень тяжкие грехи, раз ты так взволнован?

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос, не спрашивай меня о моей работе, Мария, прошу тебя, — он отошел к окну.

В кабинете еще находилась Фрейлин, настроение которой заметно поубавилось, после разговора с Фраем. Но она держалась вполне безмятежно при ее новой подруге.

— А хочешь, я развеселю тебя и расскажу, какие наряды мы будем шить. У меня будет два новых платья, представляешь, целых два. Они прелестны — новые фасоны, которые мы увидели в листовках, просто великолепны: мне подошел нежный персиковый и розовый шелк. Такое дорогое убранство — несколько кружев, теперь я буду чувствовать себя просто счастливой. А вот у Фрейлин будет бордовое платье, такое элегантное и таинственное, а второе — из темной шерсти для повседневного обихода. И деньги у нас остались для перчаток, шляпок, зонтиков и обуви. Мы, наверное, были самыми богатыми покупательницами в этой лавке.

— Что ж, я очень рад за вас. Надеюсь, моя щедрость искупает некоторую мою депрессивность. Мой день прошел не так безмятежно, и хотелось бы немного отдохнуть от суеты.

— А как же сегодняшнее приглашение?

— Вот поэтому я должен отдохнуть для встречи с Батлерами, там мне тоже придется обсуждать важные дела, не стихи же в гостиной читать.

Мария удивилась раздраженному тону, в котором ее отчитывал брат. Он никогда таким не был, всегда общался мягко и терпеливо. Действительно, произошедшее настолько серьезно, раз вывело его из равновесия. Поэтому сестра не стала долее отягощать своими глупыми рассказами и ушла в свою комнатку. Ну, наверное, чтобы немного погрузиться и поплакать. За ней последовала и Фрейлин, которая чувствовала себя виновной в плохом настроении Фрая:

— Зря ты обидел сестру, она не виновата.

Но джентльмен ей не ответил, даже не обернулся. Когда двери за дамами захлопнулись, он в некоторой степени осознал, что несколько перегнул палку, но сейчас не лучший момент, чтобы идти и объясняться с дамами. Вечером они поговорят с сестрой уже спокойно, с Фрейлин — тоже. Пейзаж не способствовал умиротворению, заморосило, люди

на площади старались укрыться от непогоды, ничего не радовало. Уэнсли все так же всматривался в ближайшие фасады домов и думал о своем, но неожиданно он заметил нечто необычное. Был еще день, но площадь опустела из-за дождя, так вот, к нему приближался зверь, что встретился с ним на проселочной дороге. Это был волк, благо, что белый и зверь спокойно шел к пасторату.

Фрай разволновался, что этому чудищу здесь надобно, как посмел он так бесцеремонно, да еще в людном месте, появиться. И что надобно зверю от человека или решил и с ним свести счеты? Уэнсли обеспокоился за домочадцев, схватил кочергу, что стояла у камина, и пошел встречать животное. Дамы были наверху, служанке он тоже приказал подняться на верх, а экономке с кухаркой закрыться в кухне и без лишних вопросов — он все объяснит потом. Главное, сейчас безопасность. Впрочем, все безоговорочно выполнили его требования. Он сам открыл дверь, и увидел, что наглый зверь стоит на пороге, будто обычный посетитель.

— Что тебе от меня нужно? — зло произнес пастор, оглядываясь по сторонам, чтобы не было случайных прохожих, но площадь безмолвствовала.

— Поговорить, — человеческим голосом заговорил волк, Фрай оторопел от услышанного. Но решил пропустить разумное животное, раз оно не нападало.

— Что ты такое? — сказал пастор, когда дверь закрылась.

Волк хмыкнул и затряс своей красивой шкуркой, сбивая с нее воду.

— Не что, а кто, — констатировал он. — Во-первых, я твой спаситель, во-вторых — твой друг.

— Я как-то не завожу знакомств с волками.

— Ты из совами раньше не знакомился, — впрочем, как и следовало ожидать зверь начал обращаться и превратился в человека, одетого в светлые одежды.

— Верно, ты белый колдун? — любопытствовал Фрай, наблюдая за сценой превращения.

— Угадал. Значит, ты обо мне наслышан, видимо Фрейлин рассказала, просил же ее не торопить события.

— Она ничего такого не сказала, все утаила, чуть не поставив на кон нашу дружбу.

— Можно подумать, это предательство. Она не могла нарушить клятвы, которую я с нее требовал. Да и ты меня знаешь, пусть заочно, но мы знакомы, очень знакомы.

— Не имею чести знать, кто передо мной.

— Я видел тебя, правда, очень давно, каким же милым ребенком ты был.

— Кто вы такой?

— Тебе говорит что-нибудь имя Эдвард Уэнсли?

— Это мой дядя, с которым мы порвали всякие отношения из-за его предательства рода Уэнсли.

— О, как хорошо поработали над твоим сознанием мои братья, видимо, они до сих пор на меня обозлены.

— Так вы мой дядя?

— Да, милый племянник, отверженный Эдвард Уэнсли, который лег позором на всю родню. А знаешь почему?

— Потому что впали в немилость к графу...

— А граф мелко отомстил мне через моих братьев, только лучше уж такое положение дел, чем я бы способствовал обоснованию зла в моей округе своим бездействием...

ЧАСТЬ II. Друзья познаются испытаниями 1 Глава.

Повествует о новых неприятностях

ЧАСТЬ II. Друзья познаются испытаниями 1 Глава. Повествует о новых неприятностях

Фрай изучающие разглядывал нового собеседника и вновь приобретенного родственника, они были в чем-то схожи: те же огромные голубые глаза и красивые черты, впрочем у Эдварда Уэнсли была несколько грубоватая нижняя челюсть, в отличие от мягкой красоты Фрая. А еще его волосы, собранные в пучок на затылке, скрасились глубокой сединой, будто человек пережил такое горе, что поседел молодым. Он казался белым волком и в обличие человека. Колдун не торопил своего собеседника, ожидая, пока тот воспримет все постигшее его, как данность и тогда они смогут продолжать.

— Как ты стал таким? — спросил у родственника Фрай, вглядываясь во внешнюю невозмутимость того.

— Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь, — ответил Эдвард, вот только его взгляд выдавал совсем иные помыслы, он понял в чем вопрос, только не спешил сейчас отвечать.

— Как стал колдуном? — несколько разозлился Уэнсли на недогадливого дядюшку.

— Я родился магом, так же как ты — экзорцистом.

— Нет, я приобрел опыт в борьбе с нечистью, — констатировал преподобный отец. — Я не был таким изначально, лишь пережитые мною трудности в Дарквудсе заставили стать на путь воина с нечистым.

— А ты уверен, что это приобретенный дар, а не врожденное предназначение?

— Если бы я избрал иное поприще...

— Ах, вот оно что. Мне тоже пророчили стать священнослужителем, но я оказался плохим примером, опрометчиво решив, что буду сам властвовать над выбором судьбы. А тебе не оставили выбора, сделали таким, каким должен был быть я. Но оттого испытываю особую гордость, потому как вижу тебя своим последователем. Будто у меня есть сын. Хотя все могло бы сложиться именно так, я ведь безумно любил твою мать. Но к чему тревожить прошлое, она сделала правильный выбор, какая бы жизнь ее ожидала со мной? Изгнанником из собственной семьи. Но по-иному, я не поступил бы, не позволил бы черным силам приложить руку к угнетению нашей местности, где мой дом.

— Ты говоришь, чтобы оправдаться, дядюшка? Нужно было заявить об этом немного раньше.

— Я не мог раскрыться, не хотел никого впутывать, пусть будут в блаженном неведении, обиженные лишь на мое безрассудство, чем в постоянно страхе, ожидая нападения злокорыстного противника.

Фрай расхаживал по гостиной, куда пригласил гостя, нервничал от неожиданной встречи. Гость сидел мирно, разглядывая обстановку. В пороге появилась молоденькая девушка, которую обеспокоили слова служанки, отправленной хозяином наверх. Мария вошла столь робко, но все же грациозно и благообразно, покосившись на гостя, но не могла заговорить с не представленным ей человеком.

— Я вижу сон наяву, прекрасное виденье, скромно шагающее по комнате, — выговорил восторженный Эдвард, провожая незнакомку глазами. — Прелестнейшее создание вы

похожи на...

— Это моя сестра Мария, — несколько холодно оборвал его Фрай, а потом обратился уже к своей сестре:

— Милая сестра, позволь представить тебе нашего опального дядю Эдварда Уэнсли.

Девушка сделала вежливый книксен, все еще пораженная происходящим. Она покрылась робким румянцем, но ее взгляд с интересом пробежался по родственнику, чтобы запечатлеть в памяти портрет, как первое впечатление:

— Это наш дядя? — спросила она у брата, не веря словам, ища подтверждения в глазах близкого человека.

— Бесспорно, правда его облик выделяется своей чужаковатостью.

— Отец упоминал о вас, — перевела она взгляд на собеседника. — Но говорил не очень хорошие вещи, будто вы являетесь первопричиной нашего семейного падения в глазах общества — «паршивая овечка» Уэнсли.

Из уст невинного создания это звучало обидно:

— Я действительно несколько опрометчиво оступился в молодости, — пытался оправдаться Эдвард. — Но не считаю, будто причастен ко всем бедам, что постигли наш род. Просто перешел в свое время дорогу влиятельному и злопамятному человеку. Зато вы, милое дитя, похожи на Рейчел — такая же мягкая и уступчивая красота... Я на мгновение вернулся в прошлое.

— Нужно сообщить батюшке об этой встрече, вы поговорите, и все решится, ведь оступились вы давно, и сколько лет утекло с тех пор.

— Я не думаю, что он меня простит, — выговорил Эдвард, стряхивая пылинки со своего сюртука и уклоняясь смотреть прямо в глаза родственникам.

— Наш отец, милая Мария, человек суровых взглядов и принципов, он никогда не забывает обиды — не простит он дядю Эдварда.

— Откуда ты можешь подобное утверждать? — ее ум был столь бесхитроsten, а сердце наполнено света, что вовсе девушка не понимала, как можно злиться на своего кровного брата столько лет.

— Потому что, если бы мой отец был отходчивым человеком, он бы давно поговорил с братом и столько лет не рассказывал нам, как унижительно ему осознавать причастие к имени Эдварда Уэнсли, — невозмутимо заметил Фрай, его собеседник согласился с таким утверждением.

— Ну и где же наша милая сова? — поинтересовался Эдвард, решив сменить тему, но что-то осознав, в последний момент беспокойно взглянул на Марию.

— Она уже в курсе, — ответил Фрай, следя за взглядом родственника. — Познакомилась с ней накануне.

— Да я уже обо всем знаю, мисс Фрейлин была со мной наверху. Мы приготовили ей постель, на которой раньше спала миссис Ридс.

— Вот как. Но так почему ее до сих пор не видно?

— Не хотела портить своим присутствием ваш семейный совет, — ответила Фрейлин, уже некоторое время наблюдающая за собеседника, из укромного местечка.

— И как тебе моя семья? — заметил Эдвард Уэнсли, задорно подмигнув обоим племянникам. Он был вправе объявить свои родственные права.

— Оба просто очаровашки, — резюмировала Фрейлин, улыбаясь всей честной компании очень мило.

— Жаль, что я не их отец, а мой скуповатый братец Джон. Хотя он никогда не был особо щедрым, даже для Рейчел, — его слова несли в себе оттенок печали или глубокого сожаления, но развивать отягощающую беседу не стал, к чему тревожить ушедшее.

— Наш отец весьма экономный человек, — мягко поправила его Мария. — Он заботится о нашем благополучии, так же, как Стивен.

— Это мой старший брат, — уточнил преподобный Уэнсли.

— Да, да, я знаю Стивена. Я следил за своими братьями из опаски, что граф захочет отыграться на их судьбах посерьезнее. Роджер удачно пристроился в университете и женился на разумной женщине, я весьма за него рад. Жаль, что у них нет детей, но ведь Родни никогда не стремился ни о ком заботиться, кроме собственной персоны. Беда нашей семьи в эгоизме, у каждого на свой лад. Благо, племянники еще не закостенели в среде постоянного корыстолюбия.

Фрай и Мария недоверчиво взглянули на дядю, но не произнесли опровергающих речей. Их родственник мило улыбнулся обоим, хотя взгляд его с грустью останавливался на Марии, как живой памяти об утраченной любви. Фрейлин пока не вмешивалась в общий разговор, больше наблюдая за взаимоотношениями родственников. Хотя, ей хотелось потом объясниться с преподобным Уэнсли, исправить плохое мнение о себе. Она не читала больше чужих мыслей, не вторгалась во внутренний мир людей, коими дорожила. Фрай тоже не стремился взглянуть на нее, его обуревали противоречивые чувства, природу которых он и сам не понимал.

— Ну, если все так замечательно, — прервала затянувшееся молчание Мария. — Предлагаю всем вместе выпить чаю, я сейчас сбегая, распоряжусь обо всем.

Оставшаяся троица не разделяла таких радужных мыслей, они продолжали молчать — Эдвард думал о своем, Фрай следовал его примеру, а Фрейлин просто помалкивала, и это бы продолжалось нескончаемое время, если бы их не потревожили. Нэнси вбежала, тотчас, как только в дверь постучались. Она нервно теребила передник и смотрела на господина не зная, стоит ли его отрывать от гостей, но дело не требовало отлагательств.

— Мистер Уэнсли, там пришел мистер Хэнкинс, говорит, ужасное происшествие произошло, просит с вами встретиться.

Фрай немедля покинул гостиную и направился поговорить с Хэнкинсом, видимо, дело действительно серьезное, попусту его бы не потревожили. В холле суетился его привратник, на его лице застыла тревога и неподдельный ужас:

— Преподобный отец, — чуть не бросился он к Фраю. — Такое случилось, даже передать словами страшно. Но вы должны знать, мы нашли... вернее, семья Уилкоксов возвращалась с торгов и нашла... там было несколько человек... — сбивчиво пролепетал нервный привратник, собираясь с духом и умиряя свое волнение, чтобы внятно объясниться. — Они нашли трупы тех бедолаг, что приехали сегодня к пасторату вместе с вами, их тела были разорваны неведомым животным, и лошадь тоже не пощадили. Ее туша так и лежала запряженная, а трупы чуть поодаль...

— Когда это произошло? — спохватился преподобный отец, холодея от мысли о роковом злодеянии.

— Когда они возвращались назад, дорога к ферме очень уединенная, да еще и граничит с рощей, не повезло бедолагам. А Уилкокссы решили путь сократить и проехаться вдоль фермы бедного Марота, но как увидели трупы, стремглав к мистеру Стоксону поехали, а потом и мне рассказали. А я сразу к вам.

— Где мне можно нанять повозку, я хочу поехать туда, но боюсь идти пешком шагом в такую погоду.

— Я могу попросить одолжить у Вильяма Весли, у них всегда повозка у подъезда стоит.

Двое джентльменов тут же покинули пасторат, Фрай сказал Нэнси, чтобы предупредила Марию, что если он задержится, пусть либо едет на ужин сама и подождет его там, либо извиниться перед Батлерами из-за чрезвычайного события, что не требовали его отлагательств. Покончив с переговорами с мистером Весли, Фрай уже был в дороге, вместе с Хэнкинсом на полпути к злосчастной ферме.

Когда они подъехали к месту предполагаемого преступления, там находилось много мужчин. Сразу заметна была статная фигура мистера Стоксона и его патрульных, которые записывали, изучали и раздавали приказания. Стоял тут еще фургон с наемными работниками, которые бы отвезли трупы в магистрат. Фрай подошел сразу к мировому судье, как к человеку, понимающему в таких делах, и заговорил:

— Как вы думаете, что тут произошло?

— По всей видимости нападение диких зверей или одного зверя. Хотя до сих пор такого не наблюдалось, чтоб лесные твари выходили на открытую дорогу и загрызали нескольких людей. Бывало, что пропадут несколько кур или наивная коза сорвется с поводка, но людей — никогда. Это происки нечисти, не иначе.

— Вы сообщили об этом миссис Марот, хотя понимаю, как ей сейчас нелегко.

— Да, она готовится к похоронам, а тут такое... — мистер Стоксон замялся. — Я хотел, чтобы это сделали вы, преподобный Уэнсли, все таки вы священник.

Фрай наклонил голову и потупился, безрадостно разглядывая окровавленные травинки, его не покидало ощущение, что он является первопричиной всех несчастий этой семьи. Сначала фермер Марот становится жертвой вселения и после сражения с Фраем, лежит бранным телом. Теперь работники, взявшиеся его сопровождать — погибли столь жестоким образом. Как посмотреть в глаза бедной вдове и сказать, что во всем происходящем он виновен не по собственному умыслу. Но его совесть не позволяла отступить, уж лучше принять грудью вперед все оскорбления от бедной женщины, нежели трусливо прятаться за спиной. Он поблагодарил мистера Стоксона и поехал сообщать безрадостную новость. Ноша его была нелегка, но Грэг Хэнкинс приободрил преподобного отца, сказав, что на все воля Божья.

Вдова храбро приняла эту новость, не впала в истерики, коими обычно славился женский род. Но взглянула на преподобного отца такими сухими глазами, сколько боли было в этих бескровных белках. Уэнсли не мог выдержать подобного взгляда, опустил голову, ощущая себя хуже убийцы, когда тому пришлось встретиться с родными убиенных им жертв.

— Рэсли и Марк выросли на ферме, — ответила женщина, хотя голос ее предательски дрожал. — Стали мне сыновьями, потому что своих детей Бог нам не дал. Они были исполнительными, не пили, слушались в меру и уважали нас с Майклом. Сегодня я похороню всю свою родню и останусь одна, оплакивать мужчин. Мне придется нелегко, наверное, продам ферму, уеду, только я не знаю, куда мне ехать. Святой отец, скажите, за какие такие грехи я расплачиваюсь?! Почему именно мой муж и мои «сыновья» расплатились за грехи, которых не совершали? — она отвернулась, не в силах больше справиться со своими слезами. Фрай не мог ее утешать, как поступил бы другой священник — назидательными речами, сухими тезисами из Библии о всепрощающем терпении. Он не был

настолько бесчувственным ко всему, к чему был причастен напрямую. Как объяснить этой женщине, что если бы в его власти было хоть немного изменить ход истории, он бы поступил иначе.

Домой священник вернулся полностью разбитый, ни о каком званом ужине и речи не было. Он шел от мистера Хэнкинса пешком, вдыхая вечерний воздух Дарквудса, с тяжелым камнем на сердце, готовый кинуться ничком в какой-нибудь проулок и заплакать, подобно мальчишке. Только крупницы уважения к себе, еще сдерживали этот необдуманный порыв. В его пасторе был разожжен свет, близкие дожидались Фрая; как приятно иметь родных, которые подставят свое плечо. Он вошел тихонько, стараясь не привлекать особого внимания. Но тут же подбежала испуганная Мария, сбивчиво объяснила, что уже вся округа знает о случившемся. Приходило множество людей, говорили и интересовались. Приезжал мистер Батлер лично, соболезновал, когда пришлось перенести приглашение. В гостиной его встретила встревоженная Фрейлин, которая упрекнула лишь в том, что он не попросил его сопровождать и дядя, который и не думал уходить. Служанки уже готовили комнату для него на втором этаже.

— Вы не возражаете все, если я побуду один в своем кабинете, мне нужно подумать о случившемся.

— Они отомстили тебе — не добрались лично, решили свести счеты с бедными смертными, — спокойно сказал Эдвард. — И так будет теперь постоянно, все ближе и ближе зло подбирается к тебе, Фрай.

Преподобный Уэнсли рассмеялся, и смех его был наполнен горечи, смахивал на хихиканье сумасшедшего:

— Может объявить им войну? — поинтересовался он у родственника. — Прекрасная мысль, возьму крест и серебряный нож и пойду убивать.

— Война и так стоит у тебя на пороге, милый племянник. Но так безрассудно бросаться в лапы врагу. Ты можешь умереть всегда, сдаться ты успеешь, но не лучше бы это сделать с пользой. Потому что, если ты сгинешь, враг никуда не денется, и наступят времена еще суровее для этих людей. А ты подумал о своих близких, коими действительно дорожишь?

Фрай осекся и взглянул на побледневшую Марию и молчаливую Фрейлин. Эти люди верили ему, и его заботила их судьба, особенно сестры, как близкого человека. Эдвард медленно прошелся по гостиной и заметил:

— Судя по всему, это был вызов тебе. Они ждут ответный шаг. Противник, как ты заметил, терпеливый и расчетливый. Нам нужно предусмотреть их следующие шаги. Они рассчитывают, что ты, обуреваемый муками совести, отправишься к ним в логово и там сгинешь.

— Как мне поступить? Оставить все как есть? Ты же знаешь, я не могу, мне так тяжело было взглянуть в глаза этой женщине, будто я сам убил ее родных, сам занес меч над их головами.

— А ты думал, что нечисть придерживается законов рыцарства, нет, она действует исподтишка, оставаясь в тени до последнего. А если выйдет на свет, уже ничего не поможет. Так что нам тоже нужно стать опасливыми. И в первую очередь вам, милые дамы — никаких походов в одиночку. Вы самое уязвимое место Фрая, особенно милая Мария, не имеющая склонности к магии и обороне. Будешь всегда в обществе дам, лучше миссис Бонны и Фрейлин. Фрай, ты не должен прогуливаться в одиночку по заброшенным тропкам Дарквудса, я бы на твоём месте обзавелся повозкой или верховой лошадью.

— Попроси у мистера Батлера, думаю, он не откажет, — заметила Мария, покраснев от волнения.

— Кто этот Батлер?

— Виконт Беррингтон, — объяснила ему Фрейлин.

— Ох, каков плут, но я от него подобного ожидал, ведь он давно предпринимал шаги вернуть свое поместье, — выговорил Эдвард.

— Вы с ним знакомы? — поинтересовался Фрай, с интересом изучая своего дядюшку.

— Конечно, он ведь тоже имеет подобные способности, а маг мага за версту чувствует. Но мы с ним столкнулись не так давно, когда вельможа ходил на совет колдунов просить помощи.

Мария открыла рот от услышанного, не веря своим ушам. Для ее маленького понимания наличие такого количества людей с колдовскими способностями выходило за рамки положенного. Тем временем, дядюшка продолжал раздавать ценные указания своим подопечным:

— Дальше мы пойдем иным путем, собираем всех своих возможных союзников и начинаем оборону. Придется объяснить смертным, что их долина охвачена проснувшейся нечистью, как во времена отца Вейта, и они тоже не должны терять бдительности, если не хотят оказаться в опасности. И это твоя прямая обязанность, преподобный отец, на воскресной службе соберешь всю паству и объявишь истинное положение дел и что происшествие с Маротом и его семьей не единично, и если эти людишки пожелают умирать, будто мухи, пусть и дальше пренебрегают собственной безопасностью.

— Вы к ним слишком жестоки, — мягко возмутилась Мария, как особа сердечная, она переживала за каждого, оказавшегося в опасности.

— Нет, милое дитя, я в меру справедлив. Но как мы можем им помочь, если они сами этого не хотят? — потом он тверже обратился уже к Фрейлин:

— Тебе придется патрулировать городок каждую ночь, будешь делать облеты даже ближайших ферм. Я понимаю, как это тяжело, но без твоего зоркого глаза не обойтись.

Его соратница молча кивнула и взглянула на Фрая, будто спрашивая его мнения. Молодой человек так же взглянул на нее, но возражать с мнением дядюшки не стал и незаметно одобрил сказанное. Эдвард про себя позабавился от подобной сцены, но комментировать и вмешиваться не хотел, сами разберутся, чего третьему встравать.

Потом прозвучала команда отбой, и грозный военачальник-волк предупредил, чтобы до утра его не ждали, и удалился из пастората. Итак, брат с сестрой остались наедине, в кабинете Уэнсли, где пастор засел за своими записями, а Мария задумчиво оглядела подаренную книгу, размышляя, есть ли способности к колдовству у Джорджа, и не обидится ли он, если она его об этом выпытает. Миссис Бонна принесла родным людям теплого молока и меда, а также обжаренные сладкие гренки и молвила — «Бедняжки», а потом удалилась на свой пост, в качестве летучей мышки охранять пасторат от посторонних лиц и если что, трубить тревогу. Служанка и кухарка удалились еще в шесть, по личному приказанию экономки в целях безопасности. Мария не могла чувствовать себя спокойно наверху, где нежилыми оставались несколько комнат, она попросила Фрая, что прекрасно переночует на кресле, только бы поближе к нему. Тогда молодой человек предложил занять ей диван в гостиной, а самому разложить там кресло — так надежнее. Молодые представители семейства Уэнсли, как самые уязвимые, теперь должны были держаться поближе друг к другу.

2 Глава. Бездействие — хуже опасного врага

2 Глава. Бездействие — хуже опасного врага

Солнце застало молодых людей, мирно посапывающими в своих люльках. Мария свернулась клубочком на диване, а Фрай — на кресле. Служанка вошла через черный ход, когда ей открыла экономка и сообщила, чтобы та не заходила в гостиную и не тревожила хозяев. Бонна закончила свое дежурство, неся не только дозорный патруль, а и лакомься всякими букашками, в свое удовольствие. Теперь старушка чинно попивала утренний отвар из трав и обсуждала сплетни с Нэнси и миссис Тернор. Так она узнала, что говорят о происшествии и люди настолько обеспокоены, что в воскресенье будут говорить с преподобным об этом. Многие настроены перестраховаться и поэтому фермеры объединяются. На втором этаже тихонько открылась створка и влетела сова, ее облет местности тоже был спокоен, теперь следует немного передохнуть, пары часиков вполне хватит для сна. Она заметила, что Мария сегодня не ночевала в комнате, видимо решила быть поближе к брату — вполне объяснимая перестраховка, но об этом она узнает потом. Белый волк не спешил приходить, что-то его задержало. Когда пробило восемь, Фрай проснулся и начал сладко потягиваться, тут же открыла глаза Мария, посмотрев все ли в порядке. Потом девушка поизвинялась и тихонько выскользнула к себе. Там она увидела уже проснувшуюся Фрейлин и рассказала, что не отважилась спать в одиночестве. Девушки переговорили обо всем и привели друг друга в порядок. К завтраку они спустились вовремя, но белый волк все еще не возвращался, Фрай начинал беспокоиться, хотя и не чувствовал дядюшке столь родственных чувств, но все же. И тут бодренький Эдвард Уэнсли вошел в самый разгар завтрака, будто прекрасно отдохнул, да еще и приделся с иголки.

— Я остановился в местной гостинице, пришлось забежать и переодеться, не могу ходить в одном и том же.

— Странно, я думал, ты поселишься здесь, — будничным тоном сказал Фрай, намазывая булку сливочным маслом.

— Возможно, в скорости и поселюсь, если ты просишь, но сейчас мне надобно побыть среди людей, послушать, что говорят.

Миссис Бонна тут же накрыла на еще одного гостя и все принялись за еду. Эдвард уплетал за обе щеки, хваля те руки, что сотворили такие деликатесы, от чего к концу завтрака Фрейлин отщучивалась, что в таком случае стоит пойти и попросить у кухарки руки. Все шутили и чувствовали себя превосходно, хотя перенесли не самую спокойную ночь. Фрай решил написать Батлеру и попросить о помощи, но ему принесли корреспонденцию от другого адресата.

— Это от отца, — заметил молодой человек. — Так быстро доставили, я думал, он поспежит на почтовые расходы.

— Что он пишет? — встревожилась Мария.

— Если быть дословным, то крайне недоволен на его манер, что ты осталась у меня, приказывает тебе немедленно отправиться домой, потому что некому присмотреть за прислугой.

— Вот скряга, на экономку расщедриться не может, — брезгливо заметил Эдвард. — Так было и с Рейчел — использовал ее как ему надобно, не беспокоясь о потребностях жены. Только отныне Мария не должна покидать пасторат, можешь так ему и написать.

— Упомянуть ли мне в письме, что ты прибыл и гостюешь у меня?

— Поступай, как знаешь, но навлечешь его немилость, впрочем, так даже будет лучше, пусть отречется от тебя и обезопасит таким образом, себя.

— Бедная тетя Розерри, теперь я не смогу ей писать, — понурилась Мария.

— Милое дитя, не самое страшное — отречься от семьи, самое страшное — подвергнуть их опасности, — он протянул руку девушке, от чего девушка покрылась румянцем от смущения, чувствуя, что зря предприняла подобное путешествие. Но она не жалела, что застрянет в пасторате, здесь у нее по крайней мере есть небольшое общество и есть с кем поговорить, и нет больше надоедливой миссис Ридс, которая наверняка на ней отыграется, если снова ее наймут в качестве компаньонки.

Впрочем, насыщенный день только начинался, стоило небольшой компании собраться вместе после завтрака, как с визитом приехал Батлер, обеспокоенный случившемся вчера. Он встретил всех в гостиной и был немало удивлен, увидев Эдварда.

— Ты тоже прибыл? — без лишних формальностей уточнил он.

— Конечно, становится жарковато, без меня не обойтись, — парировал Эдвард Уэнсли

— Весьма рад, у Фрая так мало союзников.

— Но почему же, ты вполне сгодишься.

— Что я умею. После того, как вчера услышал от Стоксона о трупах, спать нормально не мог. Вытребовал у своих домочадцев держаться дома и никуда не ездить, теперь все семейство изнывает в четырех стенах. Миссис Батлер поинтересовалась, если мисс Уэнсли не затруднит, она сможет пока погостить у нас, тогда моя жена, да и сыновья, не будут скучать без общества?

Мария не знала, что ответить, не хотела расстраивать миссис Батлер отказом, но бросать брата тоже боялась, вдруг понадобятся ее услуги. Она выжидающе посмотрела на своих родных, особенно на Фрейлин, ведь девушки сдружились, у них много общего. Конечно, общество Джорджа грело маленькое чувство на сердце, но перед опасностью она хотела сносить все невзгоды с родными людьми. Поэтому, Мария сделала самое тяжкое — отказалась, попросив миссис Батлер заранее простить ее, но бросить брата в столь печальные времена просто не имеет права.

— Мы ведь будем иногда видеться, — робко заверила она гостя, покраснев от смущения.

Мистер Батлер горячо сожалел об отказе мисс Уэнсли, уверяя, что к ней была бы приставлена наилучшая охрана. Но раз девушка решилась, переубедить ее уже не удавалось, в этом упрямстве Мария не уступала брату, ничего не поделаешь, от нее отстали.

Таким же неожиданным был визит мистера Стоксона, стоило карете Батлера скрыться за рогом, он приехал с дочерью на двуколке. Хана требовала от отца привезти ее в пасторат и познакомиться с мисс Уэнсли. Мировой судья пробыл чуть более получаса, рассказывая обо всех подробностях, которые обнаружились при вскрытии — все погибли в результате нападения дикого животного, судя по укусам, это был волк. Он предпринял меры и разослал во все фермы листовки, чтобы фермеры впредь были весьма осторожны, соседи приютили вдову Марота, побеспокоившись заранее о скорых похоронах. Пастора не приглашали, ибо он уже причастил умирающего Майкла, а его помощников страшно было показывать. Хана все это время вела беседы о девичьих проблемах, жаловалась, что отныне и носу не сунет без ведома отца, и что Батлеры, с которыми они водили тесную дружбу, не приезжали не разу их поведать с памятного ужина, какая жалость. Мария молчала, в душе улыбнувшись, что ее

только недавно горячо приглашали погостить. Потом Хана стала уверять, что если страшные происшествия прекратятся, то Марии стоит ходить к ней в гости, потому что у нее собирается дарквудское девичье общество сверстниц, и девушке будет интересно общаться в своем кругу. Но Мария сказала, что брат нанял для нее такую умную и приветливую компаньонку, что ей не скучно без женского общества. Фрейлин потешилась, присутствуя при разговоре. Но приглашение девушка приняла, лишь только все образумится и перестанут происходить ужасные вещи.

Зашел привратник Хэнкинс, интересовался, будет ли преподобный разговаривать завтра с паствой, ибо многие хотят высказаться. Фрай обещался дать ответы на все вопросы. И так целый субботний день прошел в постоянных принятиях гостей, колокольчик просто не унимался. Фрая даже словили в церкви с визитами. Не было покою в округе, и особенно священнику.

Воскресенье началось с блаженной молитвы, но потом перешло в собрание, многие горожане пребывали в нервном потрясении, требовали изъясниться. Неужели снова нечисть нападает на их поселенье? Ведь было спокойно в округе, почему снова происходят такие бесчинства. Фрай говорил мягко, уверял, что сделает все от него зависящее, но многие его не слышали, перебивали, пока не выдержал мистер Батлер и не вышел на трибуну, рядом с Фраем:

— Неужели вы не понимаете, — начал он. — Что этот край обречен жить по соседству с черными силами, и приезд нового священника, в сущности, ничего не изменил, не будь его, мы бы потопали в лужах крови. Вы ведете себя просто беспечно, проезжая мимо темных чащ, не задумываясь, что зло засело за ближайшими деревьями. Я взываю вас проявить опасливость и перестраховаться.

— Мы жили нормально! — воскликнул кто-то, и тут уж не выдержал Эдвард Уэнсли, который числился на слуху, как таинственный незнакомец и дальний родственник преподобного отца:

— И когда это вы жили нормально? Когда похищали среди белого дня людей или они превращались в беснующихся животных, это тогда было нормально, пока преподобный Вейт не начал очищать ваши жилища? Но как вы отплатили ему — оставили наедине с опасностью, хотите сделать это сейчас? Не будет Фрая Уэнсли, не закончится твориться бесчинство, но не будет кому защитить вас.

— Мы все боимся, — постарался разрядить обстановку привратник Хэнкинс. — Но мы не должны обвинять кого-то одного в наших бедах, беда одна — это зло, которое тут живет. Я служу церкви и ничего плохого не могу сказать в адрес преподобного.

— Что нам делать? — заревела толпа.

— Объединяться! — посоветовал Эдвард.

Пока шли эти перипетии, Джордж Батлер тихонько подошел к взволнованной Марии, чтобы поддержать ее:

— Мы на вашей стороне, — чуть слышно молвил он. — Жаль, что вы к нам не приехали, тогда бы дни не тянулись так нескончаемо, мы бы читали, — он слабо улыбнулся.

— Я не могу бросить брата, — искренне ответила Мария, не смея взглянуть на собеседника.

— Я даже не могу пригласить вас прогуляться, отец запретил любые прогулки, а так бы хотелось...

— Может, вы посетите нас в пасторате, познакомьтесь с моим дядей и компаньонкой.

Буду рада, — ответила Мария, и глаза ее засияли.

— Я бы с радостью, если отец согласится взять, но тогда и Эндрю станет проситься, а матушке придется сидеть в одиночестве.

Фрейлин стояла неподалеку, поначалу участие принимая в выступлении Фрая, но как только заговорили другие люди, она тихонечко наблюдала за парой голубков, что притаились под боком, стараясь скрыть улыбку. Так вот о ком поет сердечко Марии, что она его слышит каждый день. Милые создания свободные в своем выборе, и вдруг сердце предательски кольнуло — так давно не испытывала она чувств, кроме страха. А теперь она обретает семью и, кажется, ее сердечко болит за одного человека чуть сильнее, интересно взаимны ли их помыслы? Она снова взглянула на Фрая, который широко открыл глаза, его щеки пылали, ноздри вздымались, а губы говорили — сколько очарования во всем этом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После столь важной мессы, преподобный Уэнсли выглядел немного уставшим, но он согласился сопроводить дам, чтобы забрать их наряды. Правда, с ними подвязались еще и отпрыски Батлера, который разрешил сыновьям побыть немного в кругу друзей. Джордж стал рядом с Марией, Эндрю сопровождал миссис Олдбрук (Мария придумала вполне правдоподобную историю о том, как бедная женщина овдовела и лишилась всяких средств к существованию, подала объявление в газету, что пойдет в любой дом гувернанткой и что Фрай милостиво пригласил ее в качестве компаньонки его сестры, а также придумала фамилию и написала рекомендательные письма — предприимчивая маленькая особа). Но, а Фраю пришлось сопровождать мисс Уорвик. Давно эта особа не подавала о себе вестей, дело в том, что они отсутствовали и приехали в тот день, когда произошло хладнокровное нападение на помощников фермера. Тогда в семье Уорвиков учинилась целая истерика, они ведь проезжали в нескольких милях от происшествия и Кэтрин так перепугалась. Ей срочно нужно было переговорить с преподобным отцом. Фрейлин вся кипела от гнева, и общалась очень сдержанно с Эндрю, буравя взглядом впереди шедшую парочку. Джордж и Мария отстали от своей компании, но держались на видимом расстоянии, они были поглощены беседой и не видели происходящее вокруг. Зато четверка остальной компании была уж очень общительна. Эндрю не был молчаливым, хотя поначалу робел: не увидев в лице старшей дамы приятную собеседницу, перешел на разговор с иной девушкой, а та могла заговорить сразу двоих собеседников. Рыжеволосая красotka еле сдерживала гнев и желание применить кое-какие свои умения на наглой вертихвостке, что крутилась юлой вокруг Фрая. Тот вежливо с ней общался, хотя сохранял невозмутимость, сегодняшнее собрание его утомило, и он рад бы вообще покинуть любое общество. Но Кэтрин пообщавшись с Эндрю, тут же обратилась с Фраю:

— Мистер Уэнсли, ой извините — преподобный отец, правду говорят, что на бедных работников напала стая волков нечеловеческих размеров или размеров с человека?

— Там был один волк, мисс Уорвик — ответил Фрай, вворачиваясь от подробных ответов, вообще ему не хотелось сейчас обсуждать хоть какое-то происшествие с этим настырным существом, но молодая особа не отступала, решив взять измором:

— Я верю, что вы нас защитите, буду каждую ночь молиться перед сном за ваше здоровье и сохранность, — столь пылкими речами дама желала пробудить в молодом человеке признательность и мысли о ней. Как же приятно будет осознавать пастору, что вечером, перед сном, дама жарко молится, произнося его имя. Фрейлин хмыкнула на подобное заявление, специально проверит, так ли честна в своих исполнениях эта девица,

которая совершенно ей не нравилась.

Собственно, Кэтрин не была столь недалекой особой, прекрасно осознавала, что дама, идущая за ними, испытывает некоторые симпатии к пастору, вот ведь старая карга — на нового потенциального мужа глаз положила, не бывать этому. Кажется, кто-то в этот момент прочел ее мысли, недобрые взгляды встретились всего на мгновение, блеснули глаза в бессловесном вызове на дуэль. Тем временем замаячил долгожданный магазинчик, и внимательный лавочник открыл свою сокровищницу. Его супруга вынесла на свет прелестные готовые платья и все дамы вздохнули, правда мисс Уорвик недобро блеснула от ревности, когда девушки начали шептаться, подбирая шляпки и перчатки под новые наряды. Она чувствовала в этот момент, что уступает какой-то там миссис Олдбрук. Та снова почувствовала на себе тяжелый взгляд соперницы, сдерживая порыв испортить ее самодовольное выражение. Но боялась навлечь недовольство Фрая, который стоял отрешенно от компании, погружившись в свои серые размышления. Его мир, размеренный и взвешенный, давно дал трещину: множество проблем и терзаний смыли краски радужных надежд, это были уже осколки, где прошлое стояло обособленно, будущее застлалось туманом, а теперешнее — он не будет гадать на разбитом зеркале, каким ему виделась нынешняя реальность. Где-то появилась внутренняя смута, что он чего-то не сделал, не завершили или еще не начинал, это зернышко пустило свои ростки, а те проросли и укрепились. Даже среди обычных людей он чувствовал себя не спокойно, будто стояла между ним и внешним миром невидимая преграда: такие беззаботные, торопящиеся, улыбчивые, а он, словно потухшая свеча, среди пылающих огоньков. Уэнсли постарался побыстрее отогнать серые мысли, заинтересовался разговором его компании, что происходил пока он отгородился ото всех, а ведь в его компании уже чувствовалось напряжение, особенно между Фрейлин и мисс Уорвик.

— Какой старомодный фасон, — криво усмехнулась Кэтрин, с явной завистью разглядывая томный бордовый бархат наряда Фрейлин. — Я вот была с отцом в Глостере, там носят юбки другого кроя, без излишних оборочек.

«Миссис Олдбрук» явно негодовала, потому что они пошили свои наряды, исключительно по модным листовкам, а еще оказывается розовые кружевные перчатки это позапрошлый век, сейчас атласные и кожаные в моде. Мария тоже удостоилась некоторой критики, но девушка даже не обратила внимания на едкое замечание Кэтрин, когда рядом стоял Джордж и все хвалил. Парочка быстро отошла рассматривать ленточки и растворилась в разговоре. Эндрю заинтересовался покроем носовых платков, ему нравилось покупать платки разного покроя — маленький мужской каприз. А вот Фрейлин и Кэтрин сошлись один на один, но тут к ним, на свое несчастье, подошел Фрай. Ему сразу же показали фасон и поинтересовались, так ли оно уже вышло из моды, от чего молодой человек развел руками и честно ответил, что темно-вишневый вполне красивый цвет. Какой темно-вишневый, платье же бордовое — оно на тон приглушенной указанного цвета? И тут уж снова инициативу перехватила Кэтрин:

— Знаете, мистер Уэнсли, — тихо шепнула она пастору. — Компаньонка вашей сестры — дама слегка эксцентричная, не пойдет ли это молодой леди во вред?

— Я полностью полагаюсь на миссис Олдбрук, — невозмутимо ответил Фрай, от чего за его спиной кто-то злорадно ухмыльнулся, как бы невзначай подслушав беседу.

Кэтрин недовольно поджала губки, ей явно не нравилась та особа, что стояла позади — серьезная конкурентка, если девица вздумает вскружить джентльмену голову посерьезней.

Фрейлин прочла эти мысли, побагровела от злости, вот уж точно подобного она не допустит, костями ляжет, а дорогу к пасторату перекроет этой настырной пигалице.

— Мистер Уэнсли, — отозвалась она, явно уводя молодого человека из-под носа мисс Уорвик. — Вы знаете, мы и так задержались сверх положенного, испытывая ваше терпение, может, возвратимся домой, уверена там уже появились хоть какие-то свежие новости.

Фрай встревожено взглянул на Фрейлин и решил поторопиться, потому что безоговорочно надеялся на ее ощущения. Кэтрин осталась с носом, ее взялись проводить вежливые отпрыски Батлера, хотя только Эндрю мог спокойно продолжить прерванный разговор, Джордж явно не хотел расставаться с Марией.

— Что-то произошло? — нервно теребя трость, спросил Фрай у Фрейлин.

— Мы оставили мистера Батлера и Эдварда наедине с толпой, авось им удалось что-то выяснить.

— То есть, вы ничего конкретного не почувствовали?

— Я почувствовала, что мы зря теряем время, — слегка обиженно оправдалась девушка. — Эта вредная особа вцепилась словно клещ, и не хотела отпускать вас.

— Но вы же сами захотели посетить магазин, я взялся лишь сопровождать.

— Ну, я думала не только о себе, — ответила Фрейлин, краем глаза наблюдая за мечтательной улыбкой на лице подруги.

— Тогда не ставьте мне в упрек то, что мы провели в магазине много времени, я там был не по собственному прихоти. Но я чувствую, что должен побыть наедине, сегодняшнее собрание отняло у меня много сил.

Они сбавили шаг, и дошли до пастората, прогуливаясь. Впрочем, стоило перешагнуть порог, как свежие новости настигли их тут же. Все это время Эдвард и мистер Батлер наглым образом оккупировали кабинет Фрая разбирая записи преподобного Вейта и сверяясь с картой. Дело в том, что вельможа некоторое время проводил тщательные поиски жертовника, его люди буквально прочесывали рощи, правда, ходили отрядами по десять человек. Призрачный волк отступил и это несомненно радовало, но тяжелый, прикованный взгляд ощущал каждый, кто находился в лесу.

— Нам нужно напустить пыли, — констатировал Эдвард, — мне нужно отвести противника подальше от ваших ищек, иначе нам может не повезти. Темные силы предпримут что-нибудь, и тогда единственный шанс будет загублен.

— Согласен, я и так порекомендовал им рассылать мне сведенья в зашифрованном варианте, если они что-то и найдут, то подчеркнут некоторые слова в стандартном писании.

— Этого мало, нужно будет открыть жертовник, приготовить все к обряду. Для этого врага нужно будет запереть в замке, заставить концентрировать все силы там.

— Что вы посоветуете?

— У меня имеется одна идея, но тут нужно все продумать осторожно, придется пожертвовать жизнями, а я этого не хочу.

Фрай застал их в разгар обсуждения и с интересом присоединился, чувствуя, как наполняется энергией, ему вредна бездеятельность. Мужчины принялись перечислять сведенья, которыми обзавелись и тогда молодой пастор усмехнулся и ткнул на карте то место, где по все вероятности и находился жертовник.

— Вы так уверены в этом? — переспросил его Батлер.

— Если бы я не видел сон, как на ладони, который не могу забыть, мог бы усомниться.

3 Глава. Ночные приключения в лесу

3 Глава. Ночные приключения в лесу

— Я проверю все сам, без лишних глаз, — отчеканил Эдвард Уэнсли, вздергивая гордо нижнюю челюсть.

— Даже с вашими способностями, не обойтись без охраны, — перечил ему Батлер, господа пререкались, противостояли друг другу, не могли договориться.

Преподобный отец спокойно слушал их, пока не вмешиваясь, ему казалось, что лучше туда отправится он, если бы не опасность повстречаться с затаенным противником, но оттого уверенность его только возрастала, странное внутреннее чувство нашептывало, что если ночью он выйдет на улицу и сядет в экипаж, то доедет куда положено. Неожиданно наваждение схлынуло, Фрай очнулся от полудрема, взглянул на все еще спорящих господ, которые не могли пойти на уступки. За окном уже стемнело, скоро белый волк отправится на свой пост, вот только ему не надо выходить в лес, но как заставить упряма остаться дома. Неожиданно, в голове замаячила недобрая мысль, которая казалась вполне выполнимой, под силу преподобному отцу. Он еще раз взглянул на господ, убедившись, что сейчас от них проку мало и произнес:

— Может быть, отложим все до завтра, вы остынете и поговорите вполне спокойно.

— Да, а я ночью предприму вылазку, — отозвался Эдвард.

— Без меня ты никуда не пойдешь, — зло произнес Батлер, от чего его ноздри начали опасно раздуваться.

— А я предлагаю никому никуда ночью не выходить, не думаю, что это будет нарушением правил или промедлением, просто перегорим за ночь, а на утро решение найдется.

— Тогда постарайся не выпускать этого безумца из дому на ночь, — ответил Батлер и, не откланиваясь, покинул пасторат.

— Вот еще, будет мне указывать, что мне делать! — возразил недовольный Эдвард.

— Ладно, дядя, мог бы и уступить предполагаемому союзнику, сам меня учил — собирать войско.

— Ну, это тебе опасно, а я-то волк, — процедил Эдвард, явно недовольный, что его словами пытаются обыграть. Племянник явно превосходил в смышлености, что не могло не радовать в определенные моменты.

— Мы в одной упряжке, если не забыл, не перерезай ремни, — указательным пальцем, указал Фрай и пошел к бюро. Там он достал бутылку вина и предложил немного выпить. — Сегодня был насыщенный день, нужно немного расслабиться.

— Не думал, что ты пристрастился к спиртному.

— После посещения модной лавки в женском обществе, ты бы поступил так же.

Эдвард усмехнулся, он и забыл, что Фраю пришлось провожать дам, а те трещотки видимо задали много шуму, после такого нельзя не выпить. Только вот молодой человек задумал хитроумный план, он наливал вино, отвернувшись спиной и сыпнув дяде в бокал белого порошка.

— Давай выпьем за пережитый день, — провозгласил он тост и отпил крупными глотками, Эдвард тоже глотнул залпом и усмехнулся, сам предложил налить повторно. Господа немного расслабились, за окном густой туман заволок площадь, скоро Эдварду

отправляться в ночную прогулку, как и его магическим друзьям, вот только колдуна стало клонить ко сну. Некоторое время он отшучивался, сопротивляясь дремоте, но вскоре мирно откинул голову назад и засопел. Фрай заботливо укрыл его, и повернул к тлеющему очагу, чтобы то не замерз, а сам решился прогуляться. Ему недаром померещилось, что-то таинственное зовет, приглашает. И это не злой враг — неожиданный союзник. Пока он и сам не мог внятно объяснить с собой, но действовал уверенно. Услышав, как сова отправилась на прогулку, легонько взмахнув крыльями, тихонько открыл запасную дверь и вышел.

Пустынная площадь встретила приятным ночным воздухом, туман укутал от лишних глаз. Фрай не знал, кого ожидает, ведь за ним должны заехать, только вот кто? Где-то вдалеке послышался цокот копыт. Будто наваждение, но туман прорезала темная карета, скрипучая, как старая повозка. Лошадь неспешно промелькнула мимо молодого пастора, фыркнула, и со рта пошел пар, а кучер даже не повернулся, замотавшись в плащ с головой, хотя погода стояла теплая и сухая. Дверца приоткрылась, поступило бессловесное приглашение забраться вовнутрь, собственно, Фрай так и поступил. Внутри было достаточно темно, но он разобрал дамский силуэт, обтянутый в черные шелка, дама тоже пока не оборачивалась, будто никто не заметил нового пассажира. Дверца захлопнулась и экипаж тронулся. Он шел так мягко, будто не было на его пути кочек и рытвин, даже фонарь не колыхался, Уэнсли надоело молчать, он решил заговорить:

— Здравствуйте, меня зовут Фрай Уэнсли, я услышал ваше приглашение, но хотелось бы узнать, кто вы такая?

Дама повернулась, не снимая траурную вуаль с лица:

— Что хотел услышать, гость мой? Почему я вдруг прислала экипаж. Потому что дар всему виной. Потому что, ныне я твой страж.

Дамочка выглядела очень странно, говорила стихами и тут в голове Фрая начал напевать знакомый мотивчик, что слышал он однажды в доме Хэнкинса: «... уж лучше топтать сотню миль, или бежать бегом. Чем, встретив этот экипаж, увидеть леди в нем...». Но это было так невероятно, это же была легенда о знаменитом дартмутском призраке, неужели повстречал эту самую леди, но тогда ведь он умрет:

— Нет, путник, ты и ныне жив. Я не беру тебя я собой, лишь доведу я в лес густой, туда, где пролегает путь твой.

И очень скоро экипаж действительно остановился, и леди решила протянуть на прощание костлявую, высохшую руку, словно прощаясь. Фрай взял ее в ответ и тогда леди молвила:

— Однажды зло тебя уж победило, но ты не трусь, сейчас твоя зора...

Так они и распрощались, Фрай остался посреди рощицы, которая расступалась, образуя небольшую лесную поляну, а еще тут был холмик, и неожиданное наваждение снова перебрало в тот сон, где он повстречался со стражников ада. Карета тут же исчезла, отъехав от путника на несколько шагов, его провезли в тайное место, укрывши под пологом ночи. Только в последний момент заметил он, что всадник без головы и смотрит на него мглистой пустотой, и что карета состоит из костей, аккуратно уложенных и скрепленных черной смолой. А по четырем углам удобно расположились четыре человеческих черепа, будто пажи, сопровождающие свою госпожу.

Пастор обошел холмик, выискивая потайную дверь. Он вспомнил, как сейчас, что однажды выходил отсюда и направлялся в сторону замка. Ночью незаметно было угрюмое

здание, но ведь туда точно должна вести тропка. Он осторожно обходил, поворачивался спиной к холму и изучал местность. Ему в подмогу светила убывающая луна, иногда прячась за тучками. Наконец, он в очередной раз повернулся к лесу и сумел разглядеть подобие старой тропы, порослей тут было мало, будто не тревожил молодняк своих седых предков. Тогда Фрай прислонился к холму, будто его простукивая, ведь дверь будет не из земли, а из камня. Его костяшки гулко отдались от чего-то твердого, он спешно начал отрывать травяной покров, не жалея своих ухоженных рук, и нащупал каменную глыбу. Вот она, потайная дверь. Но как же ее открыть, не оттаскивать же силой, тут нужен целый отряд Батлера, а не его тщедушное тельце. Но ведь дверь, наверное, имеет потайной замок, может если прижать какой-то камень. Фрай начал изучать строение гладко обтесанных кирпичей, уложенных аккуратно и расчетливо. Его размышления оказались верны, какой-то из камней поддался, и дверь сама отошла в сторону.

Здесь было темно и пыльно, столько времени прошло с тех пор. Вот висят потухшие факелы, ибо не было кому убрать их. Благо, Фрай прихватил огневище и после пяти минут возни, один из светочей вспыхнул мерным огнем. Все так и осталось на своих местах, вот только деревянные ворота, прикрывающие проход были закрыты, будто кто-то все закрыл специально и даже дверь. Значит, после ухода Фрая в теле стражника, тут был еще кто-то, может тот самый темный маг, что превратил Фрейлин в сову? Пастор опасливо изучал помещение, удостоверившись, что древнее зло не стало таиться в бункере в ожидании вот такого вот простака, что ночью откроет тайное помещение. Но никого не было, неожиданно под ногами что-то хрустнуло, это была человеческая кость. На полу все еще лежал скелет графа, оставленный там, где они поговорили. Фрай нагнулся над ним, печально осмотрев, как время и тлен превратили живое тело в грудку костей, грозящих рассыпаться в руках. И вдруг он услышал тихий шепот: «Достань свиток, он поможет...» — пронеслось подле него легким дуновением ветерка. Видимо, духи разговаривали со святым отцом. Действительно, в еще полностью не истлевшем камзоле выглядывал пожелтевший сверток, со сломанной печатью. Фрай торопливо положил этот документ себе в сюртук, потому как читать в полутемном помещении, было трудно. Он дальше начал осматриваться. Подошел к каменному помосту, все случилось здесь — глашатай говорил заклинание, они повторяли и возносили руки, как будто встречали Брахту. Но если провести ритуал наоборот, нужно его провожать и стоять к открытому проходу спиной с опущенными руками. Дивная догадка пришла Фраю в голову, ну как же он раньше не догадался — говорить нужно будет, стоя спиной и заложив руки, а еще склонив головы, будто прощаясь. Вот только как чудовище загнать сюда добровольно, вряд ли найдется то передвижное средство, что сумеет доставить мощного монстра, если его еще изловят. И снова скользнуло в голове тихое нашептывание: «Он последует за тобой...».

— И как мне его уговорить пойти за мной?

«Он последует за тобой...» — повторялось эхом, хотя едва слышалось в ушах.

— Только вот нужны чаши, и нужно попросить у пламени, как делал тогда глашатай, он просил помощи. Нужно будет провести обряд и повернуться спиной, как только проход откроется, а затем проводить чудовище, — пастор рассуждал сам с собой и его безмолвные собеседники сохраняли тишину. — Видимо, придется кому-то собой пожертвовать, добровольно, это чудовище не уйдет отсюда, не покинет Кровавый Алтарь.

А еще оставался этот маг, о котором никто ничего не мог сказать, если Фрейлин что и знала, предпочитала молчать. Всегда возникала закрытая дверца в их доверии, что

постоянно портила дружбу.

— Если вы мои безмолвные союзники и хотите мне помочь, я прошу рассказать мне о моих врагах! — выкрикнул Фрай, но лишь спугнув ночную тишину, ответа не было, все так же мерно горел факел и дул прохладный ветерок.

Не дождавшись ответов, Уэнсли решил покинуть жертовник, снова нащупал потайной камень и дверь закрылась. Завтра он покажет все свои находки непримиримым таборам его союзников, а на сегодня пора возвращаться домой. В лесу прогуливаться в одиночку очень опасно, может леди сжалится над ним и снова пришлет экипаж, но не было тут никого. Придется топтать пешком, ох, как взорвется Эдвард, узнав о таком проступке племянника, хотя может его пропажу никто не заметит? Маленькая надежда тлела в уголке души.

И снова это чувство опасности, которое охватило изнутри, неужели нечисть за ним следила? Если надумает отыгаться сейчас, вполне выйдет победителем. Фрай забыл прихватить сумку — он полностью безоружен. Его треволнения были не напрасны, во тьме сверкнули два красных уголька, и что-то ехидно рычащее приближалось. Черно-серый волк медленно подходил к Фраю, дождавшись удобного момента. На какую-то секунду показалось, будто он сам заманил экзорциста в глухую чашу, устроил все это представление, прислал экипаж, чтобы вот так безопасно с ним разделаться, без свидетелей. А ведь Фрай собственными руками пресек всякую помощь, которая бы к нему последовала. Волк чувствовал замешательство молодого джентльмена и улыбался своей звериной пастью — попался простофиля на крючок. Тогда зачем все эти сложности с открытием жертовника, неужели нельзя было разделаться сразу, как только тот вышел из экипажа?

Фрай не успеет открыть громоздкую дверь, просто не хватит времени, да и волк почти дышит в лицо, но тут же он почувствовал, как небольшое шарообразное облачко шмыгнуло подле него, взъерошив волосы легким дуновением, и поплыло в сторону волка. Зверь разинул пасть, но потом оскалился и начал прогонять облако, не давая ему подобраться ближе и не выпуская из виду. Фрай на всякий случай решил ретироваться и отошел на несколько шагов, но рычащий зверь заметил передвижение человека и уставился на него, на миг забыв о парящем шарике, а тот воспользовавшись заминкой, нырнул ему в ухо. Волк неожиданно подпрыгнул, оскалился, будто готовясь к прыжку, но тут же замотал головой, начал выгибаться, пуская пену. Ничего не помогало, будто что-то доставляло ему боль, потом зверь и вовсе завалился на бок, начал кружиться на месте, вырывая клоки шерсти и скуля. Да, этот волчина скулил и фыркал, будто в него выстрелили солью и перцем в глаза. Он снова подпрыгнул на ноги, мотнул головой, второй раз — ничего не помогало, тогда зверь бросился и ударился об ствол векового дуба, да так, что дерево трянуло а его отбросило на несколько шагов назад, брызнула кровь и тут чудовище успокоилось, мотнуло пару раз головой и отправилось к Фраю, который делал шаги назад постепенно, а теперь бросился наутек, питая надежду, что петляя, сможет укрыться от преследователя. Вот только зря он надеялся, волк догнал его в несколько недолгих прыжков и сбил с ног. И навис над Фраем, который в последнюю секунду перевернулся на спину.

А потом были мучительно длительные мгновенья, пока волк смотрел на человека, но не нападал. И еще одно, у него изменились глаза, раньше они отблескивали красными огоньками, теперь поблекли, будто застлались пеленой и стали зелеными, немного смахивающими на человеческие:

— Прости, преподобный отец, что сбил тебя, — заговорил волк вполне обычным мужским голосом. — Просто тогда мы бы не поговорили, и я бы зря проделал это

путешествие в мир псины.

— Кто ты такой? — поинтересовался Фрай.

— Меня зовут Альфред Маулик, граф Мальборо. Хотя нынче, я скорее бесплотный дух, блуждающий по земле.

— Граф... — отозвался Фрай. — Вы знаете меня?

— Да, я успел поговорить с тобой перед своей смертью, и все это время наблюдал в надежде снова сойтись в беседе.

— Но я тогда был во сне, в теле обычного стражника.

— Когда у тебя есть века, чтобы подумать... впрочем, тот сон был наведенным, видимо вам помогли увидеть, как все происходило.

— Это правда.

— А сейчас я скажу вам, что очень хочу помочь исправить былую ошибку, потому что нет мне покоя и прощения за то зло, что я вызвал в эту долину.

— Милорд, смею спросить, это вы прислали за мной экипаж и нашептывали ответы?

— Я и многие другие, пострадавшие в ту роковую ночь.

Он слез с человека и Фрай уселся, приготовившись слушать и задавать вопросы:

— Расскажите мне прежде про мага, который был в вашей свите и уговорил вас открыть проход для стражника ада?

— Самое ужасное, что это мой друг Персиваль, с которым я делился самым сокровенным. Он первый поздравил меня с помолвкой, хотя, как я узнал потом, безумно любил Агнесс. И он спровоцировал меня отомстить за опороченное имя, лучше б я действительно учинил развод, отделался позорными насмешками, но не выпустил демона... — волк горестно покачал головой.

— Агнесс, леди Мальборо, — повторял Фрай.

— Да, это моя супруга. Я не любил ее достаточно, польстился на красоту. А она полюбила другого, этого злополучного виконта, да еще у меня под носом. Тогда Персиваль и начал меня подзуживать, заставляя следить за ней. А она про все узнала и бежала с Льюисом. И во мне вскипел гнев, затуманивший всякий здравый смысл — вызвать демона и направить его силу, разрушив поместье Дарквудских лесов. Но только демон не послушался, он шел по своей воле. А Персиваль, он не заходил в жертвовник, — легкая слеза скатилась по волчьей морде, — а ожидал снаружи и приклонился перед демоном.

Он вздохнул, видимо переживая те мгновенья своей жизни, когда не осознавал себя от гнева:

— Я рад только тому, что Агнесс умерла быстро и не мается лесами Дарквудса.

— Она не мается, потому что жива, — невозмутимо заявил Фрай, волк удивленно уставился на него.

— Твой друг Персиваль, он оживил ее, превратив в сову, и она долго служила ему, пока белый колдун каким-то образом ее не освободил от службы.

— Агнесс жива!?! — волк изумился, и выглядело это так забавно.

— Да, но она не зовется больше своим именем, называет себя Фрейлин.

— Потому что она была фрейлиной королевы, ее излюбленным занятием было блистать при королевском дворе. Ты ее видел?

— Да, она живет у меня в пасторате на правах компаньонки моей сестры.

— Я бы хотел когда-нибудь ее увидеть и попросить прощение, я раскаялся, потому что действительно не любил, но требовал быть ручной марионеткой.

— Расскажите побольше о вашем друге, мне нужно знать про мага, иначе я не смогу с ним сразиться.

— Персиваль Виргейн. Граф Шеффилд.

Фрай сначала силился вспомнить, откуда ему известно о графе, но потом просто вскочил на ноги.

— О Боже всемогущий, ведь это граф Шеффилдский, к которому в немилость впал мой дядя. Ну да, он втоптал в грязь нашу семью, потому что дядя освободил Фрейлин. Теперь все понятно. Как же все легко складывается, почему я раньше обо всем не догадался. Ведь дядя упоминал про зло, которое предотвратил.

— Твой дядя — белый колдун?

— Да, — невозмутимо заявил Фрай.

— Теперь я понимаю, откуда в тебе такие способности, ты можешь общаться с призраками, слышать нас. И потому демон боится встречи с тобой.

— Демон меня боится?

— Да, на алтаре есть выгравированная надпись, что «слышащий духов и видящий призраков, столкнется со злом, и демон погибнет от рук его сильных, как только в жертвник войдет».

— Некогда бы не подумал, что буду рожден для такой важной миссии, — ухмыльнулся Фрай, не веря своим ушам.

— Я помогу тебе и все призраки, обитающие в окрестностях Дарквудса, будут тебе помогать. Пока армия демона ничтожна, маг отсутствует и плетет интриги в другом месте. Но он тоже скоро пребывает, перед самым пробуждением демона. Вот тогда вы будете в опасности. И когда смерть будет смотреть тебе в глаза, воспользуйся своим даром и призови нас.

— И как же вы мне поможете? Вы ведь бестелесные?

— Увидишь, мы тоже есть сила, если объединимся. А теперь торопись, потому что скоро тебя начнут искать и дай мне завершить одно дело.

Фрай хотел еще что-то спросить у призрака, но тот ринулся к дереву и приложился к нему с двойной силой, голова волка, буквально откинулась назад и тварь издохла. А белое невесомое облачко вылетело из его уха и растворилось в лесной чаще.

Уэнсли поднялся на ноги и зашагал прочь от жертвника к себе в пасторат, пожалуй, ночная прогулка прибодрила его. Он дошел до самой площади, насвистывая песенку, когда на небе замаячила заря, вот только его уже заждались. Сова сидела на шпиле и смотрела на непослушного пастора, негодуяще угукая. Пастор взглянул на нее и хмыкнул. Но он даже не представлял, каких тумачков получит от одного обозленного родственника.

4 Глава. Последствия ночного переполоха

4 Глава. Последствия ночного переполоха

Уэнсли постарался тихонько пробраться к себе, но стоило ему пройти мимо гостиной, как оттуда его окликнул грозный зычный голос его дядюшки:

— Фрай Уэнсли, а ну немедленно иди сюда!!!

Молодой человек ощутил себя маленьким нашкодившим мальчишкой, которого сейчас отчитают, выпорют и поставят в угол. Но он не собирался признавать свою неправоту, с дядею можно поговорить и на повышенных тонах, но как только он вошел в гостиную, там уже собралась вся компания: разозленный дядюшка, багровый, как свекольный сок; Мария со страдальческим и заплаканным лицом; Фрейлин с искрящимися глазами; растроганная миссис Бонна и мужское население Батлеров.

— Мы собирались броситься на поиски, — спокойно ответил Фортрайд, пожалуй, самый невозмутимый из всей братии. Ну и его сыновья, правда, Джордж отрицательно мотнул головой, подавая Марии успокоительное, а Эндрю стоял белый, как стена.

— Как ты мог так предательски поступить?! — зашипел Эдвард, все еще пребывая в состоянии бешенства. — Зачем подсыпал мне снотворное?

— Потому что вы не могли договориться, — спокойно ответил Фрай и снял свою шляпу, он нашел свободный стул и сел на него, не очень хотелось, чтобы тебя отчитывали стоя.

— Ну, преподобный Уэнсли, вы нас неприятно удивили, — возразил Батлер. — Охота в первую очередь ведется именно на вас и так глупо подставляться, да еще в это беспокойное время, когда волк бродит по долине.

— Он уже не опасен, — спокойно молвил Фрай, изучая помятость своих штанин.

Вся компания на него уставилась — кто с ужасом, кто с непониманием, а кто до сих пор злой.

— Ты сразился с волком? — не выдержала Фрейлин.

— Нет, я не мог сражаться с волком, я даже походную сумку не взял, он убил себя сам.

Снова мгновенье молчания и недоумевающие взгляды:

— Я очень устал, — хмуро ответил Фрай. — Я нашел жертвовник и кажется подробности подготовки к ритуалу. — он достал свиток и посмотрел в него, так и есть, это было подробное описание ритуала на нормальном, хотя слегка устаревшем, английском изречении. — Если кто хочет подробнее ознакомиться...

— Как волк мог убить себя? — не выдержала Фрейлин. — Он же нечисть.

— На всякую нечисть найдется свой шарик-призрак, — шутливо возразил Фрай, поддавая свиток мистеру Батлеру, у которого после такого заявления глаза стали, будто у гончей.

— Фрай, не шути над нами, мы пережили отнюдь не легкую ночь, я тебя повсюду искала... — чуть не залилась слезами Фрейлин.

— Со мной было все в порядке, — отрапортовал Фрай Уэнсли. — Меня подвезла леди, я нашел потайную дверь и как она открывается, взял этот свиток и переговорил с твоим мужем, когда он был в теле волка. Потом он просто разможил волку голову и тот издох, что еще вы хотите от меня услышать?

— Ты... ты с кем переговорил? — аж заикнулась побелевшая Фрейлин.

— С призраком твоего мужа, графом Мальборо, он обещал мне помочь, а еще рассказал

очень важные сведения, которые вы хранили от меня в тайне, да, дядя. Ведь это граф Шеффилд — тот темный маг, что превратила Фрейлин в сову, а с тобой поквитался посредством притеснения всего рода?

Эдвард Уэнсли молчал, меняясь в лице с той стремительной разительностью, что Мария начала опасаться, за его здоровье:

— Это тебе призрак сказал? — спокойно поинтересовался он.

— Конечно, потому что мое семейство покрывает страшного врага от меня, как прячет огонь под одеяльцем у кровати малыша.

— Не стоило тебе интересоваться этим человеком, он очень силен и опасен. А самое страшное — обладает той силой и могуществом, которые действительно могут принести неприятности. Я сам хотел его одолеть, но теперь мне не отделаться от тебя, ведь я прав?

— Конечно, не отделаться, так же как мне не отделаться от своего предназначения — загнать демона в ловушку.

Мария ахнула и чуть не потеряла сознание, Джордж Батлер легко подхватил девушку, Батлер и Эдвард застыли от услышанного, а Фрейлин побелела, и к ней подлетел на помощь Эндрю. А вот миссис Бонна, обладающая габаритной комплекцией, и не поддерживаемая господами, рухнула. Все подпрыгнули на месте и срочно побежали помогать экономке.

— Что тебе еще рассказал этот призрак? — поинтересовался Эдвард, когда они с Батлером пытались сгрузить женщину в кресло.

— Про гравюру, которую видел на алтаре и про то, что я — слышащий духов и видящий призраков.

— Вот проныра вездесущая, — оттирая пот со лба молвил мистер Уэнсли. — Я, конечно, подозревал, что у тебя есть подобный дар, но не хотел об этом распространяться, вдруг это бы оказалось роковой ошибкой. И тогда ты был не прав, сказав, что избрав другое поприще, не был бы экзорцистом — теперь видишь, что духи достали бы тебя повсюду.

Суматоха меж тем потихоньку улеглась, кухарка приготовила завтрак на многочисленных обитателей и приезжих пастората и те худо бедно в тесноте, уселись немного перекусить. У Марии было аж два ухажера — отпрыски Батлера, Фрейлин помогал Эдвард Уэнсли, а Фрай и Фортрайд принялись беседовать:

— Поражаюсь, преподобный отец, от вашего умения делать переполохи в вашей семье, знатная выдалась ночка. Сова буквально пробила стекло в моем окне, и потом сообщила ужасные вещи, что вы пропали, а дядя ваш в отключке, — на этом месте Батлер ехидно улыбнулся. — Так вот, мы мчались стремглав, а мои люди вышли обыскивать лес, но ваш запах не брал даже нюх поисковых собак.

— Я же говорил, меня подобрал мифический призрак старой леди, чтобы не только ваши собаки, а нечисть не добралась.

— Но вы произвели еще больший фурор своим возвращением — достать такие ценные документы, отыскать жертвовник, вникнуть в проблемы и собственное предназначения. Теперь я уже нисколько не жалею, что свел с вами знакомство. Я прекрасно понимаю, как тяжело вам давалась наша вчерашняя размолвка, но ваш дядя не подпускает не только вас, он отпихивает любого, кто хочет помочь. А его упрямство и недалекость могут многого стоить... — он не договорил, поскольку ощутил недобрый взгляд на себе, Эдвард снова покрылся неровным румянцем, видимо услышав окончание беседы.

Но его соседка по столу выглядела, словно обьяелась белены: она сидела и молчала, не испытывая никакого аппетита при виде сочной отбивной, хотя всю ночь провела в поисках

Фрая. Новость о том, что преподобный отец говорил с призраком ее мужа, обеспокоила и опечалила ее. Прошное этой дамы не казалось ей безупречным, она старалась забыть многое, но человек, с которым она связала судьбу, и который был причиной многих несчастий, сумел непостижимым образом влиять и на будущее. Ее свиное чутье подсказывало, что их встреча еще состоится, но какой она будет, что они друг другу скажет — пока загадка грядущего.

Но одна парочка сумела опомниться от пережитого и даже найти крупицу радости — Мария и Джордж, они сидели и ворковали, шептались о произошедшем и сказанном в порыве гнева, но радовались, что видятся вновь, хоть и при таких несурзных обстоятельствах.

Когда Батлер и сыновья прибыли в пасторат, Джордж первым делом глазами отыскал перепуганную мисс Уэнсли и бросился ее утешать. Его брат всегда тяжело вздыхал, что не нашел еще в своей жизни подобного ангела, ради которого способен горы сдвинуть. Поэтому, теперь за столом, принимал пассивное участие в беседе. Местные девушки как-то меркли перед робкой и сердечной Марией. Мисс Стоксон была расчетлива, иные девицы глупы и навязчивы, а новая компаньонка Марии была прелестной и замкнутой и, видимо, влюбленной в пастора.

— И что нам теперь делать? — задал вопрос своей аудитории Эдвард, который совладал частично со всеми негативными эмоциями. — Ну, мистер Фрай, вы у нас важная шишка, которая поступает по велению своих прихотей, руководите нами.

— Чем же я должен руководить? — поинтересовался невозмутимый Фрай, уплетая свой завтрак.

— Нашими судьбами, ведь старшее поколение, желая обеспечить покой, отстраняет вас от всяких смертельно-опасных дел. И таким образом ущемляет вашу свободу. Вот теперь старшее поколение спрашивается, какие дальнейшие наши шаги в борьбе с нечистью?

Батлер хихикнул, он давно сдерживался всякими разными гримасами, но теперь смешок просто прорвался у него — неужели великий колдун так задет его словами, и так разобиделся, что решил продемонстрировать это в открытую? Фрай поначалу удивился, но потом сообразил, особенно взглянув на смешливого соседа, и сам прыснул от смеха. Каким уязвленным сейчас выглядел мистер Уэнсли, в отличие от своего племянника, так вот от чего он гневался — его обошли на повороте.

— Вы хотите знать мое мнение или мои планы в дальнейшей борьбе с нечистью, мистер Уэнсли?

— Конечно хочу, преподобный отче.

— Ну тогда я думаю, и эта светлая мысль посетила меня, когда я подходил к пасторату, что неплохо бы в ближайшее время организовать танцы.

На него опять посмотрели с недоумением. Батлер удовлетворенно сощурил глаза, предполагая, какая сейчас развернется эпическая сцена.

— И каким же образом изящные танцульки помогут нам победить зубастых и клыкастых монстров? — снова поинтересовался Эдвард, стараясь сохранять ровное спокойствие.

— Самым простым — у них не будет пищи. Они ведь питаются нашими страданиями, страхами, злостью. Но вот танцы и любой общественный прием, где люди наряжаются, общаются и веселятся, навеивает лишь приятные мысли, откуда же тогда нечисти брать силы? А самих горожан это отвлечет от смутных мыслей, они будут заняты приготовлением к торжеству. Да и к тому же, взгляните на нашу молодежь, они просто бледны и зелены от

просиживания в четырех стенах, — он небрежно кивнул на Марию и Джорджа, которые изумленно молчали, слушая пастора. — А красивые ритмичные движения послужат неплохой встряской. — при этом Фрай исполнил два неуклюжих па, от чего его нагладили смешками и аплодисментами.

Эдвард разинул рот, даже не зная, что сказать, Батлер от всей души потешался, это было отчетливо написано на его лице, остальные пока воздерживались от определенных мыслей.

— Ну же господа, чего кисните, — удивился Фрай. — Кстати, у моих дам есть новые платья, так будет повод их примерять. У Марии это первый выход в общество, так что я, пожалуй, убью целую свору зайцев одним прицелом.

— Великолепно, преподобный отец, — хвалебно воскликнул Батлер. — Наше общество давно в унынии, давайте дадим ему немного встряски. А где будем танцы проводить?

— Я подумываю договориться с мистером Стоксоном по поводу городской ратуши, она используется редко по назначению, собрания мы и в церкви неплохо устраиваем, а места там достаточно, чтобы немного поплясать.

— Миссис Батлер будет в восторге, сорванцы то мои всегда со мной, а она постоянно изнывает в одиночестве. Стоксона я беру на себя, да и украшение зала тоже, сделаем это благотворительным мероприятием, пусть дарквудцы порадуются.

На такой приятной ноте, преподобный отец пожаловался на усталость и пошел отдыхать, предоставив гостям и домочадцам самим себя развлекать. Впрочем, сегодня произошло еще одно интересное событие, которое Фрай пропустил, но не его семейство.

После завтрака, распрощавшись с деятельными Батлерами и предавшись легкому отдыху после ночного переполоха, Мария занялась шитьем, выспавшийся Эдвард читал газету, Фрейлин помогала своей подопечной, сматывая нити, как вдруг Нэнси сообщила, что приехал один весьма разозленный тип и потребовал встретиться с «наглым шалопаем».

— Он представился? — спокойно спросился мистер Уэнсли.

— Сказал, что отец «этого пройдохи», — Нэнси выжидающе уставилась на мистера Уэнсли, как второго по важности господина, после преподобного отца.

— Мой братец пожаловал, — спокойно сказал он дамам, только вот Мария побледнела, предчувствуя беду, а еще ужаснее — свой скорый отъезд. — Зови его сюда, милая девушка.

Через минуту озлобленный Джон Уэнсли влетел в гостиную, застав врасплох всю братию.

— Ты? — шикнул он на брата, потом перевел взгляд на дочь. — А ну вон в мою карету, дерзкая девчонка, как ты посмела перечить отцу?

Мария вжалась, не зная, что ей делать — бежать и собирать вещи или оставаться здесь, и Фрай ушел отдыхать, ей не у кого спросить совета.

— Прекрати на такой манер разговаривать с собственной дочерью, она тебе не сторожевая собака, чтоб ею так помыкать, — отчеканил Эдвард, спокойно сидя в кресле и не меняя позы.

— Да с тобой вообще никто не разговаривает, паршивец! Приехал, запудрил головы моим детям, а теперь еще и командуешь ими.

— Я никому никакие головы не запудривал, только сказал правду. Если тебе не угодно, чтобы они знали иную версию, в отличие от той, что вы плели с Роджером, то тогда прошу на выход, собственно мы тебе не рады.

— Без нее я никуда не уеду! — он ткнул пальцев Марию. Все это время Фрейлин сдерживала себя, чтобы не сотворить какое-нибудь волшебство и не осадить наглого

визитера, только из уважения к Фраю и Марии.

— Она не хочет возвращаться туда, где ее посадили на короткую цепь и кормят объедками. Ты не дал ей достойного воспитания, не содержишь молодую девушку как положено, да еще и помыкаешь ею, словно прислугой. А ну прочь отсюда, это не твой дом, это жилище твоего сына, и он вправе, на правах брата, приютить сестру без твоего позволения.

Джон Уэнсли выпрямился во весь рост и угрожающе подошел к Эдварду:

— Молчал бы ты про права и мое позволение. Я ее родитель, и я вправе распоряжаться ее судьбой, как посчитаю нужным; если скажу сидеть дома до скончания ее жизни, она будет сидеть и выполнять мои приказания. Прикажу кормить водой и хлебом и будет всю жизнь есть только то, что я разрешил.

Глаза Эдварда опасно сверкнули и он тоже встал, горделиво выпрямившись:

— Вот так ты и с Рейчел поступал, милый братец — оскорблял, унижал, запрещал. Извел в могилу раньше срока этого неземного ангела. Да за такое поведение я сам с тобой расправлюсь, — его взгляд отяжелел, налился непонятым свечением, а Джон начал потихоньку ретироваться, не на шутку испугавшись. Таким он своего брата еще не видел.

— Что ты со мной хочешь сделать?

— Прогнать восвояси, чтоб и духу твоего в Дарквудсе больше не было. А если не прекратишь третировать несчастную Марию, клянусь честью, я превращу твою жизнь в такие муки, от которых ты не будешь знать спасения даже после смерти. А теперь вон отсюда, боров поганый. Роджеру передавай наилучшие пожелания. Катись к черту! — он так гаркнул, что Джон сорвался с места и выбежал в коридор, будто за ним гналась свора разъяренных собак, даже забыл прихватить шляпу.

Девушки сидели, все еще молча, опасаясь привлечь к себе излишнее внимание. Наконец, когда послышался звук отъезжающей кареты, Мария с облегчением вздохнула и обмякла в объятиях Фрейлин. Она вся тряслась, переживая от произошедшего разговора, о том, что о ней думает отец, и как ей чудом удалось избежать ссылки домой и его гнева. Впрочем, Эдварду эта мизансцена только помогла излить копящееся негодование, он выдохнул, поправил наряд и улыбнулся самой лучезарной улыбкой:

— Милая моя племянница, — молвил он. — Раз уж это будет твой первый выход в свет, я хочу сделать тебе небольшой подарок. Брат подарил тебе новые туалеты, а я хочу подарить кое-какие украшения, ведь всякая девушка должна блистать в обществе, а ты достойна большего. Не против ли, пройтись со мной и Фрейлин до ближайшего ювелирного магазинчика?

Мария покраснела от смущения, ее буквально упрашивают пойти и купить себе что-нибудь. Но благодарно согласилась, потому что речи дяди были такими мягкими и искренними. Фрейлин подарила колдуну приветливый смешок, и вся троица вскоре покинула пасторат.

Тем временем, город уже гудел, как только мистер Батлер отыскал мистера Стоксона и сообщил, что желает занять городскую ратушу и устроить там танцевальный зал для общественных приемов и что первые танцы уже состоятся в четверг, потому что за три дня он все устроит. Мировой судья поделился этим предложением со своей семьей, а Хана не удержалась, чтобы не сообщить о великом торжестве нескольким своим подругам. Новость разлеталась, будто горячие пирожки у булочницы, а та была рада стараться сообщать ее каждому покупателю. Ювелирная лавка находилась в двадцати минутах ходьбы от площади,

на престижной улице. Это была оживленная часть Дарквудса и все приветливо здоровались с мистером Уэнсли, его родственницей и компаньонкой. Сегодня было радостное настроение у многих, потому что нет ничего приятней, чем танцы. А еще если кипучая деятельность мистера Батлера, который не мог и пяти минут усидеть дома, видна отовсюду. И многие дамочки, с которыми встречались прогуливающиеся герои только и говорили:

— Мистер Батлер такой молодчинка, мы знали, что хоть он и богат, но очень отзывчивый человек, это же надо, устроить благотворительные танцы, да еще за свой счет. Ах, какой милый человек.

— Хм, — недовольно хмыкнул Эдвард, — кажется, идею Фрая легко переварили в идею Фортрайда и теперь он такой пушистый благодетель.

— Но он же взялся воплощать все в жизнь, а это кое-какие затраты, — отозвалась Фрейлин.

— Я тебя умоляю, для виконта это сущие копейки.

— Вы постоянно упоминаете, о том, что он виконт? — удивилась Мария. — Но тогда его нужно величать милорд и обращаться — сэра.

— Понимаешь, Мария, — ответила ей Фрейлин. — Он не хочет пока раскрываться, и попросил Фрая не распространяться об этом. Это тайна.

— Я понимаю, но тогда Джордж...

— Наследник виконта, — улыбнулся Эдвард.

Они прошли и дальше, прогуливаясь оживленной улицей Дарквудса.

5 Глава. Задорные провинциальные танцы

5 Глава. Задорные провинциальные танцы

Нет ничего веселее и торжественней, чем общественные балы. Это увеселительные мероприятия, которые проводятся в специально нанятом зале. Обычно хозяева, арендующие залы, получают неплохой доход, потому как плата за вход, хоть и не большая, но при большом потоке людей, расходы окупаются быстро. То и дело — благотворительные балы, которые обычно бесплатны и созданы, чтобы польстить чести какого-нибудь знатного вельможи. Вот и в Дарквудсе, мистер Батлер решил приобщить к своему имени еще и благотворительность, занявшись благоустройством местной ратуши, украсив ее, пригласив музыкантов и заказав скромное меню и напитки. В основном это были закуски, купленные у местных лавочников и состоящие из выпечки, мясных изделий и фруктов. Из алкоголя — игристые вина, портвейн. Подавали так же кофе и цейлонский чай. Поэтому, каждый для себя мог найти развлечение. Бедняки не приходили на такие торжества, но им тоже перепало поесть бесплатных булок, запивая из недопитых бокалов. Жители Дарквудса не отличались богатством и дворянскими фамилиями, это был средний класс и богатые фермеры, да несколько промышленников. Все они сейчас собирались в ратуше, переименованной под танцевальную залу, общались, смеялись, дамы мерялись нарядами. Если учесть какой переполох наступил в модной лавке, когда новость о танцах распространилась по Дарквудсу. Сметали любые интересные ткани, швеи буквально зарабатывали по шиллингу в час, если не больше, перешивая и выкраивая. Но сейчас столь пестрое общество, собравшееся тут, то и жаловалось, что праздник наступил так скоро, что пришлось одевать старые туалеты. Молоденькие девушки, не избалованные подобными мероприятиями, томно ворковали, бережно хранили бальные книжечки в которые они впишут свои приглашения. Старшее поколение пришло не ради танцев, а чтобы посплетничать, да понаблюдать, господу чтоб выпить бесплатно и покритиковать несносные налоги. Слуги суетились разнося подносы с угощениями и напитками. Прибыл экипаж Батлеров, которые на сей раз взяли свою лучшую выходную карету, запряженную четверкой маститых скакунов. Фортрайд одел столичный сюртук, его жена тоже знатно приделась, пребывая в блаженстве от происходящего, какая чудная мысль пришла преподобному отцу — устроить танцы и объединить всех. Молодые господа тоже приделались, Джордж только и мечтал пригласить Марию на два первых танца, потом немного потанцевать с другими и снова ее пригласить, он не думал, что небольшое попустительство в провинции повлечет кривотолки. Собственно говоря, он заезжал с отцом в пасторат два раза, чтобы увидеться с Марией и ее пригласить, но девушки почему-то не оказывалось в гостиной, она была занята. Хотя, как пояснил Фрай, дамы пребывали в постоянной подготовке к торжеству, может, поэтому она и не выходила к гостям, как делала это обычно. Батлер похлопал сына по плечу, мол, девушки бывают такими занятыми, когда готовятся к балам. Но нынче молодой человек, о котором заговорили с немалым интересом, только и выискивал ту единственную, которая занимала его мысли. Но ему сообщили, что пастор и его родня еще не приходили, поэтому он запасся терпением. Фрай действительно не спешил, ему до ратуши рукой подать, а дамы все наряжались и перенаряжались, в общем, вышли довольно поздно. Эдвард Уэнсли тоже приделась, его наряды каждый раз поражали своим безупречным кроем и вычурностью. Нэнси позволили сопровождать Марию и побыть в холле для слуг, от чего

девушка приободрилась и тоже на свой лад приоделась.

Когда пастор с семьей вступил в зал, там было полно народу. Мария поначалу немного робела от такого количества глаз, ее изучающих, но Фрейлин подтолкнула подругу, посоветовав держать нос по ветру и никогда не опускать, сама дама тоже пребывала в восторге, давным-давно она любила подобные мероприятия. Чтобы показать подруге, как надо вести себя в обществе, она подошла и поздоровалась с миссис Хэнкинс, поговорила с ней о принятых вещах — величине залы, количестве приглашенных, какие чудные вокруг наряды, и как рада она видеть жену привратника в добром здравии и веселом настроении.

— Ты должна подходить к представленным тебе друзьям и разговаривать с ними. С не представленными не говори — это нарушение этикета, — посоветовала опытная компаньонка молоденькой девушке.

Фрай был знаком почти со всеми и разговаривал часто, но в основном здоровался, заговаривал о здоровье и погоде, нескольких общеизвестных речах и удалялся к другим. А вот бедняжка Мария могла только приседать в реверансе и робеть. Знакомые сами к ней потянулись, миссис Батлер первой заметила молоденькую мисс и пошла к ней навстречу:

— Я так рада вас видеть в полном здравии, — произнесла она, обращаясь к семье пастора. — Так давно с вами не виделась, все эти дела, Фортрайд меня никуда не вывозил, а сегодня такое чудное мероприятие.

Тут же подросли двое ее сыновей, Джордж прямо расцвел, увидев, как преобразилась Мария, как красиво алели ее щечки. Он вежливо поклонился, девушка сделала реверанс:

— Разрешите пригласить вас на первые два танца? — без заминки произнес молодой джентльмен, дама немного смутилась, но одобрительно кивнула.

Потом они поговорили в общей компании, но Мария не проронила и двух слов, опустив глаза в пол от смущения. Ей прощали подобное поведения, ссылаясь на то, что девушка просто не бывала никогда на балах. Впрочем, остальные собеседники довольно свободно разговаривали и шутили. Батлер был в ударе, рассказывая все курьезные ситуации, связанные с подготовкой, его жена уточняла, какие ей пришлось давать распоряжения, и как она долго примеряла наряды. Преподобный Уэнсли рассказывал, как ему пришлось непростительно задержаться, из-за того, что у некоторых дам была заминка с выбором ленточек, Фрейлин тоже отшучивалась, Эдвард чуть не затеял с Фортрайдом шуточный спор, Эндрю принялся быть судьей. А Джордж все время любовался смущенной Марией, даже не пытаясь ее разговорить.

— Почему ты такая молчаливая? — тихонько спросила ее Фрейлин, стоило им ненадолго остаться наедине. — Эти люди вхожи в наш дом постоянно, и раньше ты не была такой молчуньей.

— Я испытываю нынче муки, — проронила Мария. — Я не могу, как и прежде, общаться с Джорджем, ибо вижу в этом неподобающее нарушение: мы из разных кругов, нам никогда не светит быть вместе, так зачем же так крепко друг к другу прикипать.

— Ты намекаешь на то, что однажды он примерит титул виконта?

— Именно, а виконты женятся на знатных и родовитых невестах, я ему не чета.

Фрейлин мягко пожурив подругу, понимая, что зерно истины в ее словах неоспоримо: молодые люди уже очень увлечены друг дружкой, а если дойдет до помолвки, согласится ли мистер Батлер на столь опрометчивый брак, это же мезальянс? Она вспомнила свой печальный опыт, ей пришлось выйти замуж за человека родовитого и богатого, ведь она тоже была дворянкой.

— И все же, ты уже приняла приглашение, и тебе придется потанцевать с ним.

— Я и потанцую, но молча и безразлично, буду стараться, — на глаза навернулись слезы, но девушка постаралась их спрятать.

Скоро заиграла красивая музыка, кавалеры поспешили к своим приглашенным дамам и Джордж подошел к Марии. Она не смотрела на молодого человека, чтобы не прочесть в его глазах что-то очень опасное для ее трепетного сердечка. Он пытался заглянуть в глаза, пытался успокоить, потому что пока он рядом, о ней никто не заговорит плохого. Этого и боялась Мария, что Джордж будет постоянно рядом, как же тогда ей держать положенную дистанцию? Это был веселый деревенский танец, его разучивали в пансионатах, но Мария много не знала, часто путалась, кавалер поправлял ее, направлял и все равно любовался, даже когда у девушки получалось не очень хорошо.

Фрейлин тоже танцевала с Фраем, было бы удивительно, если бы они не танцевали первые танцы, а все начиналось так: накануне танцев молодой пастор подошел поинтересоваться, как долго дамам собираться. У дам в это время был полный хаос, они умирали от собственной беспомощности и даже Нэнси мало помогала. Но Фрай уточнил, как долго ему еще ожидать в гостиной. Тут не выдержала Фрейлин, она была в домашнем платье и вылетела из комнаты с намерением упрекнуть пастора во всех возможных грехах, что мужчины когда-либо совершили женщинам. Фрай буквально застыл от потока тех гневных речей, которые на него полились, а потом, смутившись, начал оправдываться, потому что хотел для дам сделать сюрпризы, но по задуманному не получилось, поскольку он же не может дарить их в суматохе, молодой человек протянул две шали. Тогда девушка смилостивилась и попросила прощение, а еще пастор поинтересовался, что можно ему будет хоть разок пригласить прекрасную подругу на танец, та сказала, что определенного кавалера не имеет, и было решено, что первые танцы за ним. Суматоха продолжилась, но уже в лучшем настроении. Эти двое держались уверенней и не тупили глазки от волнения.

Эдвард тоже с кем-то танцевал, это была немолодая вдова его возраста, которая расспрашивала, как надолго он задержится в этих краях, и есть ли у него планы остаться. Поначалу мистер Уэнсли не помышлял дурного, размышлял вслух, что родственники тепло его приняли, так что определенно он задержится и даже совет гнездо. Джентльмен предполагал, что поселится неподалеку от пастората, чтобы быть постоянно при племяннике и не стеснять их при этом. Но вдова рассудила это по своему, мол свободен для создания семьи. А она женщина с прекрасным домом, и не хватает в ее жизни теплоты родного человека. Постепенно Уэнсли заподозрил, что его берут в оборот, и берут достаточно серьезно. Проявлять панику и бежать прочь, может показаться просто некрасивым, пришлось понемногу ретироваться, и он начал придумывать себе разные вредные привычки, почему он так долго остается холостяком.

Эндрю тоже блистал, он пригласил сразу всех сестер Весли поочередно и ближайšie танцы у него уже были расписаны. При этом он проявлял хорошие манеры и просто дьявольское очарование.

И снова вернемся к нашим голубкам, Джордж все же не мог понять причины столь упорного молчания Марии, а девушка боролась с собой, не отвечала на его приветливые улыбки, хмурилась, как умела. Разговора во время танца тоже не завязалось, односложные ответы Марии не могли надолго упрочнить беседу. Вконец, молодому человеку немного надоело, и он спросил прямо:

— Мария, что произошло? Я все могу списать на твой робкий характер, когда мы в

большой компании, но сейчас мы одни, а ты продолжаешь молчать. Почему?

— Ничего, мистер Батлер, определенно ничего не произошло.

— Стоп, Мария, какой мистер Батлер? Что с тобой случилось, ты что-то услышала обо мне и злишься?

— Нет, я ничего дурного о вас не слышала, я не злюсь.

Он прервал танец, мягко обхватил ее за плечи и попытался в который раз взглянуть в глаза:

— Если ты не ответишь мне, что произошло, я даже не знаю, что я сделаю, просто умру, наверное, от отчаяния.

— Нет! — воскликнула Мария, но потом опомнилась. — Вам не следует говорить мне подобные вещи.

— Тогда скажи мне, что не так? — он смотрел с той искренней обеспокоенностью, которая лед способна растопить, а не только маленькое упрямое сердечко. Мария тяжело дышала, им пришлось отойти в сторону, чтобы не мешать танцующим, она боролась с самыми сильными чувствами, которые обуревали ее душу когда либо — любовью и совестью. Сердце просило уступить, потому как, не могут эти красивые карие глаза однажды наполниться безразличием, но совесть твердила, что подобная вольность может бросить в пучину отчаяния, когда она осознает, что ее место намного ниже.

— Я не могу вам сказать, что что-то не так, все просто прекрасно, и от этого мне больно, потому, что я не создана для сказки, мистер Батлер. Поймите это и чем скорее, тем легче будет потом, — она отвернулась, справляясь со слезами, а молодой джентльмен не мог понять, что успел такого натворить, почему она его сторонится. Может отец что-то такое проронил, он никогда особо не следил за языком, а трепетное создание приняло на свой счет. Было решено серьезно переговорить с отцом, а завтра встретиться с преподобным Уэнсли и спросится у него, он же ее брат.

Больше Мария не танцевала, сильные вихри чувств настолько ею овладели, что она рада была юркнуть под крылышко миссис Хэнкинс, которая не умела танцевать, а ее муж отлучился поговорить с господами, дама радо приняла молоденькую девушку под свою опеку. Джордж не решался подойти и заговорить с нею снова, понимая, что при посторонних такой разговор лучше не начинать. Он засел неподалеку и печально посматривал со своего укрытия на красивую головку Марии. И хотя распорядитель праздника намекал принять участие еще в танцах с молодыми девушками, он заявил, что больше танцевать не будет.

А вот Фраю пришлось нелегко, оттанцевав положенное с Фрейлин, он кожей почувствовал, как за ним следят два хищных глаза мисс Кэтрин Уорвик, которой не хватило кавалера, поскольку Джорджа Батлера теперь и огнем со стула не сгонишь. Она горела от злости, когда увидела, как он премило прыгает с «миссис Олдбрук» и как улыбается ей. Теперь он просто обязан ее пригласить, поэтому она внимательно следила, кого следующего он пригласит. Неподалеку Эндрю стоял в окружении сестер Весли и Ханы Стоксон, барышне теперь пришлось довольствоваться вниманием младшего Батлера, который не особо это внимание и проявлял. Дам много и если Эндрю выберет лишь одну, трое останутся свободными, а они на близком расстоянии. Нет, уж точно, если сидеть далеко, он не пойдет за ней через весь зал. Девушка в прямом смысле пошла в атаку, выпрямив плечи, она двинулась грациозно словно кошка, ловко лавируя среди прогуливающих парочек, но вот незадача, именно с Фраем Уэнсли она столкнулась, так ненароком, просто хотела подойти к

подругам, такая жалость. А молодой человек отошел от дамы по танцам, ох, как некрасиво получилось.

Тут снова началась музыка, а Кэтрин все еще стояла подле Фрая и он не мог просто уйти, и на свою голову спросился не приглашена ли дама на следующий танец, та замотала головой и печально произнесла:

— Мои танцы сегодня, видимо, предрешены, у нас так мало кавалеров.

— Тогда позвольте пригласить вас... — даже фразу не дала закончить, сразу в него вцепилась и потащила в круг танцующих.

Фрейлин со своего места отчетливо увидела ее ловкие увертки, и как эта девица буквально выбила из молодого человека приглашение, ох уж вертихвостка, так и стелется вокруг пастора. Она нервно теребила свои перчатки, готова была кусать их от досады — как только закончится танец, она ей устроит, уж точно устроит.

А Кэтрин просто сияла улыбками и заводила такие милые беседы. Она похвалила Марию, назвала ее прелестным ангелочком, таким чистым и чутким созданием. Потом восторгалась воскресными богослужениями, как нравится ей теперь церковь и что она будет приходить в храм почаще, хоть каждый день, Фрай устыдился, сказав, что он не бывает каждый день, много времени посвящает личным встречам с прихожанами или в борьбе с нечистью. Дама тяжело вздохнула, пожаловалась, что ее духовное просвещение настолько скудно, что можно легко превратиться в грешницу. Фрай пообещал, что если ей так надобно общение с ним, то он исповедает и выслушает ее в любое удобное время. Глазки Кэтрин мгновенно заблестели, она снова рассыпала золото своих усмешек и так смотрела на Фрая, что Фрейлин чуть не выронила бокал, когда пила.

Танец закончился, но нахалка продолжала занимать пастора беседой, вот тут в атаку пошла «миссис Олдбрук». Они беседовали о всяких пустячных мелочах, пастор рассказывал, как пришлось съездить на фермы и переговорить с встревоженными работниками, но в основном, вследствие принятых мер, нападения больше не повторялись. Мисс Уорвик слушала его так, будто он рассказывал, где отыскивал мешки с золотом.

— Преподобный Уэнсли, мисс Уорвик, — Фрейлин просто завораживала своими нежными речами. — А я вот ищу Марию, бедняжки негде не видно, не знаете, куда она могла пойти.

— Сидит подле миссис Хэнкинс, — ответила Кэтрин, даже не отрывая взгляд от преподобного отца.

— Но где сидит миссис Хэнкинс, не могу найти, в зале столько людей, не покажите ли мне, мисс Уорвик?

Кэтрин взглянула на Фрейлин так, будто хотела сейчас раздавить, чего она постоянно путается под ногами, эта замшелая вдовушка, вот бы и сидела возле своей воспитанницы, а не лезла в глаза с мнимыми поисками.

— Действительно, в зале много людей, нужно найти Марию, она может потеряться и испугаться, — проснулся Фрай, обыскивая взглядом всех присутствующих.

— Ах, преподобный Уэнсли, не переживайте, сейчас я покажу миссис Олдбрук где ее воспитанница и вы мне поведаете, почему же старик Данкс побоялся отправиться в курятник, такая занимательная история.

— Старик Данкс, — вмешалась в разговор Фрейлин. — Ох, я кажется что-то о нем слышала, преподобный отец, видимо вы рассказывали мне о нем раньше, а я сидела за работой Марии, ой, не могу вспомнить, у него какая-то болячка, кажется.

Она безмятежно заглядывала Фраю в глаза, пытаясь перебить собеседника у наглой вертливости. Но та тоже не сдавалась:

— Старик Данкс, верно, перенес страшную потерю близких, вы с ним об этом разговаривали? — Кэтрин так же взглянула собеседнику в глаза.

Фрай уже не знал, на какой вопрос отвечать впервой, он начал отступление:

— Что-то я не вижу моей сестры, пойду, пройду и найду ее сам.

— Ох, тогда я покажу вам дорогу, я знаю, где она сидит.

— Тогда я тоже пойду, она же моя подопечная, я должна следить за ней должным образом.

— А почему же вы так плохо следили до того, что потеряли? — не выдержала Кэтрин.

— Потому что, преподобный отец пригласил меня на танец, а моя воспитанница танцевала с мистером Джорджем Батлером.

Фрай заподозрил, что сейчас они наплюют на все правила приличия и набросятся друг на дружку, он поступил как истинный джентльмен — встал между ними.

— Я не думаю, что вам нужно сориться, дамы. Я уже отыскал Марию и пойду спрошу, как она себя чувствует.

— Ох, бедняжка, вероятно, устала с непривычки, помню мой первый выезда в свет, я так утомилась, — Кэтрин выдавила такой сочувственный стон, будто понимала, как нелегко сейчас приходится Марии.

— А сейчас вашей выносливости любая почтовая лошадь обзавидуется, — Фрейлин не могла пропустить колкость в адрес мисс Уорвик.

Фрай все же от них сбежал, и подошел к несчастной Марии. Она разговаривала с миссис Хэнкинс, но у самой лица не было, она умоляюще взглянула на брата и попросила отвести ее домой, ей очень плохо. На этом танцы для преподобного закончились, да и Фрейлин рада была отсюда убраться. Что у ж говорить об Эдварде, которому пришлось держать оборону от настырной миссис Санклиф, потому как, никакие вредные привычки ее не пугали. Все лишь бы создать домашний уют для одинокого холостяка.

— Как я устал с ней воевать, — пожаловался он всей компании, когда они ступили за порог. — Вам просто не представить.

6 Глава. О чем судачат призраки

6 Глава. О чем судачат призраки

Прошла, пожалуй, неделя со дня проведения праздника, это был уже вечер среды, когда Фрай вымокший до нитки вернулся после поездки с Эдвардом Уэнсли к окраинам города. Оба мужчины бранились на погоду, хотя нет ничего приятней теплых проливных дождей. Любое тревожное событие в округе не происходило без их вмешательства, но и в этот раз все оказалось банальностью — дикая лиса задрала двух жирных кур, разорвала их сразу у изгороди и оставила следы преступления. Фермеры тут же донесли о находках преподобному отцу, а тот изучил порванные тушки. Как только в округе исчез черный волк, больше не происходило столкновений с нечистью, что было очень странным поведение темных сил, неужели они затаились? Эдвард не верил в совпадения, он опровергал все версии лучшего исхода:

— Они чего-то ждут, или кого-то ждут. Ты не помнишь, что еще говорил тебе призрак? Эти бесплотные духи тем и хороши, что могут постоянно за кем-то следить.

— Маг прибудет перед пробуждением демона.

— Ах, вот оно что, действительно, демон очень долго дремлет. Но ведь его могут и потревожить, — он тревожно взглянул на Фрая, шедшего рядышком.

В холле их ожидали девушки, которые не смогли больше усидеть без работы и принялись плести венки из полыни, чтобы развесить у каждого окошка. Миссис Бонна с Нэнси обеспечили девушек заготовками, а те, не щадя нежных пальчиков, скручивали стебли в тугие жгуты, а потом узловато переплетали их. Фрейлин и Мария не беседовали, не щебетали весело и беззаботно, потому, что у каждой был тяжелый ворох мыслей. Мисс Уэнсли страдала, пытаясь отгородиться от раздумий, что терзали душу, по ночам она выплакивала горечь, днем была безропотной тенью своей компаньонки и все же, как ей казалось, поступила правильно. Что было бы, если бы в сердце заплескались радостные надежды, и она показала их своему избраннику, а он развел руками и уехал. Уж лучше сделать шаг назад самой, обрести покой и не тешиться призрачными иллюзиями. Фрейлин не тревожила думы подруги, она сама была недалеко в своих помыслах, на нее напустилась настоящая апатия от воспоминаний прошлого, и о тех ошибках, что допустила однажды. Фрай вошел тихо, принесся пучок полевых цветов, он с грустью взглянул на сестру, слабо улыбнулся подруге и отбыл к себе.

В понедельник, между братом и сестрой произошел серьезный разговор. Преподобный отец не мог больше молчать, наблюдая за бледным личиком Марии, затуманенным взглядом и заплаканными глазами:

— Мария, что с тобой происходит? Ты сама не своя. Может послать за врачом?

— У меня ничего не болит, — удивилась сестра, которая вот уже полчаса силилась приняться за шитье, но водоворот мыслей не давал слаженно сосредоточиться на работе.

— Тогда может, ответишь мне, почему так тщательно избегаешь общества семейства Батлеров? Я говорю так, ибо мне пришлось присутствовать при весьма серьезной беседе отца с сыном, они спрашивались, что побудило тебя затаить на них обиду?

— Они говорили с тобой обо мне? — грустно спросила Мария, испытывая заслуженный укор совести о ее бессердечном отношении к друзьям.

— Они не могут понять причин твоего отчуждения, Джордж упрекает отца в том, что он

ненаароком обидел тебя.

— О нет, мистер Батлер меня нисколечко не обидел. Но прошу, брат, давай больше не будем об этом говорить, пройдет время и я сама обо всем поведаю, но не сейчас. Это доставляет мне горечь. Но скажи мистеру Батлеру, пусть не злится на меня, дело не в них, дело во мне.

— Но почему? Может я смогу помочь советом или делом.

— Вы все добры ко мне, даже чересчур. Я премного благодарна семье Батлеров, они показали мне невиданные высоты. Джорджа я никогда не забуду, столько добра он мне сделал... — слезы навернулись на глаза, о, если бы у нее сейчас хватило силы объяснить брату свои опасения. Но слова срывались с усилием, горло сжали тиски безмерного отчаяния, в той пропасти, в которую она себя вогнала. Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась. Больше Фрай не отважился ее тревожить, он попытался расспросить Фрейлин, как верную наперсницу, но она без согласия подруги не отважилась поведать потаенные горечи, ответив, что — придет время и все выяснится. Рыжеволосая красавица осторожно положила руку на плечо пастора, заглянула ему в глаза, пытаясь прочесть и свои домыслы, но преподобный Уэнсли смотрел на нее немного грустно.

Во вторник он отправился ужинать к Батлерам. В этот раз не было той развязной атмосферы, как прежде. Фортрайд пристыжено следил за своими речами, стараясь не произносить ничего вопиюще неподобающего. Сын упрекнул отца в том, что порой он грубит людям не замечая этого, и теперь отцу крайне неприятно было это осознавать. Сам Джордж принимал пассивное участие, безразлично ковыряясь в тарелке. Беседа частенько прерывалась, пока не был задан безобидный вопрос о самочувствии мисс Уэнсли. Молодой наследник тут же ожил на мгновенье, с интересом вслушивался в беседу с пастором, но тот не мог ничего определенного ответить:

— Я думаю, что Мария слегка перенервничала от переезда. Ее натура такова, что не склонна легко переносить перемены. В этом и кроется первопричина, я уверен.

— Но все было хорошо, — грустно констатировал Джордж. — Неужели все дело в танцевальном вечере, ведь она тогда стала отдаляться... назвала меня сэром, до этого мы общались, как друзья.

— О, Джордж, девушки — ранимые создания, — успокоила его мать. — Может Мария чего-то смутилась.

— Почему тогда она со мной не поговорила? — отчаянно спросил молодой человек. — Я бы мог понять любые ее помыслы, я бы помог. Но она избегает любых встреч... — он поспешно удалился к себе.

Фрай просто запутался в хитросплетениях женских натур, но он не мог слишком долго занимать себя любовными проблемами. Его тревожили иные мысли, от которых холодело в душе. Духи буквально ворвались в его сновидения, его дар проявлялся все сильнее.

Поначалу, это были смутные обрывки и отдаленные фразы, голосов звучало много, будто рой пчел решил поговорить с ним, понять суть их слов молодой человек не мог. Он просыпался с мигренью, которая уходила только в церкви, во время молитвы и осознания своего дара.

Вот и этой ночью, после объезда местности, духи снова заговорили с ним. В этот раз Фрай решил вступить с ними в диалог, посредством мысли:

«Проснись, проснись...», — нашептывали они. — «Он приедет, он скоро будет здесь».

«Кто приезжает, кто?» — Фрай обратился к ним мысленно, прозвучало довольно

властно, но это не отпугнуло говорящих.

«Тот, кто преклонит колени перед алтарем», — одиноко заблеял одинокий шепот, будто остальная братия боялась отвечать.

«Это темный маг, говорите?»

«Да», — мелькнуло в голове, потом спустя мгновение добавило: «Он что-то задумал, задумал...».

Фрай проснулся посреди ночи, покрывшись липким потом, что-то толкнуло его, выбросило из сна. Он неосознанно поднялся с кровати и пошел блуждать по дому, будто помешанный, наталкиваясь на предметы. Сейчас он слегка не владел собой, его сознание осталось в том, ином мире. Пастор потревожил покой летучей мышки, что мирно свисала с потолка, но не обратил, ни малейшего внимания. Проснулась встревоженная сестра, когда полетели на пол фарфоровый кувшин и таз, громко разбившись. Девушка торопливо накинула халат и спустилась на первый этаж, разузнать причины ночного шума.

Увидев брата, подумала, что он проснулся по той же причине, но его безучастное выражение лица встревожило девушку. Мария схватила его за плечи, мягко потрянула, чтобы тот проснулся. Но голоса в голове устроили настоящую какофонию, они мешали слышать настоящее, окружающую обстановку. Фрай так и не проснулся, его виски сдавило, он обхватил их руками, лицо перекосило от боли, глаза блуждали и не могли сосредоточиться.

— Брат, что с тобой!?! — закричала Мария, пытаясь достучаться до сознания. Она снова затрясла молодого человека за плечи, с той силой, что была ей подвластна, но даже от подобной встряски он не проснулся.

«Пойди за нами, Фрай», — гулко шептали голоса. — «Пойди и услышь, что слышим мы, загляни туда, где бываем мы...»

— Как я могу пойти за вами? — спокойно в голос проговорил пастор, уставившись в пустоту. Его глаза блуждали в комнате в поиске невидимого, не обращая внимания на движения испуганной до смерти сестры, которая голосила подле него.

— Фрай, не иди за ними!!! — взмолилась она, раздавая звучные пощечины, только вот никакая физическая боль не доносилась через призму глубокого сна — ни боль, ни звуки.

— Я должен, — холодно ответил он и двинулся вперед. Вдруг кто-то разбил окно, Мария вскрикнула от испуга, отпустила брата. Неужели преступник забрался в дом, но Фрай не видел этого, он был вне себя:

«Как я могу пойти с вами?» — мысленно заговорил он с духами, отыскивая их.

«Мы тебя возьмем с собой...», — зашептались духи. — «Ты должен нам довериться».

Они недосказали, а пастор рухнул прямо в руки того, кто влез в дом. Мария тряслась от страха, готовая лишиться чувств, но взяв себя в железный кулак, закричала:

— Фрейлин, на помощь!!! — и упала.

Фрай проснулся, он не ощущал себя, наступила такая легкость, казалось, молодой человек весил не больше перышка, перемещался дуновением ветерка. Вокруг него заплясали белесоватые полупрозрачные шарики, закружили, взяли в свой хоровод. В сие мгновение, он отчетливо видел их лица и осознанность, они оживали прямо на глазах. Фрай плясал вместе с ними в опасном танце. Они говорили с ним, рассказывали каждый печальную историю, как бесславно погибали от лап чудовища, растерзанные и брошенные, и не находили покоя в ином мире, блуждали в поисках искупления. Они страждут, затерявшись в вечности. Здесь нет ни горечи, ни боли, коими наполнена жизнь, но и радости нет, только горькие воспоминания об упущенных годах.

«Он пил наши слабости», — горько шептались призраки. — «Изводил и выбрасывал... Он придет, и будет играть с тобой, покупать обещаниями, он всегда так делает», — их белесоватые шарики отблескивали фиолетовым — сиянием печали.

«Никогда не допустит к алтарю, расставит ловушки», — решил откровенничать самый увесистый шарик, пока его товарищи молчали. Фрай кружился с ними, обдумывая, видит ли он очередной сон и как долго тот продлится: все было таким несущественным, вечность бы летать и не бояться.

«Ты не должен так думать», — хором затрубили млечные сгустки. — «Очень рано сдашься — пожалеешь...»

Хоровод исчез, и Фрай полетел вниз, но ему было совершенно не страшно, ветер плавно спускал его на землю, а сам человек испытывал головокружительную легкость, просто отдавшись стихиям. Наступило плавное приземление, пастор опустил и проник в жилище. Прыгнул сквозь крышу, удивился подобным способностям. Это был обычный дом, ни чем не выделяющийся особняк, вот только тени в нем перемещались, будто живые. Уплотнялись и тянулись щупальцами к незваному гостю, хотели поглотить в себя. Пастор не поддался, легонько оттолкнулся от подобного сгустка и очутился на безопасном расстоянии. Сейчас его помыслы наполнял интерес — взглянуть бы со стороны на себя, чем он сейчас является. Шарики больше не шептались с ним, все мысли принадлежали только ему.

«Где вы?» — спросил он мысленно, но никто не ответил. Но не зря же, духи перенесли пастора в этот дом, вот только что им надобно и как долго придется провести здесь? Его тело приобрело человеческие очертания, но не потяжелело, как был легче пушинки, таким и остался.

Пастор побрел по дому, не издавая ни единого шума, так перемещались призраки, а кем теперь являлся он? Ощущение помещения казалось иным, ничего не препятствовало ему, можно было оттолкнуться от земли и пересечь расстояние в полете. Фрай хотел обрадоваться наступившей эйфории, но не смог добиться эмоционального всплеска и ощущение эфемерной легкости исчезло, неужели он превратился в блуждающую душу? Он предпринял еще одну попытку связаться с духами, что некогда разговаривали с ним, но они молчали. Неужели по своей глупости оказался бесплотным духом, и его попросту обманули? Больше всего захотелось вернуться обратно к родным, что будет, если его тело обнаружат и сочтут мертвым? Уэнсли обхватил голову руками, какую же глупость он сотворил. А живые тени за ним наблюдали очень внимательно, пока что не тянулись своими плотными щупальцами, но в их перемещениях Фрай ощущал ехидную усмешку. А как правдиво выглядели истории, полные сожаления об утраченной жизни, неужели он купился? Захотел изведать неизвестное, и теперь вынужден будет скитаться неприкаянным призраком. Осталась только эта боязнь и внутренние тревоги, а больше никаких эмоций.

Его горестные размышления прервал стон. Поначалу Фрай не обращал никакого внимания на звук, занятый своими проблемами. Но жалостливый и мрачный вздох повторился, и уже привлек толику интереса. Если уж делать теперь нечего, почему бы не проведать того страдальца. Он легко скользнул вдоль стены и проник в соседнее помещение. Хорошо укрепленное, с решетчатыми окнами, и толстыми дверьми, словно в тюрьме. Странно, в жилом доме иметь подобные комнаты на первом этаже.

Глаза призрака созданы видеть реальность иной, нежели она выглядит в глазах живого человека: предметы тут сливаются с интерьером, потому как не представляют опасности, цвета теряют четкость, а вот живое души умерших видят настолько контрастно, будто это

центровая точка вселенной. Это связано с тем, что аура живого человека настолько многогранна и отчетлива, что скитающейся душе она покажется ярким алмазом. Поэтому увидеть человека в кромешной тьме было очень легко.

Это был живой узник, который безвольно прислонился к стене. Он пребывал в состоянии полного изнеможения, но не умирал, ему поддерживали жизнь, наверное, кормили периодически, но не часто. Об это свидетельствовала непривычная худощавость, что просматривалась сквозь холщевые одежды. Фрай полагался на свое зрение, которое передавало скорее состояние внутреннего страдания, хотя внешне на него страшно было глядеть: сгорбленный, заросший, высохший. Он тяжело дышал и периодически стонал, делая это из привычки. Открывал рот в направлении тяжелой двери, издавал звук и умолкал. Видимо, бедный человек ожидал, что так его услышат, но Фрай не улавливал ничего живого на ближайшем расстоянии, видимо беднягу действительно бросили подыхать. Как хотелось поговорить с ним, узнать в какое место угодила глупая душа молодого пастора, кто этот узник и почему он в заключении. Фрай и сам тяжело вздохнул, а узник неожиданно зашевелился и подал голос:

— Кто здесь? — его движения были наполнены опаской, будто любое присутствие было человеку не в радость. Видимо его пытали и издевались в этих стенах, но интерес он все же проявил, а может просто из чувства боязни заговорил. Что ж, вздох он услышал, услышит ли голос, попытка не пытка, Фрай решился рискнуть:

— Меня зовут Фрай Уэнсли, я священник, — отрапортовал он и удивился тому, что его осознано слышали.

— Фрай Уэнсли, священник? — молвил узник. — Почему я тогда тебя не вижу?

Молодой человек призадумался, как бы мягко и логично объяснить, что по сути этот бедолага разговаривает с душой, которую не может видеть. И что это происходит в реальности, а не плод его воспаленных фантазий:

— Потому что, тут темно, — ничего более логичного в голову просто не приходило.

— Святой отец, прикоснитесь ко мне, — попросил узник. — Я хочу ощутить живую человеческую руку.

Вот этого Фрай уж точно не сможет сделать, что может полностью лишить рассудка бедного человека, но честность может немного искупить упущение:

— Я не могу, у меня нет человеческого тела...

Узник недоверчиво заозирался и тяжело простонал:

— Это снова игры нечисти, ну сколько можно меня испытывать, когда уже придет мой покой!?

— За что вас упрятали в темницу? — не отставал от него Фрай, пусть сходит с ума, но поговорить они обязаны.

— Я им мешал, — на удивление спокойно ответил заключенный, которому приятней было хоть с кем-то поговорить, раз уж прикоснуться он не мог. — Я боролся с нечистью.

— Вы боролись с нечистью? — ошеломляющая новость, значит, есть еще священнослужители на пределах Англии, которые взялись вершить суд над нечистой силой. Воистину, случай Фрая не поодинокий, как он почитал до последнего.

— Да, долгие годы я был священником, а в моем приходе жили не только обычные миряне, но и темные силы, что помыкали ими, вот я и решил противостоять им, изгнать из человеческих жилищ.

— И где находился ваш приход? — Фраю становилось интересно с ним общаться, он не

услышал бред свихнувшегося, ответы преисполнены здравия.

— В Дарквудсе, — ответил несчастный.

— Вы были дарквудским священником? — не удержался от удивления Уэнсли.

— Да, меня зовут... сейчас, я помню... да, обязан помнить. Меня зовут Дориан Вейт.

Что? Преподобный Вейт? Фрай не ослышался, это тот самый пастор Вейт рукописями которого он пользовался чаще, нежели Библией?. Значит, его не убили?

— Вы же мертвы! — не удержался от восклицания Уэнсли, не веря в то, что говорил узник.

— Они подстроили мою смерть? Впрочем, это в их правилах — играть со смертными.

— Вы же не умерли в церкви, да?

— Не умер, меня похитили и бросили сюда для своих игр.

Фрай мог только удивляться от подобного поворота судьбы. Значит священнослужитель, которого вся округа почитала погибшим, просто спрятан в качестве узника.

— Где мы находимся? — требовалось теперь знать место его пребывания.

— Зачем тебе это знать, Фрай Уэнсли?

— Потому что духи забросили меня сюда, и видимо моей целью было отыскать того, кто являлся моим предшественником на поприще в борьбе с нечистым.

Узник уставился в темноту, осмысливая услышанное:

— Значит, людям внушили, что я мертв? Хорошо придумано, — он стал потихоньку шевелиться, проверяя, слушаются ли его конечности.

— Преподобный Вейт, прошу вас, ответить мне, кто именно вас похитил? И в чьем доме мы сейчас находимся? — Фрай почувствовал что ощущение безразличного спокойствия покидает его, появилось тянущее ощущение, осознание что ему здесь не место и кто-то выдворяет дух пастора и этой узницы.

— Он преклоняет колени перед страшным монстром и питается силой алтаря. Это его дом, и он стоит в лесу и кажется заброшенным, чтобы быть подле хозяина.

Дверной замок начал щелкать, кто-то силился открыть дверь:

— Они пришли за мной, — забеспокоился Вейт. — Добрый дух, уходи отсюда, они очень сильны, запомни, что у демона есть одна слабость... он очень боится...

Дверь открылась, узник замер, а Фрай почувствовал, что неведомая сила забирает его отсюда, но интерес перевешивал, он хотел спросить чего же боится демон, но прижался к стене, готовый пройти сквозь нее. В последний миг уловил краем глаза, как зажегся свет в темнице, узник соскочил от страха, а Фрай уцепился за плотное щупальце теней, чтобы увидеть лицо тюремщика. Узник неестественно вздрогнул, закричал, его глаза озарились красными бликами, потом и вовсе застыл в этой гримасе немощи и отчаяния. Видимо над ним колдовали, но Фрай не мог видеть кто, не мог сопротивляться. Невидимая нить привязки цепко ухватилась за него, он полетел прочь тем же путем, что прибыл сюда. Вокруг мерцал полупрозрачный свет, он ощущал себя маленьким шариком в капкане...

7 Глава. Порой худая беседа, лучше жирных домыслов

7 Глава. Порой худая беседа, лучше жирных домыслов

Стоит рассказать, что произошло с того момента, когда брат упал замертво у ног сестры. Мария пребывала в состоянии нервного потрясения, наблюдая, как мечется Фрай, не осознавая никого вокруг, разговаривая сам с собой, задавая невнятные вопросы и ответив настолько безразлично и обреченно на ее единственный отклик, вовсе перестал дышать. Никогда она не забудет, как мертвецки побледнело родное лицо, его руки заледенели.

Но горе ее разделяли не доверенные друзья, а какой-то проходимец, что залез в дом и вовремя схватил тело Фрая. Сестра пребывала в отчаянии. Но что она могла сделать, лишь позвать на помощь, призвать своих магических друзей. А неизвестный так и стоит, укрывшись мглою, и тяжело дышит. Она попыталась выхватить родного человека из рук проходимца, но зацепилась за опрокинутую табуретку и упала, ударившись плечом и щекой. Наступил болевой шок, девушка слегка потерялась и инстинктивно закрыла лицо руками. Хотя взломщик не причинил ей никакого вреда, он плавно подошел к девушке и склонился над ней. Мария судорожно всхлипнула, опасаясь самого страшного.

Тишину разорвал звон бьющегося стекла, и шуршание крыльев, а еще боевой клич совы, когда она вопиюще гаркнула на противника. Злоумышленник вовремя выгнулся, сова вцепилась ему в грудь, хотя метила в голову. Он звучно вскрикнул, отстранив нападающую птицу и отполз в сторону, хватаясь за окровавленную грудину и свою разорванную одежду. Видимо, сова глубоко вонзила острые коготки, от чего злодей не говорил, он простонал оправдание:

— Я же не враг! — его голос показался знакомым.

— Ты что это себе вздумал, Джордж Батлер!? — воскликнула разгневанная Фрейлин, уже перекинувшись человеком. Мария услышала знакомое имя и открыла лицо. В темноте она не могла видеть его, лишь силуэт статного джентльмена, склоненного в неестественной позе, видимо от нанесенных увечий. Совиные глаза видят намного лучше в темное время суток, поэтому Фрейлин с такой уверенностью опознала ночного злодея. А тот, справившись с болевым шоком, все же подобрался к лежащей девушке, чтобы помочь ей подняться. Марию буквально подняли в воздух и бережно усадили в кресло, а потом молодой человек уселся на пол рядышком, стеноя от нанесенных ран. Она легонько прикоснулась головы Джорджа, который положил ее на подлокотник, он взглянул на нее, их взгляды встретились. Его выражали разные эмоции — физическое страдание и эмоциональную радость, ее глаза таили страх, отчаяние и сострадание.

Тем временем, Фрейлин бросилась к лежащему Фраю. Удобно уложила его голову к себе на колени, пощупала пульс, послушала дыхание и завопила к своей помощнице:

— Бонна, Бонна, лети в лес, сообщи, что с Фраем беда! — на одном дыхании приказала девица, украдкой вытирая слезы.

Мария опомнилась, отвела взгляд от Джорджа, уставилась на брата, снова заплакала. Ее утешитель приложил прохладную руку к пылающей щеке, но даже, несмотря на боль, она прильнула к ней. Время застыло, биением сердца напоминая о реальности. Слезы горечи ручьем орошали щеки девушки и раненую руку джентльмена. Слезы смешивались с кровью и

ровными алыми каплями текли на пол, но эти двое не могли оторваться друг от друга. И все же, как эгоистична порой любовь, встретившись с милым, забываешь обо всем, хотя нужно помнить о бедном брате, что с ним случилось, как хотелось узнать, что все будет хорошо.

Очень скоро унылая компания услышала шаги, что гулко отбивались эхом в пустом доме. Кто-то стремительно шел. В дверях показался Эдвард Уэнсли, он был взволнован сообщением, что услышал из уст перепуганной летучей мышки. Сразу приблизился к Фраю, послушал его, прислушался:

— Его дух отделен от тела, — констатировал колдун, на подымая взгляд.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — спросила у него рыдающая Фрейлин, как только услышала приговор, сильнее обхватил молодого пастора в своих объятиях, будто мать дитя.

— Если он отлетел недалеко... я только попробую... ничего не обещаю.

— Сделай хоть что-то, — отозвалась девица, буравя колдуна взглядом.

Тот наклонился, начал что-то проговаривать, виртуозно выкручивать пальцы, прикасаясь к голове умершего человека. Потом вовсе обхватил его и прижался головой к сердцу. Наступили тягучие мгновенья в ожидании. Парочка голубков с затаенным интересом наблюдала, стараясь не нарушать тишины, Фрейлин тоже почти не дышала, наблюдая за магом. Маг говорил, будто во внутрь тела и затих.

Через несколько минут Фрай зашевелился, приходя в себя. Ловчая нить выдернула его душу из мира мертвых и притянула к телу. Но возвращение в реальность давалось нелегко, тело казалось чужеродным, не поддавалось. Он смог пока открыть глаза и мутным взглядом посмотреть на честную компанию, что собралась вокруг него. Захотелось ненадолго вздремнуть, что в общем-то он и сделал.

А когда вновь проснулся, был уже день, солнце заглядывало в его комнату, через завешенные занавески. Тело снова двигалось, подчинялось. Он пошевелился и услышал шаги по коридору. В комнату вошел низенький мужчина, полноватой комплекции, одетый в черный сюртук, в очках и с ридикюлем:

— Я доктор Брауни, приехал по приглашению мистера Батлера. Пришел осмотреть вас, вижу вы в порядке. Как себя чувствуете?

— Ощущаю небольшую слабость, но в остальном неплохо.

— Это хорошо, остальные пациенты отделались неглубокими ранениями и парой синяков, но их здоровье вне опасности.

— Остальные?

— Да, мисс Уэнсли немного забила, а мистер Джордж Батлер получил рваные раны груди, пришлось зашить, но все обошлось.

— А что собственно произошло? — поинтересовался Фрай, понятия не имея о каких ранениях идет речь.

— К вам ведь злоумышленник проник, вот вы все втроем и пострадали. Вижу у вас небольшая амнезия, но это пройдет, так бывает при падении.

Доктор побыл еще немного с пациентом, удостоверившись, что тот идет на поправку и ушел. Фрай потихоньку поднялся и медленно зашагал вдоль стеночки в гостиную, где, как ему показалось, шуму было много. Когда он доковылял, то увидел всех собравшихся — его семья и Батлеры, приехала даже миссис Батлер. Она суетилась вокруг сына, но тот лишь отмахивался от ее переживаний, поглядывая на Марию, которая держала лед на щеке и беседовала с мистером Уэнсли.

— Что здесь произошло? — поинтересовался Фрай, привлекая к себе внимание.

Компания посмотрела на него, Фрейлин подскочила со своего места первой:

— Как ты себя чувствуешь?

— Вполне неплохо, иногда накатывает слабость, но в остальном...

— Но в остальном, ты был мертв! — не выдержал Эдвард, компания молчаливо его поддержала, а он продолжал. — И какой бес тебя теперь дернул на очередное приключение? Ты поддался на увещание духов и отдал им свою душу. А если б ты там застрял?

— Я что сделал? — смутился пастор, слабо осознавая, как провел ночь.

— Ты послушался духов и отдал им добровольно душу, — более спокойно ответил колдун.

— Так я был мертв?

— Да, и скажи, какой бес тебя подстегнул сотворить такое? Это же добровольная смерть, если бы я пришел позже, уже не смог бы тебя вернуть, да и к тому же ты сопротивлялся.

Фрай присел на свободное кресло, обхватил голову руками и начал вспоминать, все пролетало вокруг него урывками, голоса, шепоты и разговор. И тут память начала вытраивать цепочку, как он умудрился попасть в мир духов, перелететь с ними определенное расстояние и приземлиться в доме, где обнаружил узника. И тот узник был непростой, это был преподобный Вейт, который говорил с ним.

— О-о-о, — судорожно потянул пастор, приходя в себя.

— Что вспомнил? — поинтересовался Эдвард.

— Кое-что вспомнил, а насчет нападения на пасторат...

Все молчали, Фрейлин хмыкнула.

— Это мы придумали версию для доктора, — спокойно отозвался мистер Батлер. — На самом деле никакого нападения не было, — он взглянул на старшего сына. — Просто кое-кто заигрался в героя-любовника.

— Я хотел просто поговорить, — оправдался Джордж, взглянув на Марию.

— И поэтому залез к ним среди ночи, — ответил его отец.

— Я не мог добиться встречи днем, как не старался, отважился на отчаянный шаг.

— Даже чересчур отчаянный, — ответила Фрейлин. — Я же могла покалечить тебя сильнее, вырвать глаза, к примеру.

— Я знаю, что риск был непомерен, но мне надобно было встретиться с Марией.

— Ты повел себя глупо, — констатировал отец. — Мало того, что переполошил весь дом, да еще и поставил репутацию девушки под удар.

— Это точно, — вторила Фрейлин. — Какое право ты имел потревожить незамужнюю девушку ночью? Ты полностью погубил ее репутацию, если об этом узнают...

— Да потому что я ее люблю, — ответил Джордж, схватившись за недавнее ранение. — Я сходил с ума от отчаяния, можете все упрекать меня, я готов понести все кары и тяготы, готов ответить за последствия мною содеянного, как настоящий мужчина.

Фрейлин хмыкнула, Форттрайд тоже.

— Что ж ты поделаешь с этой молодежью? Не могут уже по-людски признаться в любви, так выдумывают самые невообразимые проступки.

— То есть вы, мистер Джордж Батлер, готовы жениться на мисс Марии Уэнсли, если ее репутация будет погублена вашей ночной выходкой? — прямо спросила Фрейлин.

— Я готов на ней жениться, даже если бы ее репутации ничего не угрожало.

Все взглянули на кое-кого, кто натянул холодную примочку на само лицо, чтоб не

показывать свое смущение.

— Мария, а ты что скажешь? — поинтересовалась Фрейлин, заглядывая подруге в лицо. Девушке ничего другого не оставалось, как спросить:

— Но разве богатые наследники, коим надлежит получить титул, женятся на бесприданницах?

— Богатые наследники, коим предстоит унаследовать титул, могут жениться на ком угодно, — спокойно ответил Фортрайд. — Мой сын вообще не ограничен в выборе, это стесненная в средствах аристократия ищет богатых жен, чтобы продолжать спускать их приданное. Так вот поэтому вы от нас отделились, милая девушка?

Мария покраснела до кончиков ушей, ощущая себя невообразимым злодеем, что нанес обиду своим друзьям. Действительно, стоило всем объяснить причины внезапного ее отчуждения. Ее наставница довольно хмыкнула, хотя тоже подумывала, что о таком нужно было спроситься ей непосредственно у Джорджа.

— Да, — тихо ответила Мария и опустила глаза.

Сам Джордж вскочил на ноги, хотя мать упрасивала его не делать резких движений, чтобы не разошлись швы, и подошел к девушке:

— Мария, ответь мне, ты не хотела меня видеть из-за моего происхождения и положения в обществе?

— Я не хотела влюбляться все больше и тешить призрачную надежду, как только узнала о титуле виконта, и что ты прямой наследник. Потому что, аристократы не женятся на бедных девушках. Я узнала об этом перед балом, в ратуше я хотела отдалиться от тебя, чтобы ты меня забыл. Потому что, если бы ты посмеялся над моими чувствами, я бы такого не пережила, — она опустила глаза, и слезы хлынули рекой.

— Но я бы не посмеялся над твоими чувствами, потому что тоже люблю тебя с самой первой встречи. Ты даже не представляешь, какие только глупости я себе не воображал все эти дни, хотел поговорить с тобой, но ты сидела, заточенная в пасторате, и никуда не выходила. Это был отчаянный шаг, но я рад, что сделал это. Лучше терпеть физическую боль, чем душевную.

Она смущенно подняла на него глаза и улыбнулась. Он взял ее маленькую ручку в свои объятия и нежно поцеловал. Вся остальная компания усердно делала вид, что ничего не замечает, хотя Фрейлин просто млела от такой картины.

— Мария, ты готова выйти за меня замуж? — поинтересовался Джордж у девушки.

Та скромно опустила глаза, и проговорила очень тихо, чтоб ее слышал только избранник:

— Готова, но не сейчас, я нужна брату. Он пока не может без меня обойтись.

— Я понимаю тебя, я подожду. Но только все разрешится, я спрошу тебя еще раз.

Он снова прикоснулся губами пальчиков и ненадолго замер. Мария отвела взгляд, борясь со смущением. Эдвард Уэнсли тяжело вздохнул и нарушил воркование голубков, влюбленные поняли, что отнюдь не сами:

— Ладно, — констатировал Фортрайд. — С одной проблемой, ко всеобщему удовольствию, мы разобрались, теперь вернемся к нашему многоуважаемому преподобному отцу. Что заставило вас броситься в объятия смерти? И что вы видели там? Удовлетворите мое любопытство, а то ваш дядя только молнии с глаз пускает, — Эдвард зло глянул на Фортрайда, эта парочка тоже испытывала друг к другу весьма неоднозначные чувства — не то соперничество, не то глумление друг над другом.

Фрай думал, что о его небольшом прегрешении все забыли, но оказалось, что отсрочка была дана только из-за парочки голубков.

— Мне хотели показать один дом, в котором заключен узник. И я поговорил этим узником. И знаете, кто это? Преподобный отец Вейт.

Мистер Батлер аж присвистнул от удивления, Фрейлин и белый колдун выглядели изумленными, остальная часть компании с интересом прислушивалась.

— Вейт жив? — поинтересовался Эдвард.

— Я не уверен сейчас, но тогда он был жив. Его смерть подстроили, все это время он был узником темного мага. А в последний момент над ним совершили какое-то колдовство, которое я не успел досмотреть. Его содержали в заброшенном доме, который находится где-то неподалеку замка, туда граф Шеффилдский и приедет.

— Новости одна веселее другой, — проговорил Фортрайд, и начал медленно шагать по гостинной. — Что ж, нам известен круг наших врагов и где они прячутся. Хотелось бы увидеть этого мага и его способности.

— Не думаю, что тебе понравятся способности этого мага, представляешь какие у него возможности, раз он продляет свое долголетие, — ответил Эдвард. — Боюсь, как бы он не расставил ловушки на подступах к алтарю.

— Не переживай, в замке никто посторонний не появлялся, — заверил Фортрайд.

— А ты уверен, что он ходит в замок через парадный вход, вспомни старые строения, да они полны подземных ходов.

— Об этом я как-то не подумал, — хмыкнул вельможа. — Стоит взять план замка и изучить его. Что-то раньше подобная мысль мне вообще в голову не приходила.

Эдвард довольно скрестил руки и все же не смог удержаться, чтобы не попенять племянника:

— Фрай, ты поступил крайне безответственно. Прогулки тропами мертвых запрещены тем, что твоя душа может там навсегда застрять. Запомни это. И я могу не оказаться рядом, чтобы вытащить тебя. Поэтому, обижайся на меня коли хочешь, я поставил преграду между тобой и твоими мертвыми советчиками. Отныне ты голосов слышать уже не будешь.

Фрай открыл рот от возмущения:

— Но дядя, именно общение с призраками дало мне столько полезных знаний, без их помощи мы бы топтались на месте до сих пор. Я обещаю, что больше не пойду по тропам мертвых, но позволь мне пользоваться моим даром, убери все преграды, прошу тебя.

— Я знаю, как заманчиво слушать потаенные голоса, но они давно умерли. Да и не все из них желают блага, вдруг найдутся призраки-шпионы и затянут тебя в ловушку. Знаешь, это очень серьезное колдовство — вызывать душу из земель усопших.

— Фрай, мы желаем тебе лишь добра, — проговорила Фрейлин, которая только слушала их беседу. — Очень тяжело видеть тело мертвого друга и понимать, что можешь навсегда его потерять. То была страшная ночь, такая же, когда тебя хватились, а ты пропал. Но тогда мы хотя бы знали, что ты жив, а вчера я увидела тебя мертвым.

— Я благодарен всем за заботу, но позвольте мне быть хозяином своей судьбы и своего дара. Зачем-то же я унаследовал подобное предназначение.

— Пока я не удостоверюсь, что ты понимаешь ответственность, которая возложена на тебя, я сниму преградный щит. А пока ты побудешь под моей защитой.

Фрай все равно негодовал от подобного самоуправства, он выразил это выражением лица, а потом проговорил:

— Знаете, что мне еще подсказал преподобный Вейт, что у демона есть слабое место, он чего-то боится. Вот только он не успел мне это сказать, и я очень жалею, что не поторопил старика. Тогда шансов у нас было в стократ больше.

— Об этом кое-что написано в Колдовской библиотеке при тайном министерстве магов и чародеев, — невозмутимо ответил Эдвард.

— Думаешь, без этих бюрократов не обошлось? — поинтересовался у него Фортрайд.

— Ах, неужели они столь слепы, что не видят очевидного — бессмертного черного мага, прямо у них под носом. Да и тебе отказали в помощи, сославшись на свой нейтралитет, мол, там нет наших интересов.

— А есть еще тайное министерство магов? — удивился Фрай.

— Милый мой мальчик, мир магии всегда был вокруг нас, просто про него не афишируют в газетах. Раньше это было малочисленное, закрытое общество. А сейчас, за последние годы, там невообразимо раздут штат, даже представить страшно.

— Они призваны сохранять баланс в магическом мире, — уточнил Фортрайд.

— Вот только они этого почему-то не делают, — добавил Эдвард.

— Так может посетим то общество, заодно заглянем в библиотеку и почитаем про стражника Брахта, — молвил Фрай.

— Знаешь, твой племянник сейчас говорит дельную вещь. Если все корни уходят в министерство, то вполне возможно, что нам нужно выяснить, кто еще состоит в свите графа, подлый подвох нужно ожидать с любой стороны.

Эдвард на минуточку задумался, прикинул кое-какие свои соображения и молвил:

— Я туда наведаюсь, посмотрю, что к чему. Но ты, Фрай, остаешься здесь, я не допущу еще одной такой выходки, которые ты учишь слишком часто.

8 Глава. Повествует о старых знакомцах и неожиданной находке

8 Глава. Повествует о старых знакомцах и неожиданной находке

И снова в пасторате наступило затишье, все чудеснейшим образом разрешилось, прояснились многие маленькие тайны и внезапные открытия. Вот только небольшой пасторский кружок поредел. Эдвард и Фортрайд отправились в призрачное и тайное министерство, о котором знать никто не знал из обычных людей. И даже Фрай думал, что магия не поддается учету, а оно оказалось, что все записано в каталогах и папках.

Теперь его любимая сестра не пряталась в своей комнатке и не сидела днями в четырех стенах. Она осуществляла прогулки так часто, как позволяла погода. Джордж вознамерился наверстать упущенное недомолвками время и приглашал ее пройтись или прокатиться каждый день. В округе уже пошла молва, что, скорее всего, они помолвлены, хотя эта парочка пока уклонялась от прямых вопросов, сославшись, что ждут благословения от отца Марии. Хотя последнее было невероятной правдой, как сообщить батюшке о таком положении дел, после того, как его буквально выпихнули из пастората, он обижен безмерно. Мария рассказала брату, как тот заявился недавно и был изгнан дядей Эдвардом.

— Я не думаю, что такая удачная для тебя партия может его разозлить, просто он может отказать из вредности, — ответил Фрай.

— Тогда я просто не знаю, что делать, ведь неправильно, если я не получу его благословение.

— Мария, если все решится с изгнанием демона, я сам поеду с ним переговорить, но пока вы же все равно отложили помолвку, так что не терзай понапрасну душу.

Они отобедали вчетвером, поскольку Джордж стал постоянным посетителем пастората, а потом влюбленная парочка принялась уговаривать Фрая прогуляться с ними. Так неудобно, что Фрейлин скучает в одиночестве. Стоит сказать, что последняя была очень даже не против такого поворота дел, потому как ей приходилось иной раз сидеть совой на деревьях, не мешая молодым людям общаться. Преподобный пастор согласился на сегодня побыть провожатым, и вся четверка вышла на прогулку. На площади то и дело попадалось много людей, они приподымали шляпы, приветствуя пастора, тот кивал и улыбался в ответ, но ближе к окраинам молодые люди могли свободней общаться. Впереди была небольшая полянка, которую голубки уже облюбовали, и где Фрейлин могла следить за всем происходящим. Джордж заблаговременно прихватил покрывало и новую книгу, а его спутница взяла небольшой провиант. Вторая пара не была столь предусмотрительна, поэтому они решили просто присесть не упавшем стволе дерева неподалеку, что давало бы им возможность наблюдать за молодыми людьми и вести интересующую их беседу.

— Я очень рада, что мы выбрались вот так прогуляться, — томно молвила Фрейлин. — Погода стоит чудесная уже несколько дней, но ты, мой друг, предпочитаешь уединение.

— Таков мой характер, я вижу прекрасное действие в книгах, а природа навеивает скуку.

— Нельзя быть таким узко мыслящим человеком, я бы посоветовала тебе делать небольшие прогулки.

— Но вы запретили мне гулять в одиночестве, обычно после таких прогулок, я сижу, как

нашкодивший мальчишка, и выслушиваю очередную порцию порицаний от моего дядюшки, а ты сидишь неподалеку и твердишь, что все только мне во благо.

— Если ты намекаешь на свои ночные вылазки, то будешь сидеть и дальше на стульчике, но ведь я говорю про совершенно иные прогулки в компании, где можно вот так поговорить о чем-то.

Фрай пожал плечами, он не спешил соглашаться, опасаясь, что на него навешают двух голубков и будет он им нянькой. Но Фрейлин ничего об этом не упоминала. Те двое прекрасно развлекались, Мария что-то читала вслух, а Джордж комментировал, они беззаботно смеялись — поистине счастливые люди, которым не нужно думать дальше о чем-то определенном. А вот Фрай задумывался, все ему не выходило из головы беседы с призраками и графом Мальборо, особенно про его предназначение, сможет ли он разделаться с демоном и выжить? Все больше преподобный Уэнсли думал, как он заведет демона в ловушку, но как придется выбираться оттуда самому, не схватит ли его чудовище и не бросится в бездну вместе с ним. Пожалуй, такими тяжелыми домыслами он не хотел никого обременять, а о таком лучше думалось в одиночестве. Он немного грустно улыбнулся Фрейлин, когда она перечисляла, каких забавных белок недавно увидела, и как они утащили хорошую пригоршню разных вкусовностей у двух голубков, а те даже не заметили.

Неожиданно Фрай почувствовал легкое шуршание, будто ветер играл в веточках молодой поросли, но не качались верхушки деревьев. Кажется, Фрейлин тоже что-то почувствовала, она мгновенно смолкла и прислушалась.

— Кто-то здесь есть, — констатировала девушка.

— Ну что, пойдём в разведку? — поинтересовался у нее Фрай.

— А что делать с Джорджем и Марией, они ведь забеспокоятся, не увидев нас?

— Мы очень быстро, чтобы они не заметили.

День был солнечным, и легко было увидеть опасность издалека. Фрейлин сразу обернулась совой и взлетела повыше, а Фрай осторожно ступал, чтобы не производить много шума. Но в этот раз сова всегда была на виду, чтобы не угодить в ловушку. Уэнсли достал из походной сумки бутылочку с водой и ножик, который он наточил, сделав вполне острым метательным оружием. Нужно будет попросить у Батлера что-нибудь посолиднее, с посеребренной ручкой. Как у отважных рыцарей был меч, чем пастор-экзорцист отличается от воина? Шорок приближался, направляясь к Фраю, он замер и приготовился. И вдруг неожиданность:

— Привет, человек, — проговорила крошечная женщина, размером с умывальный кувшин.

— Здравствуй, Нинни, — приветливо поздоровался пастор, убирая приготовленные вещи обратно в сумку. Тут же подоспел ее дружок Криппер, с которым у преподобного были не столь дружественные отношения.

— Я так и думал, что эти люди будут здесь, — молвил он, озираясь на сову, которая сидела достаточно высоко, но выглядела угрожающе.

— Вы так близко подошли к человеческому поселению? — удивился пастор.

— Мы же брауни, мы и живем в домах. Просто мы замковые брауни — не привыкли обитать в маленьких коморках. Но мы тут не для этого, мы снова хотели с тобой встретиться.

— Что-то случилось? — поинтересовался Фрай у маленького народца, присев на корточки.

— Мы организовали наше поселение в лесу, нашли дупла, чтобы вполне прилично

перезимовать, а потом дальше двинуться в путь и собрать за этот год достаточный провиант, но кто-то обнаружил наши домики и осквернил их.

— Осквернил ваше поселение?

— Да, — дуэтом ответили маленькие человечки.

— И каким же образом этот некто осквернил ваши жилища?

— Они подбросили нам труп человека, это было просто ужасно. А еще ужасней, когда он буквально рассыпался, когда мы его бережливо перетаскивали, — жаловалась Нинни.

— Вот какие дела, значит, труп выкопали и подбросили возле вашего селения?

— Его не выкопали, его засушили. Какой-то облезлый старик, замученный и тощий. Он смотрел на нас ссохшимися белками и лицо его выражало ужас, — ответил Крип.

— Вот как, покажите мне его, и там, где его выбросили, — потребовал от человечков Фрай, заподозрив неладное. Брауни согласились его сопровождать, но взяв предварительно слово, что он никому не скажет об их месте пребывания. Пастор подал знак сове, чтобы она слетала предупредить Марию и Джорджа, чтобы те не ждали их, а сама летела вслед за ним. Сова угукнула и взмахнула крыльями.

— И чего ты водишься с этим перекидышом? — удивилась Нинни.

— Она моя подруга, — заметил Фрай.

— Я ей не доверяю, знаешь, чем славны подобные магические существа — они служат лазутчиками.

— Белый колдун тоже обращается волком, — заметил пастор.

— Белого колдуна не оживляли перед этим, я ее побаиваюсь, лучше будет, когда она не станет присутствовать при твоих подвигах, поверь мне, тогда никто ни о чем не узнает.

— Я тебя не понимаю, Нинни? — удивился Фрай столь негативному мнению о доверенной соратнице.

— Я говорю тебе, что ее сущность принадлежит не светлому, а темному началу.

Впрочем, поселение брауни оказалось не так далеко от окраины городка, все же это жилищная нечисть и ей положено жить вблизи с человеком. Фрай прошелся по местности, но ничего подозрительного не заметил, потом он пошел к тому месту, где маленькие человечки перенесли труп. Это была высохшая мумия, полуразвалившаяся, но даже в этом подобии Уэнсли узнал бедного узника, теперь он точно обрел покой, а вдруг нет, может его дух заточили в мире мертвых. В голове зашевелилось тихое нашептывание, но ведь белый колдун установил преградный щит и его племянник не должен слышать ничего потустороннего, но шепоток прорывался даже сквозь магическую преграду.

«Фрай Уэнсли, помоги, вызволи меня, пожалуйста», — и все прекратилось, кто-то попросил о помощи, неужели бедный старик каким-то чудом умудрился передать послание, значит не такой мощный щит у колдуна. Теперь Фрай не сомневался, что над узником поколдовали, недаром же он тогда кричал. Ох, если бы знать какими способностями обладает темный маг, интересно бы познакомиться с графом Шеффилдским. В небе замаячил силуэт совы, она прилетела вслед за Фраем и обернулась человеком. Наклонилась над трупом и внимательно его изучила.

— Не могу утверждать точно, но мне кажется знакомыми очертания этого человека, видимо я когда-то его видела.

— Это преподобный Вейт, — грустно заметил Уэнсли.

Девушка ахнула, снова присмотрелась, горестно покачала головой.

— Я знала его при жизни, это был неистощимый и деятельный ум, я с увлечением за

ним наблюдала постоянно. Ты бы знал, скольким людям он помог.

— Теперь его земной путь пройден, — спокойно заметил Фрай Уэнсли.

— Ну что, будем возвращаться, я предупредила парочку, чтобы никуда не уходили, что мы с тобой в разведку, но они, наверное, будут очень сильно переживать.

— Конечно, пошли, нас здесь уже ничего не держит, глупо блуждать по лесу без поисковых собак и специального отряда обученных людей.

Они мирно пошли назад, пока не вышли на известную полянку, тут же к ним подбежала Мария, вслед за ней Джордж.

— Вы обнаружили что-то важное? — поинтересовалась девушка.

— Мы обнаружили труп преподобного Вейта, — грустно заметил Фрай и пошел вперед в сторону пастората.

Назад дорога уже не казалась такой интересной, Уэнсли шел достаточно быстро, а остальные за ним поспевали. Но даже такая находка не омрачила парочку голубков, которые умудрялись извлечь из всего какой-нибудь интерес, а вот Фрейлин выглядела обеспокоенной, она смотрела в лицо пастору, на его сосредоточенные черты лица и думала, может изучить и его мысли. Попыталась прочесть и потерпела неудачу, на нем ведь установлен щит, а он блокирует и ее телепатические способности.

А Фрай действительно призадумался. Во-первых, никак не выходил из головы его разговор с Нинни, что такого плохого могла сотворить Фрейлин, она ведь освобождена от всяких темных чар, но все же маленькая брауни предвидела в ней темное начало. Пожалуй, стоит расспросить дядю о том, как он сумел выволить сову от служения темному магу. Во-вторых — труп преподобного Вейта, ведь не зря же его выбросили в том месте, неужели слуги мага тащились через весь лес, чтобы бережно уложить мумию на жилище брауни, ведь труп буквально рассыпался в руках. Все было очень странно и все заставляло задуматься. Фрай задумал небольшое ночное путешествие, о том он заблаговременно предупредил человечков, чтобы они стояли на страже и помогли ему, но Фрейлин о подобной затее ничего не сказал, чтобы она не препятствовала ему. Если б еще воспользоваться экипажем дартмутской леди, чтобы сбить всех со следа, было бы просто замечательно, но пастор не знал, как призвать призрак. Тогда ему помогли духи, но сейчас он отрезан от них, хотя сегодня он слышал призыв, стоит попытаться, только не во сне, нужно попросить о помощи в бодрствовании, чтобы не блуждать неприкаянно по дому. Перед пасторатом преподобный Уэнсли замедлил шаг, дожидаясь свою компанию, те подоспели немного спустя, Мария даже запыхалась, но была столь прелестна, оттого что зарумянилась. Они с Джорджем распрощались на крыльце, снова о чем-то договорившись. Молодой человек пошел домой, а Фрай и его маленький кружок поспешили к себе.

— Как тебе прогулка, милый брат? — весело защебетала Мария, кружа воробушком вокруг брата.

— Довольно познавательная, — уклончиво ответил он.

— Давай почаще будем так прогуливаться, — заходилась петь соловьем молоденькая вертушка. — И Фрейлин сегодня выглядела веселой, ей ведь приходится всегда быть третьей.

— Ты же знаешь, что я люблю проводить время с пользой. А ничего не приносит мне удовольствия больше, нежели книги и рукописи.

— Ты рискуешь превратиться в библиотечную мышь и постоянно чихать, — начала было Мария, вспоминая, как няня выпроваживала детей на улицу, всегда увещая о страшной

болезни — чихании.

— Я нашел для себя много полезных книг и хочу изучить их, — Фрай безмятежно ей улыбался.

Потом был ужин и небольшой вечерний досуг, когда в пасторате все садились за какое-нибудь дело. Перед сном пастор пожелал всем спокойной ночи и удалился к себе. Девушки поднялись наверх, где Мария мечтательно улеглась в кровать, а ее подруга отправилась на ночной дозор. Фрай услышал взмах крыльев, сейчас она заглянет в окна для порядка, поэтому он лег и укрылся, изображая спящего. Сова полетела вглубь ночных пустынных улиц, а ее непослушный подопечный тихонько вышел в кухню, еще где-то летает ночная мышка, но кажется, она пока развлекается ловлей комаров, так что, путь свободен. Ох, как бы сейчас не помешала карета, как же попросить ее владелицу приехать за пастором:

«Леди Мэри, прошу вас, заберите меня и отвезите в указанное место», — он подумал об этом, присовокупив небольшую молитву, и произошло настоящее чудо. Из тумана выпорхнула карета, запряженная черной лошастью, на козлах сидел кучер, закутавшись в плащ, по краям кареты виднелись четыре черепа, будто пажи, наблюдавшие впадинами глаз за одиноким путником у крыльца пастората.

Дверца открылась и леди, облаченная в черные одежды и прикрытая вуалью, спросила:

— Что путник, снова нужен экипаж, садись скорей, наш путь опасен, — кажется, она даже улыбнулась.

Фрай без опаски забрался внутрь, и они помчались так легко и так плавно. С некоторой долей опасливости, он выглядывал в окошко, проверяя, чтобы серебристая сова с рыжим загревком не преследовала их. Дама долго молчала, потом решила спросить:

— Что тревожит душу сына, что Богу отдал свою жизнь. То чего боишься ты велико, нет, не зла боишься ты, а друга.

— Я не хочу, чтобы о моем маленьком приключении узнали, вот и перестраховываюсь, — он довольно заметил, как быстро несется карета, словно дороги не существует вовсе. Обычно тряска невероятная. И вот уже виден лес и они мчатся мимо деревьев, которые будто расступаются перед ними. Маленький разворот и лошадь остановилась, как вкопанная.

— Благодарю вас леди Мэри, если бы можно было злоупотребить несколько вашим радушием и попросить отвезти назад.

— Ты позови, и я приеду, — ответила дама.

Фрай довольно улыбнулся, наблюдая, как карета растворяется в вечерней мгле, но тут же заметил маленьких мельтешащих человечков, которые спешили к нему.

— Стоять! — приказал звучный голос Крипа и вся братия дружно застыла. Чтобы человек не нагибался к ним, они выстроились в вертикальную горку, где главенствующим был Криппер и заговорил с человеком, будто великий военачальник перед Титаном:

— Мы собрали поисковую группу, никто, лучше брауни не находит потерянных вещей, а уж брошенный дом найти не проблема.

— Вы же понимаете, что нужно проникнуть туда как можно тише, чтобы нас не обнаружили враги, а еще там обитают живые тени, которые наблюдают за происходящим и подозреваю, что докладывают своему господину.

— Мы видим намного больше, нежели это доступно человеческому оку, — уверил его Крип — А тени можно обсыпать пылью феек, от такого они точно сдуются.

Пастор ощущал себя великим полководцем, собравшим армию отважных воинов, и

теперь его люди последуют за ним, куда бы он ни приказал. Они показали ему карту леса, которую успели составить за время своего путешествия, и указали одно загадочное место, куда не рискнули сунуться, потому что деревья там стоят вплотную, будто оберегают от любопытных глаз. А еще в воздухе витает зеленоватый туман, наполненный зловонным запахом распада, находится это место неподалеку от лагеря, но самое дивное, оно перемещается.

— Если там дом, то он ходит, будто живой, и подбирается все ближе к замку.

— Вот и подсказка загадочного, секретного дома, но вернулся ли туда его хозяин? — вслух задумался Фрай Уэнсли, изучая нарисованную карту. Замок внушал своими размерами, брауни изобразили его центральным зданием, а вокруг был лес, а странный дом уже перешагнул два пролета и подступился ближе к Дарквудсу на целую милю.

— Мы боимся только хозяина, — увещала жилищная нечисть, — Потому что, с ним не совладать, он обладает невероятным могуществом. В остальном мы тебе поможем.

— Договорились, — согласился Фрай, лучшего выбора все равно не имелось. Ожидать чуда и надеяться на лучшее — почему-то он не верил в эти постулаты. Его дядя опасается подпускать его близко к замку, он был не рад, когда племянник узнал о своем даре, заметно было, как сожалеет. Фрейлин придерживается его приказов и всегда защищает, но что делать, если постоянно сомневаешься в их правоте, и тебе кажется, что лучше самому все сделать.

Они обсудили план и собрались в дорогу, приходилось очень быстро бежать, поскольку брауни перемещались шустро. Фрай бежал за ними и ни о чем не раздумывал, что ожидает его впереди, не встретит ли он там свою погибель, если верить пророчеству — нет. Его погибель в пасти демона, а не в плену у мага, значит, и рисковать другими не стоит. От какого именно заклинания погиб преподобный Вейт, вот это было загадкой. Он видел красноватые отблески в глазах, подобные отблески были и у привратника Хопкинса. Неужели старый привратник был зачарован тем же заклинанием, которое его оживило, но тогда рассыпающийся мертвец может восстать и хорошо, что брауни убрали его от своего поселенья. А может он сам к ним пришел, вот только утренние лучи неблагоприятно действуют на нечистого и он просто упал, приготовившись нападать ночью. Но тогда его ждет сюрприз, потому как почти все брауни здесь, кроме Нинни.

— Крип, — позвал он предводителя маленьких человечков, тот его услышал и остановился, а вместе с ним и вся толпа:

— Крип, а где Нинни? — повторил он свой вопрос.

— Осталась в поселке, мы не берем девушек на вылазки.

— Слушай, я вот что подумал, а может вам этого мертвяка не подбросили, а он сам пришел, да только утреннее солнце не дало ему возможности дальше двигаться, а ночью эта тварь опять оживет.

Крип задумался, и воскликнул:

— О милостивый дух леса, да они же в беде!

9 Глава. Неравное противостояние с мертвецом

9 Глава. Неравное противостояние с мертвецом

Кажется, набег на призрачный дом пришлось отложить, потому как стояла опасность встречи с ожившим мертвецом, который мог разрушить поселение, но страшнее — загубить маленьких женщин, в числе которых была Нинни. Фраю все так же пришлось бежать за шустрыми человечками, которые теперь перемещались активнее, подстегиваемые переживанием за родных и близких. Большому человеку приходилось обходить деревья, тогда, как его спутники отлично лавировали среди стволов. Оставалось всего несколько десятков шагов, как они услышали истошный писклявый вскрик. Мужская половина брауни набравшись храбрости, двинулась с отвагой на врага. Фрай не мог отдышаться, как же сражаться с опасным врагом, если сил уж нет. Нужно будет потренироваться, занявшись утренними пробежками. Но он вполне быстро справился с собой и сорвался с места. Его опасение оказалось правдивым, мертвец действительно ожил и теперь крушил оборонительный ствол дерева, где спрятались маленькие женщины. Брауни-мужчины бросали в тощего мертвеца камни, зазывали его на себя, но марионетка нечисти решила справиться с более слабым противником. Тогда Криппер приказал везти катапульти.

— Нинни, держись! — закричал он и первый увесистый камень полетел в мертвеца, ему раздробило голову, вот только она снова возобновилась, потому как, трухлявая плоть с помощью ветра возобновляла свой первоначальный вид. И откуда у столь хилого тела, подобная мощь? Эта мысль запоздало пришла в голову молодому пастору, поскольку он уже приблизился на опасное расстояние, мертвец обратил внимание на него, отстав от маленьких брауни, но сдерживая их подпертыми в полуразрушенном стволе. Слышно было, как кто-то из них хныкал. Первым делом, молодой человек начал кружиться вокруг мертвеца, который не собирался никуда уходить, Фрай увертывался от его бросков камнями, которые он подбирал на полу. Постепенно крышка с бутылки соскочила и полетела в ожившую мумию, это нанесло нечисти ожоги, дряблая кожа задымилась, труп преподобного Вейта затанцевал в ужасном танце, стараясь стряхнуть священную влагу. Но тут в него полетела следующая бутылочка со святой водой, мертвец завопил, пошатнулся, но главное открыл проход и девушки тут же переместились на безопасное расстояние. Нинни буквально бросилась в объятия Криппера. Красивая пара получилась, но сейчас нужно продолжать нападение, иначе мертвец покатается по земле и снова восстанет. Как жаль, лишь недавно он разговаривал с живым и осознанным человеком, а теперь приходится умирять его взбешенный труп. А ведь это легендарный борец с нечистью, почти кумир Фрая, вот так жестоко распорядилась судьба с останками славного человека.

Но не время было для размышлений, труп покатался по земле, стряхнув воду, и поднялся, почти не пострадав. Это озадачивало, потому что у Фрая остался крест и серебряный ножик, он не додумался прихватить легендарных бутылочек побольше. Пора переходить к проведению ритуала, в этот раз не нужно будет выпытывать имя или заботиться о теле, только изгнать нечисть и усмирить оживленный труп.

— Изойди, нечистый, из глубин души человеческой раба Божьего Дориана Вейта, дай покой страждущему, освободи дух человеческий.

И тут же раздался пронизывающий вопль, который издал мертвец в ответ на слова преподобного отца. Вот только священник встретил это с непроницаемым лицом, он знал,

что сейчас нужно начинать читать молитвы, которые некогда не единожды спасали его. Вселённый нечистый бесновался, пытаясь сбить Фрая с ног, но тот увертывался от размахивающихся конечностей, не прекращая проговаривать святые писания. И хотя брауни тоже не жаловали молитв, но сносили легче, от того, что не служили демоническому началу. Крип превозмог себя и бросился помогать Фраю Уэнсли. Он направил катапульту и зарядил камень — со свистом остроконечный бульжник полетел в мертвеца, теперь рассыпалась грудная клетка, но тут же преобразилась. Маленький человечек зычно выругался, и пошел искать следующее ядро. Но тут произошел невероятный прыжок нечистого и мертвец уже удерживает его в своей узловатой руке. Крип сопротивлялся, но его сжимали стальные тиски, столько силы было в мертвеце. Нинни закричала и бросилась спасать любимого из лап чудовища, да и все брауни решились оборонять своего предводителя. Они начали слаженно забрасывать его камнями, но оживший труп не обращал внимания, только зловеще оскалился, выдавливая жизнь из бедного человечка. Фрай не мог перенести подобной казни, он схватил полуразрушенный ствол и пошел на нечистого тараном. Тот не сразу заметил нападение, только когда в его трухлявую плоть вошли острые щепки и Фрай старался прижать его к большому дубу. Мертвец зарычал, но отбросил маленького человечка и перехватил высохшее бревно. Двое мужчин начали меряться силами, зверски выпученные глаза трупца вращались произвольно, но когда они наконец сошли на Фрае, тот издал издевательский смех, напоминающий смех гиены. Ведь недаром этих животных ассоциируют с бесами. Так смеялся высохший труп в сию минуту, от чего зловещее эхо отскакивало от шумящих дубов, что говорили сейчас между собой, возможно, обсуждали храбрость и глупость смертного человека, вступившего в неравный бой, ведь жизни быстрее лишить, нежели утихомирить нечто мертвое. Пока что двое сражающихся мерялись толканием бревна, но по ехидному выражению нечистого, сил у него про запас имелось достаточно, чего не скажешь о хилом Фрае, что изрядно за сегодня побегал. Его оттолкнули с той силой, что он отбежал несколько шагов и упал на мягкую траву. Мертвецу ничего не стоило легко перебросить высохшее бревно с одной корявой руки в другую, и снова зайтись леденящим смехом. Маленькие человечки притаились, опасаясь попадаться в руки этому страшному монстру, наблюдая, как пострадал их предводитель. Но они прекрасно понимали, что и человеку не выстоять против непомерно сильного вселения, что двигало этим разложившемся трупом.

— Главное дождаться утра и бежать быстрее ветра, — предложил кто-то тихонечко в толпе, но возмутилась Нинни:

— И мы уйдем, бросив человека на растерзание? — грозно спросила она, и тут же Фрай упал нескольких шагах от них.

— Но что мы можем сделать? — затрясся кто-то в толпе.

— Отважно встретить удар грудью или он вас не спас, когда мертвец нас буквально пригвоздил к дереву? — это была поистине храбрая маленькая женщина, потому что она тут же схватила камень и метко бросила его прямо в глаз мертвецу. Кажется, камешек так сильно встрял в глазной ямке, что и остался там, а мертвец ослеп на один глаз.

— Я знаю, как нам его победить, нужно ослепить его.

Крип все еще лежал без сознания, она подошла, мягко взяла милого друга за руку и разозлилась на обидчика.

— В бой! — скомандовала храбрая брауни, бросайте камни в его уцелевший глаз.

Фрай приходил в себя после сильного толчка, немного побаливали ребра, но мертвец не

спешил его добивать, сейчас он вворачивался от града камешком и рычал, вращая одним уцелевшим глазом. Пастор увидел, как храбро его защищают маленькие человечки, что шустро бегают почти у ног нечистого, подбирая орудия для метания. И тут в голове молодого пастора начала формироваться мысль, а если попробовать связать этот труп и завершить ритуал, брауни шустры, но нужны веревки, которые будут сдерживать движения. Он осмотрелся в поисках заветной принадлежности и увидел, что некоторые жилища буквально подвешены на лиановых веревочках.

Пастор поднялся на ноги, хотя давалось ему это с трудом, и пошел к ближайшему жилищу, он начал отрезать его от веревки серебряным ножом, первая заветная плетенка оказалась в руках, обмотанная вокруг локтя, потом он увидел точно такое же жилище. Набрал несколько веревок, подошел к Нинни.

— Мне нужна ваша помощь, — произнес он, обращаясь к девушке-брауни. — Вы должны постараться связать этого мертвеца и тогда я завершу ритуал, а так у меня не получается. Та, молча, выслушала предложение пастора и кивнула. Она тут же зычно подозвала одного и второго более шустрых человечков, впихнула каждому веревки и шепнула им, что нужно делать. Шустрые малыши начали плести лассо, пока их товарищи не девали трупу осознать, что творится. Нечистый рычал, скалили зубы, но тут же в него летели камни и он укрывался от них, отступал, метался в безысходности. Первый шустряк бросился ему под ноги, товарищи продолжили целиться в лицо, чтобы чудище подняло ногу, стоило мертвецу сделать шаг и на его ноге, уже наброшена петля, второй шустряк проделал тоже самое, но как заставить мертвеца переместиться.

— Я помогу, — крикнул Фрай и поднял валявшуюся дубинку, снова бросившись в бой, на этот раз столкновение очень больно отразилось на его ребрах, он буквально взвыл, но дело сделал, мертвец отшагнул, и вторая петля была на него наброшена. Фрай бросился назад, труп зарычал, но не смог двинуться, потому, как вокруг него вращались быстрые человечки, обвивая ноги веревками. Он посмотрел вниз, пытаясь понять, почему больше не может двинуться и тут же храбрая Нинни нацепила лассо на грудину мертвеца, она все это время готовилась, карабкалась по дереву и оказавшись над чудищем, бросила петлю. Маленькая девушка скользнула по стволу, отскочила от ближайшей ветви и просто закрутилась вокруг умершего священника, спутывая ему руки.

Мертвец был связан, он начал вырываться, но брауни все вместе вцепились в веревки, чтобы потуже сжать его конечности, Фрай начал проводить ритуал заново, обратившись со словами:

— Изойди, нечистый, из глубин души человеческой раба Божьего Дориана Вейта, дай покой страждущему, освободи дух усопшего, ибо такова воля Божья.

Потом он взглянул на блестящий ножик, что сиротливо приютился в глубинах сумки, в прошлый раз сгодились легендарная кочерга, почему бы сейчас не попробовать избавиться с помощью острого небольшого предмета. Он опасно подскочил к мертвецу, что рычал страшнее разъяренного тигра и вонзил ножичек ему в ребра. Тот поначалу не понял, что произошло, осмотрелся и тут же начал ритмично дергаться, завыл по-волчьи, заорал, как мартышка, пытался клыками уцепиться в живую плоть. И там где его пронзил ножичек, плоть постепенно начинала разрушаться и опадать. Он силился выбраться до последнего, но его тлен превращался в грудку пепла. Последний пронзительный вопль оглушил ночной лес, так нечистый прощался с миром живых. Фрай тяжело переводил дух, очень тяжело ему дался этот ритуал, ребра ныли, ноги побаливали. И вдруг он услышал шепот, что раздавался с

дуновением ветерка

«Спасибо, ты спас меня от вечной муки, теперь я свободен, теперь я чист», — шепоток растворился в ночном воздухе, улетел в лес с ночным ветром.

Он улыбнулся, потому что он сотворил настоящее добро — спас друга от наказания. Но эта ночь унесла не только дух преподобного отца Вейта. Криппер пришел в себя, но выглядел очень измученным. Нинни подбежала к другу, присела на колени, начала дотрагиваться до его посиневшего тела, маленький и смелый брауни получил тяжелейшие внутренние повреждения, видимо мертвец действительно выжимал из него жизнь и эта жизнь теперь висела на волоске. Крип тяжело дышал, смотрел на подругу печальным взглядом, а та пыталась ему помочь, приказала товарищам найти прямые пруты, которыми бы они зафиксировали тело больного:

— Не нужно, Нинни, дай мне умереть достойно, — тихо прошептал он, теряя силы.

— Не умирай, Крип. Пожалуйста, я прошу тебя.

— Мы встретимся в лучшем мире, — пытался он успокоить плачущую подругу, которая не хотела мириться с подобным осознанием. — Я буду в блестящих доспехах и буду ждать тебя.

— Я не хочу, будь в древесном сукне, но только живи. Я не смогу жить без тебя! — она уткнулась ему в грудь и зарыдала, остальные брауни образовали небольшой кружок, не мешая им, но печально сняв все головные уборы в знак уважения предводителю. Фрай подошел к маленьким человечкам, склонился на одно колено и просто молчал, размышляя, как несправедливо порой приходится расставаться с хорошими людьми, по воле умышленного рока.

Крип взглянул на человека, ему было тяжело разговаривать, но откашлялся и молвил, чтобы Фрай мог услышать:

— Ты хороший, хотя твои сородичи приносят нам много неудобств, помни о своем предназначении и не сворачивай с пути. Я не жалею, что вступился в неравный бой, зато нас не перебили, как затравленных овец, — кашель достиг горла, но даже сквозь слезы храбрый шустряк продолжал. — тебе придется сделать нелегкий выбор и, возможно, потерять самых дорогих... друзей. Маг играет с тобой, я это увидел... — он не успел договорить, его взгляд померк, последняя искорка жизни просто улетела из тленного тела, Крип покинул мир живых. Нинни обняла его и зарыдала, не сдерживая самых горячих слов своей привязанности. Она не сумела сказать, как любила этого прохвоста, который бесил ее своим бахвальством. Как не задумываемся мы, каждый день, видя человека, говорить ему, настолько он нам дорог, но теряя навсегда клянем себя, что не сделали этого раньше.

Все брауни склонили головы, поклонились в уважении храбрецу, что отдал жизнь за brave дело, пусть и обреченное на провал. Фрай тоже поклонился ему, зажмурил глаза, так нестерпимо осознавать причастность к подобному, ведь Крип мог и не делать этого, не рисковать жизнью. Теперь он умер, и его смерть легка тяжким грузом, преподобный Уэнсли не мог допустить, чтобы настоящий злодей и дальше оставался безнаказанным, насылая на беззащитных горожан своих безумных мертвецов-убийц, которые будут сосать из живой плоти кровь. Его передернуло от подобной мысли, и если в его силах сдерживать армию врага, он не сойдет со своей тропы.

Утренняя заря уже осветила небеса, заполнила горизонт алым свечением. В лесу по прежнему стоял полумрак, потому что кроны деревьев будто сплелись в защитный кокон, не даром же эти рощи именовались темными. И не даром нечисть бродит здесь среди дня. Но

Фрай знал, что наступило утро, он устало прислонился к мощному дубу, рукой обхватил голову, нет, он не спал, просто приходил в себя. Как только враг был повержен, прилив сил сменился невероятной усталостью и печалью. Будет ли в его силах противостоять врагу в призрачном доме, где обитают живые тени и сам темный маг, что может пробудить любое извращение от вечного сна. И станет ли сил найти Кровавый алтарь и спящего демона, который сильнее всех взятых. Неужели слабому человеку под силу такое или это насмешка судьбы — ставить эксперименты, испытывать выдержку и отвагу? Очень много вопросов, который сейчас не решит уставший мозг.

Его отвлекли брауни, после смерти Крипа они вязали ему ноши, на которых тело понесут к скале, чтобы придать земле. Нинни готовила усопшему специальный наряд, в который его облачат — что-то в виде доспехов, тех самых, про которые он говорил. Только они не из драгоценного металла, а из коры дерева. Но разве это имеет хоть какое-то значение теперь, в умах его родни он рыцарь, самый отважный и самый уважаемый и не важно, в каких он выступает нарядах. Фрай достал свой ножик и подал Нинни:

— Пусть это будет его мечом, — проговорил молодой человек маленькой женщине. — Я премного ему благодарен за все. Без его помощи я бы пребывал в неведенье.

Нинни приняла дарованный предмет с благодарностью. Принялась мастерить для него ножны. Она трудилась молча, орошая свои труды горячими слезами, но не прекращая работать.

Зажглись маленькие факелы, что тоненькой ниточкой освещали лесной полумрак. Фрай уже мог различать тропку, но шел за тусклыми огоньками. Это были проводы брауни в вечную жизнь. Нинни шла впереди процессии несла небольшой предмет — личную и дорогую ему вещь покойного, его мешочек с пожитками и зажженный факел. За ней четыре маленьких человечка несли ноши, на которых в доспехах с мечом возлежал храбрый рыцарь, а за ними шли все остальные со свечками в руках. Фрай завершал процессию, у него ничего не было в руках, только горестные размышления.

У ближайшего валуна, возвышающегося над землей, они остановились. Ношу аккуратно поставили на землю, Нинни положила подле покойника его мешочек. Остальные брауни начали собирать хворост и положили вокруг усопшего. Затем товарищи образовали круг и поклонились. Нинни подожгла хворост первой, за ней последовали все остальные. Сухие веточки быстро запылали огнем, который вскорости окутал и тело покойного рыцаря. И запели. Это была песнь о славном храбреце, что жизнью рисковал, и жизни всем спасал. И хотя их голоски казались для человеческого уха тоненькими и немного забавными, Фрай не улыбнулся от умиления, он внял этой песне, осмыслил ее. Как жаль, что природа не даровала ему музыкальный слух и красивый голос, он бы сейчас и сам воздал Крипу свое уважение, а теперь только слушал остальных.

Так завершились проводы брауни, это были поистине величественные похороны. Остатки пепла прикопали землей, чтобы их не растащили. Фраю подумалось, что ему будет приятно, если его тело тоже придадут торжественному захоронению, и он не будет разлагаться брошенным. Такое точно неприятно осознавать, но пока он жив, борьба продолжится.

Молодой человек тяжело вздохнул и мысленно начал призывать леди Мэри, появится ли ее экипаж на рассвете, потому, что ему закралась в голову шальная мысль. Он закрыл глаза, настроился, представив черную лошадь, безглавого кучера, черепа, что казались живыми и траурное облачение женщины. Утренний туман пошел лесом, на травинках

появилась роса, и неожиданно для всех вдалеке послышался конский топот, это однозначно призрачный экипаж, какая удача. Брауни подивились такому явлению, но ничего не ответили, пришла пора прощаться с маленьким народцем, они ему очень помогли, но дальше ими он не будет жертвовать.

— Спасибо тебе, Нинни, — напоследок произнес пастор. — Вы мне помогли, не оставили в беде, но это наша последняя встреча, я не хочу приносить вам новых огорчений, надеюсь, что вы найдете безопасный замок или имение.

— Спасибо и тебе, добрый человек, — заговорила маленькая женщина. — Ты тоже будь осторожен и не доверяй тыл даже друзьям. Надеюсь, ты справишься и выживешь. И хотя ты настоящий рыцарь, я не хотела бы видеть твой надгробный камень раньше времени.

Так они и попрощались, прежде чем Фрай сел в экипаж. Он грустно видел лишь небольшие колебания молодых ростков, когда вся братия продолжила свой путь. Но решение не изменить, нужно шагать дальше:

— Приветствую вас, леди Мэри, позвольте в последний раз воспользоваться вашими услугами, — только сейчас он заметил, что дама держала приличный сверток, который протянула ему.

— Тебе я рада видеть, путник ратный. Тебе велено передать, для дел благих, сей сверток странный. Чтоб жизнь твою он уберег.

— А от кого сверток? — не удержался от любопытства пастор, разматывая ткань, в которой завернули посылку.

— Покойный дух, что благодарен. Свободу он теперь обрел, а ныне долг свой возвращает.

— Это от преподобного Вейта? — удивился Фрай разглядывая небольшой серебряный клинок, тонкий и очень острый, а еще удивительно легкую жилетку, которая не отличалась от обычной, если не присмотреться, что сшита она была из необычной материи. Как видимо, поспели доспехи для рыцаря, можно теперь отправляться в бой.

10 Глава. Личная встреча с магом

Лучи утреннего солнца пагубно сказывались на ночных жителях, еще пагубней они были для странной кареты, которая неслась меж деревьев, укрытая от посторонних глаз клубнистым туманом. Но даже опасность рассветных лучей не останавливала кучера, который лишь понукал лошадь нестись быстрее. Фрай точно определил место, куда они направляются, ведь призрачный экипаж куда более годился для того места, не идти же в пасть врагу пешком. Они ехали в имение мага, в которое не смогли попасть ночью, а ведь пешком они бы не пробился сквозь едкий дым, который предназначен был охранять жилище и его хозяина. Лошадь выехала на аллею, которая образовывалась на глазах: деревья сами расступались, тут же формировалась подъездная дорожка. А вот и крыльцо и лошадь круто повернула, чтобы дверцы со стороны пассажира выходили подле входной двери. Он напоследок поблагодарил свою надежную соратницу, а та пожелала ему удачи на свой манер.

Сколько можно ходить кругами, прятаться от врага, пора бы давно нанести ответный визит. Подобного от него точно не ждут. Правда Фраю даже сложно представить какая свита и прислуга обитает в призрачном доме, но сейчас он вооружен и готов увидеть картину пострашнее. Он вышел из экипажа, и лошадь тут же тронулась, еще пару мгновений промедления и ее опалит дневной свет, поэтому мистическое животное стремглав скрылось в тумане, что тут же развеялся. Пожалуй, леди очень рисковала, помогая непутевому человеку, потому что она выезжает в полночь, а сейчас уже утро.

Дверь была не заперта, хотя к чему такие предосторожности, глупейшего поступка, нежели решение обворовать заброшенное жилище, населенное призраками, Фрай и вообразить не мог. Представьте, с какими неприятностями пришлось бы встретиться вору, такое даже не каждому врагу пожелаешь. Бедолага вряд ли бы что-то вынес ценное, да он вряд ли бы вообще от туда вернулся живым. Но Фрай не был домовым воришкой, его толкали на подобный поступок иные соображения. Он вошел в холл, запустелый, но на удивление чистый, значит, хозяин вернулся, что ж это и лучшему, время шло, а тратить на пустое ожидание, казалось редкой роскошью. Его никто не встретил, не было здесь слуг в обычном их облике, но это же не означает, что тут вовсе никого не было, просто нет надобности устраивать церемониальное приветствие жертве, пусть она сама идет в ловушку. Возможно, Фрай и сам о таком подумал, но не время поворачивать назад, только вперед. Интересно, где излюбленное место хозяина, может его личный кабинет или библиотека. Интересно, есть ли в этом доме подобные комнаты?

Было бы смешно наблюдать, если незваный гость ворвется к ничего не подозревающему магу, а тот в домашнем халате и колпаке, изучающий утреннюю газету. Наверняка, его пребывание уже известно, даже в форме призрака сильный чародей ощутил невзрачного пастора. На первом этаже уж точно никого не было, потому как здесь были хозяйские помещения и не безызвестная тюрьма, которая нынче пустовала и даже была уже не заперта. Фрай подошел к роскошной лестнице, по-видимому, второй этаж предназначен для хозяев, стоит поискать мага там. Фрай видел, как тени перемещались, верные стражники только наблюдали и докладывали — какая надежная охрана, и не заметишь сразу. Второй этаж поразил роскошью, в большом и широком коридоре, расставлены были настоящие

произведения искусства — статуэтки из мрамора и гипса, в виде мифологических богов и богинь греков, римлян, викингов. Это было поистине прекрасно, если бы тут не ощущалась темная сторона. Нужно быть осторожней, статуи могут служить не только ради красоты. Вдруг вспомнились страшные сказки об оживших рыцарских доспехах, которые начали гоняться за двумя заблудшими детьми, которые оказавшись в лесу и нашли пристанище в подобном доме. Кажется, тогда дети победили ожившую железяку, но переночевать им так и не удалось. Фрай оказался в подобной ситуации, за одним исключением — он тут один, а изваяний много. Он пугливо оборачивался на каждый шум, но ничего не шевелилось, значит, его ждут на личную аудиенцию. Приятно осмыслить, что не придется умирать, не добравшись до мага. Вдруг за одной из закрытых дверей донеслась музыка, а еще пахло аппетитно, кажется Фрай ничего не ел со вчерашнего вечера и сейчас голоден. Видимо, хозяин завтракал, что ж стоит к нему присоединиться. Он повернул ручку, которая легко ему поддалась и вступил в светлое помещение, наполненное солнечным светом. Это была утренняя столовая, где обычно завтракают в респектабельных домах, собственно она выполняла сейчас свое предназначение: роскошный дубовый стол на десять персон, устланный белоснежной скатертью с вышитыми оборками ангелов, крепкие стулья с высокими спинками — в центре комнаты в восточном стиле, с тяжелыми гардинами и драпировками. За столом сидел один единственный человек, и наслаждался завтраком. Это был красивый мужчина, очень представительный и эффектный. Его роскошная шевелюра, уложенная назад и завязанная узелком, оттеняла белую кожу, подчеркивала высокий лоб и контрастно подчеркивала брови и глаза. Он не был в домашнем халате и ночном колпаке, наоборот, одетый в элегантный сюртук, накрахмаленную рубашку и шейный платок, что полностью обвивал его шею. Настоящий аристократ, утонченный и богатый. По сравнению с этим фатом, Фрай смотрелся жалко, за ночь в драке с нечистью, он подрастерял свой лоск и откровенно походил на бродягу.

Маг оторвался от еды, прикоснулся белоснежной салфеткой уголков рта и даже улыбнулся незваному гостю:

— Какой приятный сюрприз, — заговорил граф Шеффилдский, не отрывая своих черных глаз от пастора. — Преподобный Уэнсли, вы нанесли мне визит самолично, польщен.

— Как же иначе, — ответил Фрай. — Вы настойчивы, милорд.

— Вижу, вижу, встреча не прошла незамеченной, но вы живы, значит, «маленький подарочек» упокоился с миром.

— Да вас это подарки, но они стоят жизней простых людей.

— Простые люди для того и существуют, чтобы быть разменными монетами. Но такие уникальные личности, как вы, дорогой друг, похожи на драгоценные слитки, которыми легко не пожертвуешь. Но не будем о грустном, вы пришли в мой дом в качестве гостя, да еще и во время завтрака, так что, милостиво прошу ко мне присоединиться, будет приятно откусать в компании, одиночество утомляет.

Он щелкнул пальцами и появился лакей, вышколенный, красиво одетый, в ливреях, вот только слегка неживой. Фрай заметил стеклянный взгляд и молочно-белое, бескровное лицо того слуги, что уже поставил на стол и второй прибор. Ему подвинули стул, но он не двинулся с места, так и остался стоять у двери.

— Прошу вас, — облачил граф свой приглашающий жест в просьбу. — Или вы боитесь Грувера? О, как это некрасиво бояться моего верного лакея, Грувер не опасней вашей

служанки и очень исполнительный, даже слов не надо.

— Он мертвец, как и все остальные обитатели вашего дома, полагаю.

— Зато такой надежный и никогда не предаст, — граф усмехнулся. — Он мне столько лет служит, все не могу отпустить на покой. Но я повторяю свое приглашение, а то еда остынет, она вкуснее горячей.

Фрай подошел к столу и сел. Ему тут же насыпали овсянки, принесли мясные котлеты и различные нарезки вареного мяса, сыра, сливочного масла. Такой аромат исходил от пищи, аж слюнки потекли, но пастор продолжал опасно изучать блюда, пока хозяин не рассмеялся:

— Неужели вы думаете, что я решил вас отравить, бросьте!?! У меня есть много других способов лишить вас жизни, отравление всегда было до банальности простым способом, поэтому мне оно неинтересно.

Фрай осторожно зачерпнул кушанье и попробовал, потом еще раз, пока не съел всю порцию. Ему тут же предложили добавки от которой он не отказался.

— Знаете, дорогой друг, — продолжил свой разговор граф, когда его гость принялся завтракать. — Дарквудс — на редкость приветливый городок, с такой-то репутацией они сохранили на удивление приветливое обхождение. Я порой навещаю в эту глубинку и просто умиляюсь от их наивности и добросердечности. Вас тоже приняли с распростертыми объятиями. А ведь поначалу, я в вас не верил, думал вы там и пары дней не продержитесь, после того как вы приняли сан, епископ Глостерский махнул на вас рукой, не побеспокоился объяснить почему такое солидное место простаивает без священника.

— Так это вы тот посетитель, который ожидал в кабинете его преосвященства.

— Конечно, я приехал поговорить о делах, заодно напомнить, что крохотный городок без священника, а тут он мне сообщает, что примет в сан достойного юнца, вот мы и решили вам преподнести неплохое благодеяние — приход на блюдечке. И я вас недооценил, с вас вышел прекрасный викарий, лучше даже чем Вейт, тот отпугивал прихожан от себя, а вы располагаете. Тогда я решил на вас взглянуть, не упреждено, глазами совы.

На этом месте Фрай поперхнулся, закашлялся, лакей поднес стакан воды, и пастор жадно ее заглотнул, усмиряя приступ.

— А вы не знали? Ах, да, не вините бедную совушку, она не специально, думает, что белый колдун ее освободил от моей власти. Поначалу я злился, но зачем портить все веселье, я мог теперь наблюдать через зеркальце за вашим дядей, а потом и за вами. Такая добросердечность — поселить ее в пасторате и всегда быть у меня на виду. Вы просто прелесть, такая самоотдача, правда, весь праздник осуществляете в одиночку, без свидетелей. Вот и сейчас, я узнал о вашем приезде, только когда вы подкатили к крыльцу. Кстати, мои поздравления, подчинить себе всех призраков в округе, это же самые хорошие шпионы, правда слабые, но их методы окупают любые недостатки.

От его самоуверенности Фрай потихоньку начинал беситься, но самое опасное состояло в том, что его подруга была во власти мага, пусть и неосознанно. Права была Нинни, когда предупреждала пастора об опасности — перекидыву нельзя доверять до конца, особенно когда он создан при таких обстоятельствах. Как жаль, что понял он это не сразу, и это стоило нескольких жизней. Что ж, пора уже заканчивать эту милую болтовню и переходить к делу:

— Вы ведь не допустите меня к Кровавому Алтарю?

Беззаботная усмешка графа сменилась насмешкой:

— Только если вы будете моим соратником, но по вашему уверенному выражению, подозреваю, что вы преследуете иные цели. Поэтому, нет, к источнику я вас не подпущу. К хозяину тоже, пусть спит, иначе вы потревожите его, и он проснется.

— Он и так скоро проснется, потревожу я его или не потревожу.

— Хм, видимо вы неправильно растолковали значение той гравюры, тогда я вам немного объясню, жаль придется потом убить, а второго такого смельчака вряд ли встречу. Делаю вам скидку, только из-за моего хорошего настроения — вы тот, кто его разбудит, вы тот, кто был свидетелем его прибытия, единственным выжившим свидетелем ритуала.

— Я думал, то был обычный сон, наваждение, — нервно сглотнул Фрай, не до конца понимая, шутит ли маг или говорит истину.

— То была ваша предыдущая жизнь, а предсказательница прошлого просто пробудила воспоминания. Она там была задействована волею случая, поэтому вы подумали, что видели ее воспоминания, только вот ее не было в момент восхождения хозяина. Игра судьбы такова, что вы каким-то образом связаны с Брахтой, если он черное, то вы его противоположность. И если ему суждено опять упасть в пропасть, то только с вашей руки.

Фрай молча слушал рассуждения врага и не мог поверить в свою уникальность, его убеждения и так претерпели некоторых изменений, а то, о чем поведали сейчас мало вязалось с рассудком. Неужели он не просто так попал сюда и стал тем, кем является. Значит, ему лично придется провести ритуал, но он вспомнил печальную участь предшественника — тот упал в пропасть, а потом появился демон. Фрай начал размышлять обо всем этом и не заметил, что наступила тишина и разговор прекратился. Уэнсли поднял голову и натолкнулся на пристальный взгляд графа, который покровительственно за ним наблюдал:

— Приятно осознавать свою уникальность или тяжело от истины происходящего? — поинтересовался он. — У вас еще есть выбор — стать моим соратником и преклонить колени перед хозяином. Думаю, он вас не тронет, вы же повязаны. Или, к моему глубокому сожалению, умереть в этом доме, лишь с осознанием того, что вы не предали тех постулатов с которыми сюда прибыли. Выбирайте?

— Сложный выбор, скажу я вам, милорд. С одной стороны, мне предлагают жизнь на правах марионетки темного существа, которому нет дела до чувств других людей и он может пожертвовать всеми, если ему так будет нужно. С другой — смерть от ваших рук, а потом перерождение в ожившего мертвеца, не думаю, что вы превратите меня в перекидыша, ибо я могу сбежать. Одно заманчивей другого, вот только вы не удосужились спросить, чего же я хочу и зачем сам бросился в пасть врагу. Неужели вы думали, что я приеду просто с вами поболтать. Мое предназначение уникально, я догадывался, что демона мне суждено загнать в ловушку, но оказывается мои полномочия шире — я проведу ритуал, после которого эта демоническая тварь отправится восвояси, откуда прибыла и не важно, выживу я или нет, главное, что Дарквудс будет спасен.

— Говорите, как настоящий миссионер, — ухмыльнулся граф. — Видимо божественные постулаты вам вбили поглубже, чем я думал. Значит, решено — смерть от моей руки.

В его руке появилось небольшое свечение, Фрай заметил это, быстро соображая, как может отразить удар. Свечение увеличивалось, рука засияла бирюзовым, а потом багровым светом, видимо, маг формировал заклинание в уме, и его приоритеты поменялись. Вот только у Фрая выбор был единичный — отбиться.

Как только граф Шеффилдский выставил руку вперед и произнес одно единственное

звучное слово, означающее выброс волшебства, пастор выхватил клинок, что был подобен зеркалу и махнул перед собой, стусток магии отлетел от него и направился на своего создателя, тот с проклятиями отскочил, в последний момент увернулся. Это была бы легкая победа противника, если бы его одолели собственные чары, но попытка не удалась.

— Вот как значит, хотел вам устроить легкую смерть, теперь пеняйте на себя, будем бить вас посильнее и оттягивать ваши муки.

Фрай ничего не ответил, он стал в боевую стойку, как из рыцарских романов, если он некогда был воином, стоит вспомнить былой опыт, сейчас он пригодится, как никогда. Маг же снова начал колдовать, он оттопырил большой палец, а остальные спрятал и проговаривал заклинание уже вслух, свечения не было, только его палец начал менять форму, слегка удлинился, на нем показался острый коготь, который рос и удлинялся, превращался в движущуюся проволоку, по которой искорками двигалась магия. Проволока вращалась, будто кнут, но если бы не искорки, она вообще не была бы заметна. Опасность встречи с нею возросла, Фрай понимал, что ее касание смертельно или причинит страдания. Нужно не подпустить этот магический предмет к себе, теперь он махал мечом все время, поражаясь, как легко с ним управляется, будто родился с этим знанием, хотя почему нет — он и родился таковым. Интересно, чтобы сказал дядя, если бы узнал, что собой представляет его племянник.

Маг продолжал произносить заклинание, теперь на его напряженном лице прошла волна негодования, видимо он разозлился от самоуверенности его жертвы. Прутик все еще дергался, но стал выкручиваться дугой по направлению к Фраю. Первый выпад он отбил, отскочил на несколько шагов. Второй выпад колючки едва его не проткнул, но преградой стал жилет под сюртуком. Фрай вспомнил, что перестраховался, переодевшись еще в карете леди-призрака. Маг недоумевающее посмотрел на него, когда прутик отскочил от невредимого пастора, а тот заулыбался.

— Думаешь, эти хлипкие доспехи спасут тебя от моих чар, ошибаешься, милоч.

— Тогда ты ошибаешься в своих самодовольных выводах, я не об этом подумал.

Фрай пошел в атаку, он пару раз попрыгал в сторону от прутика, подбежал на близкое расстояние и махнул клинком. Вроде бы ничего не изменилось от того, что он это сделал, но прутик сам перестал двигаться и втянулся в палец, снова став ногтем. Это длилось всего секунду, когда маг осознал, что ему отрубили большой палец правой руки. Вот и кровь хлынула из поврежденной конечности, он схватился за руку и начал стенать, проклиная пастора.

— Вот гнусное животное, паршивец, ***, да чтоб ты сгнил у алтаря, жук навозный.

— Кажется, милорд, вы пострадали во время охоты, — издевательски парировал Фрай. — Вот видите, иногда затравленный зверь опасней своры собак, что вы их выпускаете.

Он снова принял боевую стойку, удостоившись секундной передышкой. В левой руке мага замерцал увеличивающийся нестабильный эллипс, который то и дело терял форму, значит, маг испытывал острую боль и не мог сосредоточенно сформировать заклинание. Бросок, легкий полет, рикошет, но теперь в сторону полетел и сам Фрай, настолько сильным было это заклинание. Оно полетело в сторону и упало недалеко от пастора, когда тот едва успел отползти на два шага в сторонку. Но маг управлял этим боевым шаром, и заклинание не развеялось, оно выпрыгнуло из пробившейся стены, с минуту парило в воздухе, пока граф настраивал его на новый выпад, а Уэнсли остался безоружным, его меч остался лежать у стены. Положение было поистине смертельно опасным, сейчас эта магическая сфера ударит

по нему и поминай, как звали.

— Умри, сволочь неблагодарная, — отозвался маг, и где подевались его воспитание и манеры, видимо слетели с большим пальцем.

Фрай в это время хотел подобраться своему мечу, но путь ему преградил магический эллиптический шар, шанс схватиться за оружие и отбить удар упущен безвозвратно. Что же делать, если умирать не хочется, в это время глаз скользнул по гладкому предмету, что оказался неподалеку от пастора, всего лишь на расстоянии вытянутой руки, это был серебряный поднос, который лакей оставил неподалеку на случай, если придется бежать за угощением или питьем. Маг разжал кулак, шар полетел, рука потянулась за подносом, время замедлилось в два удара сердца, послышался свист предмета, муха замахала крыльями, отлетев от Грувера, а тот даже не шелохнулся, разглядывая все безучастными глазами. А теперь время заскакало — пространство прорезал поднос, шар влетел в него с такой силой, что прогул предмет, но Фрай со всей силы оттолкнул предметом магический эллипс и тот полетел обратно, врезался в зеркало, срикошетил и влетел в лакея, там же и развеялся. Лакей разлетелся на мелкие кусочки и только глаза продолжали безучастно смотреть на все происходящее, лежа на полу.

Маг заревел от бешенства, топнул ногой и в ярости посмотрел на Фрая, но молодой человек не давал себе передышки он вскочил на ноги и бросился к мечу, выхватил свой серебряный клинок и понесся на мага, пока тот еще чего-то не наколдовал, только сильный чародей теперь бросился наутек, он взмахнул здоровой рукой, и двери расплылись, он ворвался в то пространство, но Фрай наткнулся на преграду. Двери снова стали дверьми и он в них влетел с размаху. Падение было жестким, болела голова и плечо, а также ушибленная нога. Но, кажется, он сумел ненадолго расправиться с противником, темный маг позорно сбежал от него. Лишь только палец остался, как свидетельство битвы и поврежденная стена. Недолго думая, Фрай схватил отрезанный трофей и положил во внутренний карман, обмотав носовым платком, ему казалось, что плоть мага еще пригодится.

А дальше ему пришлось выйти из зачарованного особняка и пешим ходом отправиться в город. К вечеру он прибыл к окраине Дарквудса, где расположен был Хиллидж-форд. Сейчас молодого пастора с трудом было узнать, он был настолько измучен и потрепан, что еще больше напоминал злыдня, но не внешность его волновала. Он подошел к калитке, постучался и попросил проводить его к мистеру Батлеру. Хозяин прибыл домой, об этом свидетельствовал экипаж, который все еще стоял у крыльца.

— Убирайся, откуда пришел, — грубо ответил слуга, — хозяин не принимает нищих.

— Зато он принимает Фрая Уэнсли, и если ты обо мне не доложишь, я нажалуюсь твоему патрону, посмотрим, кто и куда отправится.

Слуга неохотно пошел в дом, но тут же бегом вернулся, извинялся за свое нелепое поведение и открыл калитку. Фрай вошел в дом, в котором царила суэта. Его встретил дворецкий и бежал впереди, чтобы успеть сообщить хозяевам. Преподобный отец чувствовал усталость тела, но душа его пребывала в твердой решимости действовать.

В личном кабинете его встретил сам хозяин, который сегодня спозаранку возвращался и услышал, что преподобного Уэнсли уже хватились, в пасторате учинилась паника, и Джордж ускакал туда. Сам же Фортрайд обещался присоединиться, как только положит ценные бумаги в сейф.

— Скажите, а дядюшка прибыл с вами? — сейчас неплохо переговорить с белым колдуном обо всем этом, но мистер Батлер отрицательно покачал головой, они расстались

еще в начале путешествия, он высадил его у здания тайного министерства и поехал в Лондонский архив.

— Я думал, он волком уже прибыл на место, — оправдывался мистер Батлер, преподобный Уэнсли тяжело потер подбородок, потом проговорил:

— Если я вас попрошу об одной услуге, вы мне не откажите. Я полагаюсь на вас. Сейчас я возьму план вашего Дарквудского поместья и отправляюсь туда, а вы срочно начинаете готовить все к ритуалу.

Мистер Батлер открыл рот, хотел что-то возразить:

— Я знаю, что вы хотите сказать, — перебил его Фрай. — Но будет лучше, если об этом не узнают мои родные, я хочу уехать немедленно. Только вот прошу вас, чтобы не случилось со мной, и какие бы не начались происшествия, вы позаботитесь о Марии. Большого я от вас не требую, мне очень нужно знать, что ей не придется вернуться к деспоту-отцу.

— Я обещаю вам, что мисс Уэнсли не будет ни в чем нуждаться. Даже если их свадьба по тем или иным причинам не состоится, я лично позабочусь о дальнейшей судьбе милой барышни.

— Благодарю, большего я требовать не буду. И скажите моему дяде, если он вернется, а я буду отсутствовать, что маг все так же властен над разведчицей, как и прежде. Что его власть продолжается, он все поймет, — пастор снял с себя кулон и подал Батлеру, это был подарок Фрейлин, но Уэнсли не хотел больше, чтобы за ним следили — ни друзья, ни враги.

Фортрайд кивнул, и они принялись обсуждать намерение молодого пастора приехать в замок. Все же виконт уговорил пастора приодеться и взять с собой в дорогу необходимые вещи, а еще откусать и немного отдохнуть. Он видел, в каком печальном виде прибыл священник и что он еще и голоден. На скорую Фрай рассказал об ожившем мертвце преподобного Вейта, которого ему пришлось упокоить этой ночью и что он потерял одного из своих союзников. А потом он коснулся личной встречи с магом и как отрубил ему большой палец. Фортрайд даже брезгливо покосился на отрезанный палец, потом хихикнул:

— Ну, пусть знают, что нельзя своими колдовскими штучками храбрых людей запугивать. Мистер Уэнсли, если б я знал заранее, что повстречаюсь с вами и буду иметь столько приключений, а также надежду избавления от проклятия, то сам бы заказал для вас доспехи. Только вот скажите, почему вы не хотите подождать до пробуждения демона, или боитесь, что к тому времени на подступах будет целая армия его союзников?

— Ждать не обязательно, я точно знаю, что он проснется. Тогда зачем терять драгоценное время, мой час пришел, и я отправляюсь сейчас же...

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net